

H. S. JENKINS

1882-1883

100

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В. С. ДЪСКОВА

ВЪВЕДЕНІЕ

Въведеніе къ полному собранію сочиненій В. С. Дъкова, составленнаго редакціею И. П. Павлова, съ предисловіемъ И. П. Павлова. М., 1880.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

НА НОЖАХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

WYKONANIE

WYKONANIE

Часть вторая.

БЕЗДНА ПРИЗЫВАЕТЪ БЕЗДНУ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Продолженіе о томъ, какъ Гордановъ далъ шахъ и мать
Юсафу Висленеву.

Читатель можетъ подумать, что авторъ не сдержалъ своего слова и, обѣщавъ показать въ предшествовавшей главѣ, какъ Павелъ Николаевичъ Гордановъ дастъ шахъ и мать другу своему Юсафу Висленеву, не показалъ этого хода; но это будетъ напрасно: погибельный для Висленева ходъ сдѣланъ, и спасенія Юсафу Платоновичу теперь нѣтъ никакого; но только какъ ходъ этотъ необыченъ, тонокъ и новъ, то его, можетъ-быть, многіе не замѣтили: проникать дѣянія нашего героя не всегда легко и удобно.

Юсафъ Платоновичъ работалъ энергически, и въ пять или въ шесть дней у него созрѣла богатырская статья, въ которой вниманію враговъ Россіи рекомендовались самыя смѣлые и неудобноприложимые планы, какъ одолѣть насъ и загнать въ Азію.

Гордановъ не разъ навѣстилъ въ эти шесть дней Висленева и слушалъ его статью въ брульйонахъ съ величайшимъ вниманіемъ, и съ серьезнѣйшимъ видомъ указывалъ, гдѣ припустить сахарцу, гдѣ подбавить перцу, и все это тонко, мягко, деликатно, тщательно храня и оберегая болѣзненное авторское самолюбіе Юсафа Платоновича.

— Я тебя не учу,—говорилъ онъ Висленеву:—и ты потому, пожалуйста, не обижайся; я знаю, что у тебя есть свой талантъ, но у меня есть своя опытность, и я по опыту тебѣ говорю: здѣсь посоли, а здѣсь посахари.

Висленевъ слушался, и произведеніе его принимало характеръ все болѣе лютый, а Гордановъ еще уснащалъ его прибавками и перестановками и все папираль на извѣстный ему «ихній вкусъ».

Со времени смѣшенія языковъ въ ихъ нигилистической сектѣ, вмѣстѣ съ потерей сознанія о томъ, что честно и что безчестно, утрачено было и всякое опредѣленное понятіе о томъ, кто ихъ друзья и кто ихъ враги. Принципы растеряны, враги гораздо ревностнѣе стоятъ за то, за что хотѣли ратовать ихъ друзья; земельный надѣлъ народа, равноправіе всѣхъ и каждого предъ лицомъ закона, свобода совѣсти и слова, — все это уже отстаиваютъ враги, и спорить приходится развѣ только «о бревнѣ, упавшемъ и никого не убившемъ», а между тѣмъ враги нужны, и притомъ не тѣ враги, которые дѣйствительно враждебны честнымъ стремленіямъ къ равноправію и свободѣ, а *они*, какіе-то невѣдомые мионческіе враги, преступленій которыхъ нигдѣ вѣтъ, и которые просто называются *они*. Противъ этихъ мионческихъ *ихъ* ведется война, пишутся исквили, дѣлаются доносы, съ *ними* чувствуютъ безповоротный разрывъ и намѣрены по гробъ жизни съ ними не соглашаться. Во имя этихъ мионческихъ *ихъ* заигралъ на Висленевѣ и Гордановъ. Онъ говорилъ ему, какъ надо приспособиться, чтобы допекать *ихъ*, такъ чтобы *они* чувствовали; но какъ ни осторожно Гордановъ подходилъ съ своими указаніями къ Висленеву, послѣдняго все-таки неприятно задѣвало, что его учать, и онъ даже по поводу указаній Горданова на *ихъ* вкусъ и права отвѣчалъ:

— Ну, и довольно, ты мнѣ скажи, на какой вкусъ, и этого съ меня и довольно, а я уже знаю какъ потрафить.

И онъ потрафлялъ: статья, поправлявшаяся въ теченіе ночи, къ утру становилась змѣи и василиска злѣе, но приходилъ Гордановъ, прослушивалъ ее и находилъ, что опять мягко.

— Не то,—говорилъ онъ:—чтобы чего не доставало, напротивъ, здѣсь все есть, но знаешь... Поясню тебѣ примѣромъ: тебя, положимъ, попросили купить жирную лошадь...

— Я и куплю жирную,—перебилъ Висленевъ.

— Да, но она все-таки можетъ не понравиться, или крупъ недостаточно жиренъ, или шея толста, а я то же самое количество жира да хотѣлъ бы расположить иначе, и тогда она и будетъ отвѣчать требованіямъ. Вотъ для этого берутъ коня и вышотняютъ его, то-есть перекладываютъ жиръ съ шеи на крупъ, съ крупа на ребро и т. п. Это надо подѣлать еще и съ твоею прекрасною статью,—се надо вышотнить!

— Я этого даже никогда и не слыхалъ, чтобы по произволу перемѣщали жиръ съ одной части тѣла на другую,—отвѣчалъ Висленевъ.

— Ну, вотъ видишь ли, а между тѣмъ это всякій цыганъ знаетъ: на жирное мѣсто, которое хотятъ облегчить, кладутъ войлочные потники, а тѣ, куда жиръ перевести хотять, водой помачиваютъ, да и гоняютъ коня, пока онъ въ соотвѣтственное положеніе придетъ. Не зналъ ты это?

— Не зналъ.

— Ну, такъ знай, и, если хочешь, дай мнѣ, я твою статью попотню. Согласенъ?

— Беру.

— Нѣтъ, я это тутъ же при тебѣ. Видишь, вотъ тутъ это вошь вычеркни, а вмѣсто этого вотъ что напиши, а сюда на мѣсто того вотъ это поставь, а тутъ...

И Гордановъ какъ пошелъ выпотнять висленевскую статью, такъ Висленевъ, быстро чертившій то тутъ, то тамъ, подъ его диктовку, и ротъ разинулъ: изъ простого, мясистаго, жирнаго и брыкливаго коня возникъ неодолимый конь Діомеда, готовый растоптать и сожрать всѣхъ и все.

— Молодецко!—воскликнулъ, радуясь, самъ Висленевъ.

— Теперь бы кому-нибудь прочесть, чтобы взглянуть на впечатлѣніе,—посоветовалъ Гордановъ.

Висленевъ назвалъ своего «сосѣда по имѣнію», Теохтиста Меридіанова, который пришелъ въ своихъ кимрскихъ туфляхъ и все терпѣливо прослушалъ, и потомъ, по своему обыкновенію, подражая престонародному говору, сказалъ, что какъ все это не при немъ писано, то онъ не хочетъ и лѣзть съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ, чтобы судить о такой политической матеріи, а думаетъ лишь только одно, что въ старину за это

Дали бъ въ назиданіе
Такъ ударовъ со сто,

Чтобы помнить зданію
У (има рекъ) моста.

Гордановъ при этихъ словахъ Меридіанова изловилъ подъ столомъ Висленева за полу сюртука и сильно потянулъ его внизъ, дескать: осторожность, осторожность!

— Этотъ человекъ совсѣмъ мнѣ не нравится, — заговорилъ Гордановъ, когда Меридіановъ вышелъ. — Онъ мнѣ очень подозрителенъ, и такъ какъ тебѣ все равно отдавать мнѣ эту статью для перевода на польскій языкъ, то давай-ка, братъ, я возьму ее лучше теперь же.

— На что же?

— Да такъ, знаешь, про всякій случай отъ грѣха.

Висленевъ безтрепетною рукой вручилъ свое безсмертное твореніе Горданову.

Да и чего же было, кажется, трепетать? А трепетать было отъ чего.

Если бы Висленевъ послѣдовалъ за Гордановымъ, когда тотъ вышелъ, унося съ собою его выпотненную статью, то онъ не скоро бы догадался, куда Павелъ Николаевичъ держитъ свой путь. Бѣгая изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, онъ наконецъ юркнулъ въ подъѣздъ, надъ которымъ красовалась вывѣска, гласившая, что здѣсь «Касса ссудъ подъ залогъ движимостей».

Здѣсь жилъ литераторъ, ростовщикъ, революціонеръ и полиціантъ Тихонъ Ларионовичъ Кишенскій, о которомъ съ такимъ презрѣніемъ вспоминала Ванскокъ и которому требовался законный мужъ для его фаворитки, Алины Фигуриной.

Къ Кишенскому вела совершенно особенная лѣстница, если не считать двухъ дверей бель-этажа, въ коихъ одна вела въ аптеку, а другая въ сигарный магазинъ. Три же двери, окружающія лѣстничную террасу третьяго этажа, всѣ имѣли разные нумера, и даже двѣ изъ нихъ имѣли разныя таблички, но все это было вздоръ: всѣ три двери вели къ тому же самому Тихону Кишенскому или, какъ его по-просту звали, «жиду Тишкѣ». Три эти двери значились подъ №№ 7-мъ, 8-мъ и 9-мъ. Надъ 8-мъ, приходившимся посрединѣ, была большая бронзовая дощечка съ чернымъ надписаніемъ, объявлявшимъ на трехъ языкахъ, что здѣсь «Касса ссудъ». На правой двери, обитой новою зеленою клеенкой съ мѣдными гвоздями, была подъ стекломъ таб-

личка, на которой красовалось имя Тихона Ларіоновича, и тутъ же былъ прорѣзъ, по которому спускались въ ящикъ письма и газеты; лѣвая же дверь просто была дверь № 9-й. Входи въ среднюю дверь, или дверь № 8-й, вы попадали въ довольно большой залъ, обставленный прилавками и шкафами. За прилавками сидѣла пѣмецкая дама, говорившая раздавленнымъ голосомъ краткія рѣчи, касающіяся залогодательства, и поминутно шнырявшая за всякимъ разрѣшеніемъ въ двери направо, по направленію къ № 7-му. Въ № 7-мъ была хорошая холостая квартира съ дорогою мебелью, золоченою кроватью, массивнымъ буфетомъ, фарфоромъ и бронзой, съ говорящимъ попугаемъ, мраморною ванной и тѣмъ неодолимымъ преизбыткомъ вкуса, благодаря которому меблированные такимъ образомъ квартиры гораздо болѣе напоминаютъ мебельный магазинъ, чѣмъ человѣческое жилье. Въ № 9-мъ... но объ этомъ послѣ.

Герой нашъ пожалъ электрическую пуговку у двери номера седьмого и послалъ свою карточку черезъ того самого лакея, рѣшительный характеръ и исполнительность котораго были извѣстны Ванскокъ. Пока этотъ враждебный геній, съ лицомъ ровнаго розоваго цвѣта и съ рыжими волосами, свернутыми у висковъ въ двѣ котелки, пошелъ доложить Тихону Ларіоновичу о прибывшемъ гостѣ, Гордановъ окинулъ взоромъ рядъ комнатъ, открывавшихся изъ передней, и подумалъ: «однако этотъ ужъ совсѣмъ подковался. Ему уже нечего будетъ сокрушаться и говорить: «здравствуй, безпомощная старость, догорай, бесполезная жизнь!» Но нечего бояться этого и мнѣ, — итъ, мой планъ геніаленъ; мой расчетъ вѣренъ, и будь только за что зацѣпиться и на чемъ расправить крылья, я не эту мѣщанскую обстановкой стану себя тѣшить, — я стану считать рубли не сотнями тысячъ, а милліонами... милліонами... и я пойду, вознесусь, попру... и...

И въ эту минуту Павелъ Николаевичъ внезапно почувствовалъ неприятное жженіе въ горлѣ, которымъ обыкновенно начинались у него приступы хорошо знакомыхъ ему спазмодическихъ припадковъ. Онъ взялъ надъ собою власть и пересилилъ начинающійся пароксизмъ какъ разъ вовремя, потому что въ эту самую минуту въ глубинѣ залы показалась худощавая, высокая фигура Кишенскаго, въ которомъ въ самомъ дѣлѣ было еще значительно замѣтно

присутствіе еврейской крови. Лицо его было довольно плоско и не украшалось характернымъ израильскимъ носомъ, но маленькіе каріе глазки его глядѣли совершенно по-еврейски, и движенія его были порывисты. Кишенскій былъ одѣтъ въ роскошномъ плафорѣ, подпоясанномъ дорогимъ инуромъ съ кистями, и въ туфляхъ не кимрской работы, а въ дорогихъ, золотомъ шитыхъ, туфляхъ; въ рукахъ онъ держалъ тяжелую трость со слоновою ручкой и довольно острымъ стальнымъ наконечникомъ. Возлѣ Кишенскаго, съ одной стороны, цемпожко сзади, шелъ его рѣшительный рыжій лакей, а съ другой, у самыхъ ногъ, еще болѣе рѣшительный рыжій бульдогъ.

— Господинъ Гордановъ!—заговорилъ на половинѣ комнаты Кишенскій, пристально и зорко взглядываясь въ лицо Павла Николаевича и произнося каждое слово отчетливо; спокойно и очень серьезно.—Прошу покорно! Давно ли вы къ намъ? А впрочемъ я слышала... Да. Иди въ свое мѣсто,—заклучилъ онъ, оборотясь къ лакею, и подаль Горданову жесткую, холодную руку.

Послѣ первыхъ незначущихъ объясненій о времени приѣзда и о прочемъ, они перешли въ маленькій, также густо меблированный кабинетъ, гдѣ Кишенскій самъ сѣлъ къ письменному столу и, указавъ противъ себя мѣсто Горданову, не обинуясь спросилъ: чѣмъ онъ можетъ служить ему?

Гордановъ всего менѣе ожидалъ такого приѣма.

— Вы меня спрашиваете такъ, какъ-будто я долженъ заключить изъ вашихъ словъ, что безъ дѣла мнѣ не слѣдовало и посѣщать васъ,—отвѣчалъ Гордановъ, въ которомъ шевельнулась дворянская гордость предъ этимъ ломаньемъ жидка, отецъ котораго, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, продавалъ въ Одессѣ янтарные мундитуки.

— Итъгъ, не то,—отвѣчалъ, нимало не смущаясь, Кишенскій:—я бы вѣдь могъ васъ и не принять, но я принялъ... Видите, у меня нога болитъ, легонькій ревматизмъ въ колѣнѣ, но я всталъ и, хоть на палку опираясь, вышелъ.

Проговоривъ это тѣмъ же ровнымъ, невозмутимымъ, но возмущающимъ голосомъ, которымъ непремѣнно научаются говорить всѣ разбогатѣвшіе евреи, Кишенскій отвернулся къ драшировкѣ, за которою могла помѣщаться кровать, и хлопнулъ два раза въ ладоши.

Драшировка слегка всколыхнулась, и вслѣдъ затѣмъ че-

резь залу, по которой хозяинъ провель Горданова, появился знакомый намъ рыжій лакей.

— Юганъ, дайте намъ чаю.—велѣлъ ему Кишенскій, совершенно по-жидовски вертись и нѣжась въ своемъ халатѣ.

— Откуда вы себѣ достали такого «гайдука Хрызмыча»?—спрашивалъ Гордановъ, стараясь говорить какъ можно веселѣе и уловить хотя малѣйшую черту пріятливости на лицѣ хозяина, но такой черты не было: Кишенскій, не отвѣчая улыбкой на улыбку, сухо сказалъ:

— Юганъ съ острова Эзеля.

— Какой ужасный ростъ и ужасная сила!

— Да, они неуклюжи, но очень вѣрны, — въ этомъ ихъ достоинство, а нынче вѣрный человѣкъ большая рѣдкость.

«Это ты говоришь!» подумалъ, тщательно скрывая свое презрѣніе, Гордановъ, — но молвилъ спокойно:

— Да, у васъ тутъ много кое-чего поизмѣнилось!

— Будто! Я не замѣчаю; кажется, все то же самое, что и было.

— Ну, нѣтъ!

— А я, постоянно сидя за работою, право ничего не замѣчаю.

Гордановъ нетерпѣливо повернулся на стулѣ и, окинувъ глазами все окружающее, имѣлъ обширный выборъ темъ для возраженія хозяину, но почувствовалъ мгновенное отвращеніе отъ игры въ слова съ этимъ сыномъ продавца янтареи, и сказалъ:

— А вы правы, я зашелъ къ вамъ не для пустого временипровожденія, а по дѣлу.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ: времени по пустякамъ и безъ того провождено очень много.

— Только не вами, надѣюсь,—проговорилъ сквозь улыбку Гордановъ.

Кишенскій волоскомъ не ворохнулся, не моргнулъ и ни звука не отвѣтилъ. Это еще болѣе не понравилось Горданову, но сдѣлало его рѣшительнѣе.

— У меня есть одинъ планъ... или какъ это у насъ въ старину говорилось, одно «предпріятіе», весьма для васъ не безвыгодное.

Кишенскій мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ и молчалъ.

— Вы не прочь отъ аферы, или вы аферами пренебрегаете?

— Надо знать, какая афера.

— Разумѣется, выгодная афера и вѣрная.

— Всякій, предлагая свою аферу, представляет ее и вѣрною и выгодною, а на дѣлѣ часто выходитъ чортъ знаетъ что. Но я не совсѣмъ понимаю, почему вы съ аферой отнеслись ко мнѣ? Я вѣдь человѣкъ занятой и большими капиталами не верочаю: есть люди гораздо болѣе меня удобные для этихъ операцій.

— Для той аферы, которую я намѣренъ предложить вамъ, нѣтъ человѣка удобнаго болѣе васъ, потому что она васъ однихъ болѣе другихъ касается.

— Касается меня!

— Да; касается васъ—лично васъ, господинъ Кишенскій.

— Позвольте выслушать.

— Извольте-съ. У меня есть мысль, соображеніе или, лучше сказать, совершенно вѣрный, математически рассчитанный и точный, зрѣло обдуманый планъ въ полгода времени сдѣлать изъ двадцати пяти тысячъ рублей серебромъ громадное состояніе въ нѣсколько десятковъ милліоновъ.

Гордановъ остановился и уставилъ глаза на Кишенскаго, который смотрѣлъ на него неподвижными, остолбенѣвшими глазами и вдругъ неожиданно позвонилъ.

— Вы не думаете ли, что я сумасшедшій? — спросилъ Гордановъ.

— Нѣтъ; это я звоню для того, чтобы мнѣ перемѣнили стаканъ. Что же касается до вашего способа быстрого наживанія милліоновъ, то мы въ послѣднее время отвыкли удивляться подобнымъ предложеніямъ. Начиная съ предложенія Ванскоу учредить кошачій заводъ, у насъ всѣ приготовили руки къ милліонамъ.

— Но между дурацкою башкой Ванскоу и моею головою, я думаю, вы допускаете же какую-нибудь разницу.

— О, разумѣется! Я знаю, что вы человѣкъ умный, но только позвольте вамъ по-старому, по-дружески сказать, что вѣдь никто и не дѣлаетъ такъ легкомысленно самыхъ опрометчивыхъ глупостей, какъ умные люди.

— Это мы увидимъ. И вамъ не стану нахваливаться мой планъ, какъ цыганъ лошадь: мой вѣрный планъ въ этомъ не нуждается, и я не къ тому иду теперь. Кромѣ того, что вы о немъ знаете изъ этихъ словъ, я до времени не открою вамъ ничего и уже, разумѣется, не попрошу у васъ

подъ мои соображенія ни денегъ, ни кредита, ни поручительства.

— Я ни за кого не ручаюсь.

— Я знаю, и мнѣ *для меня* отъ васъ пока ничего не пужно. Но планъ мой вѣренъ: вы знаете, что я служилъ въ западномъ краѣ и, кажется, служилъ не дурно: я получалъ больше двухъ тысячъ содержанія, чего съ меня, одинокаго человѣка, было, конечно, весьма довольно; ужиться я по моему характеру могу рѣшительно со всякимъ начальствомъ, какихъ бы воззрѣній и системъ оно ни держалось.

— Я это знаю.

— И между тѣмъ я бросилъ эту службу.

— Очень сожалѣю.

— Подождите жалѣть. Служить тамъ, это не то, что служить здѣсь, какъ напримѣръ вы служите.

— Я вѣдь служу по найму, — у меня нѣтъ правъ на коронную службу.

— Это все равно, но вы тѣмъ не менѣе человѣкъ не безъ вліянія по службѣ, и вы дѣлаете другія дѣла: вы играете на биржѣ и играете, если только такъ можно выразиться, на трехъ разнохарактерныхъ органахъ, которые могутъ служить вашимъ видамъ.

— Это, знаете, случайность, и на подобную вещь навѣрняка считать нельзя.

— Успокойтесь, любезный Тихонъ Ларіоновичъ: я вамъ не завидую и конкуренціи вамъ не сдѣлаю: мои планы иные, и они, не въ обиду вамъ будь сказано, кажутся мнѣ повѣрнѣе вашихъ. А вы вотъ что... позволяете вы говорить съ вами на-чистоту?

— Въ торговыхъ дѣлахъ чѣмъ кратче, тѣмъ лучше.

— Вы меня не спрашиваете, въ чемъ заключается мой планъ, замѣтьте, несомнѣнный планъ приобрѣтенія громаднѣйшаго состоянія, и я знаю, почему вы меня о немъ не спрашиваете: вы не спрашиваете не потому, чтобъ онъ васъ не интересовалъ, а потому, что вы знаете, что я вамъ его не скажу, то-есть не скажу въ той полнотѣ, въ которой бы мой вѣрный планъ, изобрѣтеніе человѣка, нуждающагося въ двадцати пяти тысячахъ, сдѣлался вашимъ планомъ,—планомъ человѣка, обладающаго всѣми средствами, нужными для того, чтобы черезъ полгода, не болѣе какъ

черезъ полгода, владѣть состояніемъ, которымъ можно удивить Европу. Вы знаете, что я вамъ этого не скажу.

— Совершенно вѣрно.

— А я не скажу вамъ этого потому, что вы мнѣ двадцати пяти тысячъ въ полное мое распоряженіе не довърите.

— Это тоже вѣрно.

— Поэтому я хочу сдѣлать себѣ нужныя мнѣ двадцать пять тысячъ самъ, при вашемъ, однако, посредствѣ, но при такомъ посредствѣ, которое вамъ будетъ не менѣе выгодно, чѣмъ мнѣ.

Кишенскій придавилъ въ столѣ электрическую пуговку и велѣлъ, появившемуся предъ нимъ лакею, никого не принимать.

— Вы меня, стало-быть, слушаете?—спросилъ Гордановъ.

— Съ огромнымъ вниманіемъ,—отвѣчалъ Кишенскій, подавая ему большую сигару.

— И я могу вамъ говорить все?

— Все.

— Касаясь прямо всѣхъ?

— Всѣхъ.

— Ну, такъ извольте же слушать и отвѣчать мнѣ на все прямо.

— Идетъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Финальная ракета.

— Вамъ нуженъ одинъ человѣкъ?—спросилъ, глядя въ упоръ Кишенскому, Гордановъ.

Тотъ смолчалъ, да и въ самомъ дѣлѣ недоумѣвалъ, къ чему клонить эта рѣчь.

— Вы ищете имени вашимъ дѣтямъ, которыя у васъ есть и которыя впередъ могутъ быть?

— Это правда.

— Хорошо! Такъ откровенно говоря, мы пойдемъ очень скоро. Вы сами не можете жениться на дорогой вамъ женщицѣ, потому что вы женаты.

— Правда.

— Вы много хлопотали, чтобъ устроить дѣло?

— Не очень много, но довольно.

— Да дѣло это нельзя дѣлать шахъ-матъ: дворянинишкы

съ вѣтра взять неудобно; бракъ у насъ предоставляетъ мужу извѣстныя права, которыя хотя и не то, что права мужа во Франціи, Англійи или въ Америкѣ, но и во всякомъ случаѣ все-таки еще довольно широки и могутъ стѣснять женщину, если ея мужъ не дуракъ.

— Вы разсуждаете превосходно.

— Надѣюсь, что я васъ понялъ. Тенерь идемъ далѣе: дорогая вамъ женщина не обладаетъ средствами Глафиры Акатовой, чтобы сдѣлаться госпожой Бодростиной; да вамъ это и не нужно: васъ дѣла связываютъ неразлучно и должны удерживать неразлучно навсегда, или по крайней мѣрѣ очень надолго. Я не знаю вашихъ условій, но я такъ думаю.

— Вы знаете столько, сколько вамъ нужно, чтобъ имѣть совершенно правильный взглядъ на это дѣло.

— Тѣмъ хуже и тѣмъ лучше. Найти себѣ мужа по примѣру Казимиры Швернотской, Данки и Ципри-Кипри теперь невозможно, это уже выдохлось и не дѣйствуетъ: изъ принципа нынче болѣе никто не женится.

— Да, мы съ этимъ уже немножко запоздали.

— Вотъ видите: стало-быть, не все идетъ по-старому, какъ вы желали мнѣ давеча доказать... Вы доведены обстоятельствами до готовности пожертвовать на это дѣло десятью тысячами.

— О такой цифрѣ. признаюсь, у насъ еще не думано.

— Будто бы?

— Увѣряю васъ честью.

— Ну, такъ вы скупы.

— Однако... разумѣется... около этого что-нибудь... тысячъ пять — семь, расходовать можно.

— Гдѣ семь, тамъ десять, это ужъ не расчетъ. Вы не подумайте, пожалуйста, что я предлагаю вамъ самоличныя мои услуги, нѣтъ! Я пришелъ къ вамъ какъ плантаторъ къ плантатору: я продаю вамъ другого человѣка.

— Какъ продасте?

— Такъ, очень просто, продаю да и только.

— Безъ его согласія?

— Онъ никогда и ни за что на это не согласится.

Кишенскій вдругъ утратилъ значительную долю своего безучастнаго спокойствія и глядѣлъ на Горданова широко раскрытыми, удивленными глазами. Павелъ Николаевичъ замѣтилъ это и торжествовалъ.

— Да, онъ никогда и никогда, и ни за что на это не согласится, и тѣмъ для него хуже, — сказалъ Гордановъ, не давая своему собесѣднику оправиться.

Книженскій совсѣмъ выскочилъ изъ колѣн и улыбнулся странною улыбкой, которая сверкнула и сгасла.

— Извините, пожалуйста, но вы меня смѣшите, — проговорилъ онъ, и опять улыбнулся.

— Смѣшу васъ? Нимало. Въ чемъ вы тутъ видите смѣшное?

— Вы распоряжаетесь кѣмъ-то на старомъ помѣщичьемъ правѣ и даже еще круче: хотите велѣть человѣку жениться и полагаете, что онъ непременно обязанъ вамъ повиноваться.

— А, конечно обязанъ.

— Позвольте узнать, почему?

— Почему? Потому что я уменъ, а онъ глупъ.

— Но вы не забываете ли, что свадьбы поны вѣнчаютъ въ церкви, и что при этомъ согласіе жениха столь же необходимо, какъ и согласіе невѣсты?

— Пожалуйста, будьте покойны: будемте говорить о цѣлѣ, а товаръ я вамъ сдамъ честно. Десять тысячъ рублей за мужа, молодого, благосовитаннаго, честнаго, глупаго, либеральнаго и такого покладистаго, что изъ него хоть веревки вей, это, по чести сказать, не дорого. Берете вы или нѣтъ? Денегъ я не уступлю, а вы другого такого не найдете.

— Но и вы тоже не скоро найдете другого покушника, да и не ко всякому, надѣюсь, отнесетесь съ такимъ предложеніемъ.

— Вы понимаете дѣло, Тихонъ Ларіоновичъ, и за это я вамъ сразу пятьсотъ рублей сбавляю: угодно вамъ девять тысячъ пятьсотъ рублей?

— Дорого.

— Дорого! Девять тысячъ пятьсотъ рублей за человѣка съ образованіемъ и съ самолюбіемъ!

— Дорого.

— Какая же ваша цѣна?

— Послушайте, Гордановъ, да не смѣшно ли это, что мы съ вами серьезно торгуемся на такую куплю?

— Нимало не смѣшно, да вы объ этомъ, пожалуйста, не заботьтесь: я вамъ продаю не воробья въ пѣбѣ, котораго

еще надо ловить, а здѣсь товаръ налицо: живой человѣкъ, котораго я вамъ прямо передамъ изъ рукъ въ руки.

— Я, право, не могу вамъ вѣрить.

— Я и не прошу вашего довѣрія: я не беру ни одного гроша до тѣхъ поръ, пока вы сами скажете, что дѣло сдѣлано основательно и честно. Говорите только о цѣнѣ, какая ваша послѣдняя цѣна?

— Я право не знаю, какъ объ этомъ говорить... о подобной покупкѣ!

— Да въ чемъ затрудненье-то? Въ чемъ-съ? Въ чемъ?

Кишенскій развелъ руки и улыбнулся.

— Однако я полагаю, что вы гораздо рѣшительнѣе, — петербургливо сказалъ Гордановъ.

Кишенскій завертѣлся на мѣстѣ и, продолжительно обтирая лицо нестрымъ фуляромъ, отвѣчалъ:

— Да какъ вы хотите... какой рѣшительности?... Съ одной стороны... такое необыкновенное предложеніе, а съ другой... оно тоже стоитъ денегъ, и опять рискъ.

— Никакого, ни малѣйшаго риска нѣтъ.

— Помилуйте, какъ нѣтъ риска?—Вы чтó продаете, позвольте васъ спросить?

— Я продаю все, что имѣеть для кого-нибудь цѣну, — гордо отвѣтилъ, краснѣя отъ досады, Гордановъ.

— Да, «что имѣеть цѣну», но человѣкъ... независимый человѣкъ въ Россіи... какая же цѣнность? Это скорѣе каламбуръ.

— Очень невысокаго сорта, впрочемъ.

— Согласенъ-съ; я не острякъ; но дѣло въ томъ, что вы вѣдь продаете не имя, а человѣка... какъ есть живого человѣка!

— Со всѣми его потрохами.

— Ну, и позвольте же... не горячитесь... вы продаете человѣка... образованнаго?

— Да, и даже съ нѣкоторымъ именемъ.

— Ну, вотъ сами изволите видѣть еще и съ именемъ! А между тѣмъ вы ему ни отецъ, ни дядя, ни опекунь.

— Нѣтъ, не отецъ и не опекунь.

— Долженъ онъ вамъ, что ли?

— Нимало.

— Ну, извините меня, но я васъ не понимаю

— И что же вы отказываетесь, что ли, отъ моего предложенія?

— И отказываюсь.

— Ну, такъ въ такомъ случаѣ намъ нечего больше говорить,—и Гордановъ всталъ и взялся за шляпу.

— Откройте что-нибудь побольше,—заговорилъ, медленно приподнимаясь вслѣдъ за нимъ, Кишенскій.—Покажите что-нибудь осязательное и тогда...

— Чтò тогда?

— Я, можетъ-быть, тысячь за семь не постою.

— Нѣтъ; съ вами, я вижу, надо торговаться по-жидовски, а это не въ моей натурѣ: я лишняго не запрашивалъ и еще сразу вамъ пятьсотъ рублей уступилъ.

— Да что-жъ по-жидовски... я вамъ тоже, если хотите, триста рублей набавлю... если...

— Если, если... если еще что такое? — сказалъ, натягивая перчатку и нетерпѣливо морщась, Гордановъ.

— Если всѣ документы въ порядкѣ?

Гордановъ дернулъ перчатку и разорвалъ ее.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ:—я вижу, что я ошибся, съ вами пива не сварить. Я же вамъ вѣдь уже сто разъ повторять, что все въ исправности и что я ничего впередъ не беру, а вы все свое. Мнѣ это надоѣло,—прощайте!

И онъ совсѣмъ повернулся къ выходу, но въ это самое мгновеніе драпировка, за которою предполагалась кровать, заколыхалась и изъ - за опущенной портьеры вышла высокая, полная, замѣчательно хорошо сложенная женщина, въ длинной и пышной ситцевой блузѣ, съ густыми огненными рыжими волосами на головѣ и съ некрасивымъ бурнымъ лицомъ, усѣяннымъ сплошными веснушками.

— Позвольте, прошу васъ, остаться на минуту,—сказала она голосомъ ровнымъ и спокойнымъ, не напускнымъ спокойствіемъ Кишенскаго, а спокойствіемъ природы сильной, страстной и самообладающей.

Гордановъ остановился и сдѣлалъ дамѣ приличный поклонъ.

— Дѣло, о которомъ вы здѣсь говорили, ближе всѣхъ касается меня,—заговорила дама, не называя своего имени.

Гордановъ снова ей поклонился.

Дама сѣла на диванъ и указала ему мѣсто возлѣ себя.

— Предложеніе ваше мнѣ почему-то кажется очень оспо-

вательнымъ,—молвила она помѣстившемуся возлѣ нея Горданову, между тѣмъ какъ Кишенскій стоялъ и въ раздумьи перебиралъ косточки счетовъ.

— Я отвѣчаю моею головой, что все, что я сказалъ, совершенно сбыточно,—отвѣчалъ Гордановъ.

— О цѣнѣ спора быть не можетъ.

— Въ такомъ случаѣ не можетъ быть спора ни о чемъ: я вамъ даю человѣка, удобнаго для васъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Да, но видите ли... мнѣ теперь... Я съ вами должна говорить откровенно: мнѣ неудобно откладывать дѣло; свадьба должна быть скоро, чтобы хлопотать объ усыновленіи двухъ, а не трехъ дѣтей.

— На этотъ счетъ будьте покойны, — отвѣчалъ Гордановъ, окинувъ взглядомъ свою собесѣдницу: — во-первыхъ, субъектъ, о которомъ идетъ рѣчь, ничего не замѣтитъ; во-вторыхъ, это не его дѣло; въ-третьихъ, онъ женскій эмансипаторъ и за стѣсняющее васъ положеніе не постоитъ; а въ-четвертыхъ,—и это самое главное,—тотъ способъ, которымъ я вамъ его передамъ, устраняетъ всякія разсужденія съ его стороны и не допускаетъ ни малѣйшаго его произвола.

— Въ такомъ случаѣ мы вѣрно сойдемся.

— Девять тысячъ пятьсотъ рублей?

— Нѣтъ; я вамъ дамъ восемьъ.

— Извините; это, значить, опять надо торговаться, а я позволю себѣ вамъ, сударыня, признаться, что до изнеможенія усталъ съ этимъ торгомъ. Въ старину отцы наши на тысячи душъ короче торговались, чѣмъ мы на одного человѣка.

— Да; отцы-то ваши за душу платили сто, да полтора-ста рублей, а тутъ девять тысячъ!—замѣтилъ Кишенскій.

— Все дороже стало,—небрежно уронилъ въ его сторону Гордановъ и снова взялся рукой за шляпу.

Дама это замѣтила.

— Да; это все такъ, — сказала она: — но вѣдь надо же дать что-нибудь и ему самому.

— Ни одного гроша,—это не такой человѣкъ, — онъ не возьметъ ничего, и вы однимъ предложеніемъ ему денегъ даже можете все испортить. Я согласенъ вамъ, и собственно вамъ, а не ему (онъ указалъ съ улыбкой на Кишенскаго),

уступить еще пятьсотъ рублей, то-есть я возьму, со всѣми хлопотами, девять тысячъ и уже меньше ничего, но зато я предлагаю вамъ другія выгоды. Позвольте вамъ замѣтить, что я вѣдь понимаю, въ чемъ дѣло, и беру деньги недаромъ: если бы вы перевѣнчались съ какимъ попало, съ самымъ плохенькимъ чиновникомъ, вы бы должны были тотчасъ же, еще до свадьбы, вручить ему всѣ деньги сполна, а тутъ всегда большой рискъ: онъ можетъ взять деньги и отказаться вѣнчаться. Положимъ, вы могли взять съ него векселя, но вѣдь онъ могъ ихъ оспорить, могъ доказывать, что они безденежные: взяты у него обманомъ, или насиліемъ... Возможна цѣлая исторія самаго безотраднaго свойства. Потомъ еслибъ и доказали выдачу денегъ и засадили въ долговое отдѣленіе, ну онъ отсидитъ годъ, и ничего... Съ него какъ съ гуся вода, а деньги пропали...

— Это правда, — отозвался Кишенскій.

— Да, а вѣдь я вамъ даю человѣка вполне честнаго и съ гоноромъ; это человѣкъ великодушный, который самъ своей сестрѣ уступилъ свою часть въ десять тысячъ рублей, стало-быть вы тутъ загарантированы отъ всякой кляузы.

— Кто же это такой? — отнеслась тихо къ Кишенскому невѣста.

Тихонъ Ларионовичъ только пожалъ въ недоумѣніи плечами.

— Не трудитесь отгадывать, — отвѣчалъ Гордановъ: — потому что, во-первыхъ, вы этого никогда не отгадаете, а во-вторыхъ, операція у меня раздѣлена на два отдѣленія, изъ которыхъ одно не открываетъ другого, а между тѣмъ оба они лишь въ соединеніи дѣйствуютъ неотразимо. Продолжаю далѣе: если бы вы и уладили свадьбу своими средствами съ другимъ лицомъ, то вы только приобрѣли бы имя... имя для будущихъ дѣтей, да и то съ весьма возможнымъ рискомъ протеста, а вѣдь вамъ нужно и усыновленіе двухъ вашихъ прежнихъ малютокъ.

— Какъ же, это почти самое важное.

— Кто же станетъ объ этомъ заботиться?

— Мы сами.

— Вы сами, — это худо. Нѣтъ, я вамъ передамъ такого человѣка, который самъ пуще отца родного будетъ объ этомъ убиваться. Если вы согласны дать мнѣ девять тысячъ рублей, я вамъ сейчасъ же представлю ясныя дока-

зательства, что вы через недѣлю, много через десять дней, можете быть обвиняны съ самымъ удобнѣйшимъ для васъ человѣкомъ и, вдобавокъ, приобретете отъ этого брака хотя не очень большія, но все-таки относительно довольно значительныя денежныя выгоды, которыя во всякомъ случаѣ далеко съ избыткомъ вознаградятъ васъ за то, что вы мнѣ за этого господина заплатите. Я согласенъ, что это дѣло небывалое, но вы сейчас увидите, что все это какъ нельзя болѣе просто и возможно: субъектъ, котораго я вамъ предлагаю, зарабатываетъ въ годъ около двухъ тысячъ рублей, но онъ немножко привередливъ, — разумѣется, пока онъ одинокъ, а современемъ, когда онъ будетъ женатъ и, находясь въ вашихъ рукахъ, будетъ считаться отцомъ вашихъ малютокъ, то вы его можете подогнать... Вы, не живя съ нимъ, можете потребовать отъ него по закону приличнаго содержанія для васъ и для вашихъ дѣтей; тутъ и Тихонъ Ларионовичъ можетъ подпорить его въ газетѣ; онъ человѣкъ чуткій, — гласности испугается, а тогда опредѣлить его на службу, или пристроить его къ какому-нибудь дѣлу, и онъ вамъ быстро выplatитъ заплаченныя за него девять тысячъ.

— Что ты объ этомъ думаешь?—спросила дама Кишенскаго.

Кишенскій ударилъ громко счетною костяшкой и отвѣчалъ:

— Что же! Это вполне возможно.

— Мои планы всѣ тѣмъ и хороши, — сказалъ Гордановъ: — что всѣ они просты и всегда удобоисполнимы. Но идемъ далѣе: для васъ еще въ моемъ предложеніи заключается та огромная выгода, что денегъ, которыя вы мнѣ заплатите за моего человѣка, вы изъ вашей кассы не вычете, а, напротивъ, еще приобретете себѣ компаньона съ деньгами же и съ головой.

Дама только перевела глаза съ Кишенскаго на Горданова и обратно назадъ на Кишенскаго.

— Когда наступитъ время расчета, — продолжалъ Гордановъ: — я у васъ наличныхъ денегъ не потребую; а вы, почтенный Тихонъ Ларионовичъ, дадите мнѣ только записку, что мною у васъ куплены такія-то и такія-то бумаги, на сумму девяти тысячъ рублей, и сдѣлаете меня негласнымъ компаньономъ по вашей ссудной кассѣ, на соответственнукъ

моему капиталу часть, и затѣмъ мы станемъ работать со-обща. Планы мои всегда точны, ясны, убѣдительно и неопровержимы, и если вы согласны дать мнѣ за вашу свадьбу съ моимъ субъектомъ девять тысячъ рублей, то этотъ планъ я вамъ сейчасъ открою.

— Тихонь!—воззвала дама къ Кишенскому.

— Гм!

— Да что же ты мычишь! Вѣдь это надо рѣшать.

— Да; я прошу васъ рѣшать, — отвѣчалъ, взглянувъ на свои часы, Гордановъ.

— Что же?..—простоналъ Кишенскій.

— Что же? Ну, что же «что же»?—передразнила дама:—вѣдь это надо, понимаешь ты, *это надо* кончить.

— Фабій Медлитель, положимъ, выигрывалъ сраженія своею медленностью, но его тактика, однако, не всѣмъ удается, и быстрота и натискъ въ наше скорое время считаются гораздо вѣрнѣйшимъ средствомъ, — проговорилъ, въ видѣ совѣта, Гордановъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это безконечный водевильный куплетъ:

Всегда тѣмъ кончится пѣса,
Что съ вашимъ вѣчно «поглядимъ»
Вы не увидите бельмеса,
А мы всегда все проглядимъ,

съ нетерпѣливымъ неудовольствіемъ проговорила дама и, непосредственно затѣмъ быстро оборотясь къ Горданову, сказала:

— Извольте, господинъ Гордановъ, я согласна: вы получите восемь тысячъ пятьсотъ.

— И еще пятьсотъ; я вамъ сказалъ послѣднюю цѣну: девять тысячъ рублей.

— Извольте, девять.

Гордановъ разстегнулъ пиджакъ, досталъ изъ грудного кармана сложенные листы бумаги, на которыхъ была тщательно списанная копія извѣстнаго намъ сочиненія Висленева, и попросилъ взглянуть.

Кишенскій и дама посмотрѣли въ рукопись.

— Что это такое?—вопросилъ Кишенскій.

— Это копія, писанная рукой неизвѣстнаго человѣка съ сохраняющагося у меня дома оригинала, писаннаго человекомъ, мнѣ извѣстнымъ.

— Тѣмъ, котораго вы намъ продаете?

— Да, тѣмъ, котораго я вамъ продаю.

Хозяева приумолкли.

— Теперь извольте прислушать,—попросилъ Гордановъ, и полнымъ, звучнымъ голосомъ, отбивая и подчеркивая сальтантины мѣста, прочелъ хозяину и хозяйкѣ ярое сочиненіе Иосафа Платоновича.

— Чтò это за дребедень?—вопросилъ Кишенскій, когда окончилось чтеніе.

Дама, сдвинувъ брови, молчала.

— Это, милостивый государь, не дребедень, — отвѣчали Гордановъ: — а это ноты, на которыхъ мы сыграемъ полонезъ для вашего свадебнаго пира и учредимъ на этомъ дворянство и благосостояніе вашихъ милыхъ малютокъ. Прошу васъ слушать: человекъ, написавшій все это своею собственною рукой, есть человекъ, уже компрометированный въ политическомъ отношеніи, дома у него теперь опять есть цѣлый ворохъ бумагъ, происхожденіе которыхъ сближаетъ его съ самыми подозрительными источниками.

— Понимаю! — воскликнулъ, ударивъ себя ладонью по лбу, Кишенскій.

— Ничего не понимаете, — уронилъ небрежно Гордановъ, и продолжалъ: — прочитанное мною вамъ здѣсь сочиненіе написано по тѣмъ бумагамъ и есть такое свидѣтельство, съ которымъ автору не усидѣть не только въ столицѣ, но и въ Европейской Россіи! Вся жизнь его въ моихъ рукахъ, и я дарю ему эту жизнь, и продаю вамъ шелковый шнурокъ на его шею. Онъ холостъ, и когда вы ему поставите на выборъ ссылку или женитьбу, онъ, конечно, будетъ имѣть такой же нехитрый выборъ, какъ выборъ между домомъ на Англійской набережной или коробочкой спичекъ; онъ, конечно, выберетъ *свадьбу*. Вѣрно ли я вамъ это докладываю?

Кишенскій беззвучно размѣялся и, замотавъ головой, отошелъ къ окну, въ которое глядѣлась бѣлая ночь.

— Вѣрно ли?—повторилъ Гордановъ.

— Вѣрно, чортъ возьми, до поразительности вѣрно! И просто, и вѣрно!

Дама молчала.

— Ваше мнѣніе?—вопросилъ ее Гордановъ.

— Дѣло въ томъ,—молвила она послѣ паузы:—какъ же это совершится?

— Тутъ необходимо небольшое содѣйствіе Тихона Ларионовича: жениха надо поугатъ слегка обыскомъ.

— Это можно, — отвѣчалъ Кишенскій, улыбувшись и потухнувъ въ ту же секунду.

— И непременно не одного его обыскать, а и меня, и Ванскокъ, понимаете, чтобъ онъ не видалъ нить интриги, но чтобы зато была видна нить хода бумагъ.

— Хорошо, хорошо,—отозвался Кишенскій.

— У него пусть найдутъ бумаги и приарестуютъ его.

— Да ужъ это такъ и пойдеть.

— А тогда взять его на поруки и перевѣнчать.

— Да, это такъ; все это въ порядкѣ,—отвѣтилъ Тихонъ Лариновичъ.

— Тогда ему будетъ предложено на выборъ: выдать ему назадъ это его сочиненіе или представить его въ подкрѣпленіе къ дѣлу.

— Да.

— И онъ, какъ онъ ни простъ, пойметъ, что бумаги надо выручить. Впрочемъ, это уже будетъ мое дѣло растолковать ему, къ чему могутъ повести эти бумаги, и онъ пойметъ и не постоить за себя. А вы, Алина Дмитріевна,—обратился Гордановъ къ дамѣ, безцеремонно отгадывая ея имя: — вы можете тогда поступить по усмотрѣнію: вы можете отдать ему эти бумаги послѣ свадьбы, или можете и никогда ему ихъ не отдавать.

— Къ чему же отдавать?—возразилъ Кишенскій.

— Да, и я то же самое думаю, а, впрочемъ, это ваше дѣло.

— Это мы увидимъ,—молвила невѣста.

И затѣмъ, съ общаго согласія, былъ улаженъ планъ дѣйствій, во исполненіе котораго Кишенскій долженъ былъ «устроить обыскъ». Какъ онъ долженъ былъ это устроить, про то ничего не говорилось: предполагалось, что это сдѣлается какъ-то такъ, что до этого никому дѣла нѣтъ. Затѣмъ, когда жениха арестуютъ, Гордановъ, котораго тоже подведутъ подъ обыскъ, скажетъ арестованному, что онъ, желая его спасти въ критическую минуту, отдалъ бумаги на сохраненіе Кишенскому, а тотъ — Алинѣ Дмитріевнѣ Фигуринной, и тогда уже, откинувъ всѣ церемоніи прочь,

прямо объявятъ ему, что Алина Дмитріевна бумагу не отдастъ безъ того, чтобы субъектъ на ней перевѣчался.

Для того же, чтобы благородному и благодушному субъекту не было особенной тяжести подчиниться этой необходимости, было положено дать ему въ видѣ реванша утѣшеніе, что Алина Дмитріевна принуждаетъ его къ женитбѣ на себѣ единственно вслѣдствіе современнаго коварства новѣйшихъ людей, которые, прозрѣвъ завѣты бывшихъ новыхъ людей, или «молодого поколѣнія», не хотятъ вырвать женщину, нуждающуюся въ замужествѣ для освобожденія себя отъ давленія семейнаго деспотизма. Все это было апробовано Кишенскимъ и Алиной Дмитріевной, и условіе состоялось.

— Теперь,—сказалъ въ заключеніе Гордановъ:—я вамъ сообщу и имя того, кого вы купили: это Іосафъ Платонычъ Висленевъ.

— Іосафъ Висленевъ! — воскликнули съ удивленіемъ въ одинъ голосъ Фигурина и Кишенскій.

— Да, Іосафъ Висленевъ, онъ самъ собственнѣйшею своею персоной.

— Чортъ васъ возьми, Гордановъ, вы неодолимы! — воскликнулъ Кишенскій.

— Нравится вамъ ваша покупка?

— Лучшаго невозможно было выдумать.

— Ну, и очень радъ, что угодилъ по вкусу. Рукописаніе его у меня, я не понесъ его къ вамъ въ подлинникъ для того...

— Чтобы обѣ половины вашего плана не соединить вмѣстѣ,—началъ шутить развеселившійся Кишенскій.

— Да,—отвѣчала, улыбаясь, Гордановъ:—Ванскокъ мнѣ кое-что сообщила насчетъ нѣкоторыхъ свойствъ вашего Іогана съ острова Эзеля. Къ чему же было давать вамъ поводъ заподозрить меня въ легкомысліи? Прошу васъ вернуть завтра ко мнѣ, и я вамъ предъявлю это рукописаніе во всей его неприкосновенности, а когда все будетъ приведено къ концу, тогда, предъ тѣмъ какъ я повезу Висленева въ церковь вѣнчать съ Алиной Дмитріевной, я вручу вамъ эту узду на ея будущаго законнаго супруга, а вы мнѣ отдадите мою цѣну.

— Выполнѣ согласенъ,—отвѣчала Кишенскій и, подавивъ снова пуговку, велѣлъ вошедшему Іогану съ острова Эзеля подать бутылку холоднаго шампанскаго.

За виномъ ударили по рукамъ, и ничего надъ собой не чаявшій Висленевъ былъ проданъ.

Затѣмъ Гордановъ простился и ушелъ, оставя Кишенскому копію, писанную неизвѣстною рукою съ извѣстнаго сочиненія для того, чтобы было по чему наладить обыскъ, а невѣстѣ еще разъ повторилъ добрый совѣтъ: не выдавать Висленеву его рукописанія никогда, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ нехлопочеть усыновленіе и причисленіе къ своему дворянскому роду обоихъ ея старшихъ дѣтей.

— А лучше, — рѣшилъ Гордановъ: — никогда съ него этой узды не снимайте: запасъ бѣды не чинить и хлѣба не просить.

Впрочемъ, Гордановъ напрасно на этотъ счетъ предупреждалъ госпожу Фигурину. Видясь съ нею послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ дней въ № 7 квартиры Кишенскаго, гдѣ была семейная половина этого почтеннаго джентльмена, Гордановъ убѣдился, что онъ сдаетъ Висленева въ такія ежовыя рукавицы, что даже послѣ того ему самому, Горданову, становилось знакомымъ чувство, близкое къ состраданію, когда онъ смотрѣлъ на бодрого и не знавшаго усталы Висленева, который корпѣлъ надъ неустанною работою по разрушенію «василетемновскаго направленія», тогда какъ его самого уже затемнили и перетемнили.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ночь послѣ бала.

Дѣло долженъ былъ начать Кишенскій, ему одному извѣстными способами, или по крайней мѣрѣ способами, о которыхъ другіе какъ будто не хотѣли и знать. Тихонъ Ларионовичъ и не медлил: онъ завелъ пружину, но она, сверхъ всякаго чаянія, не дѣйствовала такъ долго, что Гордановъ уже началъ смущаться и хотѣлъ напрямикъ сказать Кишенскому, что не надо ли повторить?

Но наконецъ пружина потянула и незримая подземная работа Кишенскаго совершилась: въ одну прекрасную ночь Висленева, Горданова и Ванскокъ посѣтили незваные гости. Сначала это, конечно, каждое изъ этихъ трехъ лицъ узнало только само про себя, но на зарѣ Ванскокъ, дрожа до зубного стука отъ смѣшанныхъ чувствъ радости и тревоги,

посѣтила Висленева и застала его сидящимъ посреди комнаты, какъ Марій на развалинахъ Карагена.

— У меня забрали бумаги,—лепетала Ванскокъ:—но я ничего не боюсь.

— И у меня забрали, и я ничего не боюсь,— ствѣчалъ Висленевъ и добавилъ, что единственная вещь, которая его могла скомпрометировать, на его счастье, два дня тому назадъ взята Гордановымъ.

Но этому благополучію, однако, было немедленно представлено очень внушительное опроверженіе: въ комнату Висленева, гдѣ Юсафъ Платоновичъ и Ванскокъ въ тревогѣ пили весьма ранній чай, явился встревоженный Гордановъ и объявилъ, что и его обыскали.

Висленевъ поблѣднѣлъ и зашатался.

— И мою статью нашли?—воскликнулъ онъ въ ужасѣ.

— Нѣтъ; представь, нѣтъ!—успокоилъ его Гордановъ.

— Слава тебѣ, Господи! — проговорилъ Висленевъ и съ радостнымъ лицомъ перекрестился.

Гордановъ разсказалъ счастливое событіе, какъ онъ былъ извѣщенъ намекомъ Кишенскаго, что имъ грозитъ опасность, и передалъ ему Висленевское сочиненіе, отчего Кишенскій будто отбивался и руками, и ногами, но потомъ, наконецъ, махнулъ рукой и, взявъ, сказалъ, что занесетъ и отдастъ его Алинѣ Фигуриной.

— Ну, и спасибо имъ, и тебѣ спасибо, и слава Богу, и слава твоему уму!—проговорилъ совсѣмъ оправившійся Висленевъ, и опять два раза перекрестился на церковь.

Ванскокъ нетерпѣливо ударила Висленева по рукѣ и, заступивъ его, выдвинулась съ вопросомъ: «какъ это было?» но Гордановъ не обнаружилъ никакого намѣренія удовлетворить ея любопытства.

— Есть дѣла важнѣе,—прошепталъ онъ, озираясь какъ волкъ:—скажите скорѣе, гдѣ этотъ вашъ хваленый другъ?

— Какой?—освѣдомился Висленевъ.

— Ну, вотъ твой «сосѣдъ по имѣнію»?

— Меридіановъ?

— Ну, да.

— Онъ вѣрно дома.

— Позови-ка его сюда подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Висленевъ вышелъ въ коридоръ.

— А вы развѣ подозрѣваете Меридіанова? — спросила, подпрыгивая вокругъ Горданова, проворная Ванскокъ.

— Я не подозрѣваю, а я знаю навѣрное.

— Меридіанова нѣтъ дома, и онъ, оказывается, даже не ночеваль, — объявилъ въ эту минуту возвратившійся въ свою комнату блѣдный Висленевъ.

Гордановъ только ударилъ по столу и воскликнулъ:

— А что-съ!

— Теперь я вижу, — отвѣтилъ Висленевъ.

— Теперь это ясно, — рѣшила Ванскокъ, и вдругъ быстро стала прицѣплять на макушку свою форејторскую шапочку.

— Куда же вы? — остановилъ ее Висленевъ.

— Какъ куда? Я сейчасъ обѣгу всѣхъ своихъ, и Полисадову, и Поливадову, и по крайней мѣрѣ всѣхъ предупреджу насчетъ Меридіанова.

— А, это другое дѣло, — сказалъ Висленевъ.

— Да; а я вамъ даже совѣтую поспѣшить съ этимъ предупредженіемъ, — поддержалъ Гордановъ.

Ванскокъ бомбой вылетѣла изъ квартиры Висленева и покатила мячомъ по лѣстницѣ, и вдругъ внизу на послѣдней террасѣ носъ къ носу столкнулась съ Меридіановымъ, который танцился вверхъ невѣрными шагами, съ головой, тяжелою внутри отъ безпардоннаго кутежа и увѣнчанной снаружи былинками соломы и пухомъ.

Дремучій семинаристъ возвращался домой съ шпра, заданнаго его пріятелемъ, актеромъ Бабиневичемъ, обвинявшимся вчера на фаворитной княжеской танцовщицѣ, послѣ чего всѣ, кромѣ князя и новобрачной, совершали возліаніе богамъ въ сосновомъ бору Крестовскаго острова, на мыскѣ за Русскимъ трактиромъ.

Меридіановъ былъ пьянъ, тяжелъ и веселъ. Столкнувшись съ Ванскокъ, которая нарочно толкнула его локтемъ, онъ сначала ничего не понялъ и отступилъ, но потомъ, воззрясь ей вслѣдъ красными отъ вина и безсонницы глазами, крикнулъ:

— Эй, вы, госпожа! бритая барышня! Прошу васъ по-тише, а то я такъ шшшелкану, что ты у меня разсыплешься!

— Я не боюсь васъ, долгогривый шпионъ! — крикнула ему, остановясь на минуту, Ванскокъ.

— Что-о-о? — переспросилъ изумленный Меридіановъ.

— Шпионъ! — повторила Ванскокъ и покатила книзу.

— Дура, — отвѣтилъ ей Меридіановъ и поползъ тяжело наверхъ.

На слѣдующей террасѣ вверху Меридіанова догналъ полицейскій офицеръ и спросилъ его, гдѣ здѣсь живетъ Висленевъ?

— Сосѣдъ по имѣнію?—спросилъ Меридіановъ, пока не распозналъ спяну мундира вопрошавшаго, но вслѣдъ затѣмъ, осѣнясь сознаниемъ, посторонился и, давъ офицеру дорогу, молча указалъ ему на дверь рукой.

Полицейскій офицеръ позвонилъ, и они одновременно вошли въ квартиру: офицеръ впередъ, а Меридіановъ тихонько вполосъ за нимъ слѣдомъ и юркнулъ въ свою каморку.

Черезъ пять минутъ полицейскій вывелъ изъ этой квартиры Висленева и увезъ его съ собою въ участокъ, а Меридіановъ, совсѣмъ какъ былъ одѣтый, спалъ мертвымъ сномъ, ворча изрѣдка: «нѣтъ, я нива больше не могу,— убей меня Богъ, не могу!»

Пока ни въ чемъ, кромѣ пьянства, неповинный Меридіановъ спалъ, а Ванскокъ летала по городу, обнося, въ видѣ усладительнаго шербета, новую вѣсть, Висленевъ имѣлъ время прочувствовать нѣсколько весьма разнообразныхъ и тягостныхъ ощущеній, сидя въ четырехъ голыхъ стѣнахъ маленькой, одинокой камеры въ домѣ одной изъ полицейскихъ частей.

Если во всемъ можно находить свою добрую сторону, то добрая сторона такой недоброй вещи, какъ лишеніе свободы, конечно, заключается только въ томъ, что она даетъ человѣку одно лишнее средство одуматься поневолѣ. Одно изъ лицъ извѣстнаго романа Диккенса, содержась въ старой тюрьмѣ, Маршелси, говорить, что *въ тюрьмѣ—итилъ*. Въ другомъ мѣстѣ люди не знаютъ спокойствія, травятъ другъ друга и жадно стремятся то къ тому, то къ другому: здѣсь нѣтъ ничего подобнаго, здѣсь мы стоимъ внѣ всего этого, *мы узнали худшее въ жизни* и нашли—миръ. *Это свобода*, но, увы! къ сожалѣнію, и это обрѣтеніе мира и свободы выпадаетъ на долю не всѣхъ подвергающихся печальной участи лишенія свободы, или, по крайней мѣрѣ, не въ одной и той же степени и не въ одно и то же время для каждаго. Есть люди, которыхъ тюремное уединеніе обращаетъ въ какую-то дрязгу, и къ числу таковыхъ принадлежалъ мягкосердый Висленевъ.

Иосафъ Платоновичъ не былъ въ порѣ добраго раздумья: тюрьма для него не была «штилемъ», какъ для философа въ Маршелеси: она его только пытала томленіемъ страха и мелкимъ чувствомъ трусливой боязни. И сюда-то, на второй день его заключенія, проникли его палачи изъ кватиры съ тремя парадными дверями.

Попище, отобранное у Висленева, было самаго ничтожнаго свойства и арестъ его былъ очень не строгъ, такъ что Алинѣ Дмитріевнѣ Фигуриной не стоило никакихъ особенныхъ затрудненій устроить свиданіе съ арестантомъ, а потомъ было еще легче ввести его въ суть дѣла и потребовать отъ него услуги за услугу, брака за сохраненіе его сочиненія, которое находится тутъ же, въ части, въ карманѣ Алины, и сейчасъ можетъ быть предъявлено, послѣ чего Висленеву уже не будетъ никакого спасенія.

Висленевъ задрожалъ и, сжимая руки Алины, прошепталъ:
— Бога ради, Бога ради! я сдѣлаю все: я васъ выручу, я женюсь, женюсь... Миѣ это все равно: вѣдь я не дорожу семейнымъ счастьемъ, но, ради Бога, чтобъ эта бумага осталась между нами!

— Она всегда останется между нами, — обѣщала Фигуринна, и сдержала свое обѣщаніе.

Несчастный Висленевъ и въ помышленіи не имѣлъ, что у Фигуриной отнюдь въ ту пору еще и не было его священнаго залога: онъ не подозрѣвалъ Горданова ни въ чемъ, и можно ли было подозрѣвать его? Гордановъ былъ весь густо затушованъ въ этомъ предательствѣ, за которое всю отвѣтственность несъ Меридіановъ. Но зато со многихъ добрыхъ сторонъ Гордановъ заявилъ себя въ это время какъ нельзя лучше: онъ посѣщалъ Висленева въ тюрьмѣ; онъ утѣшалъ его, успокаивалъ; онъ отговаривалъ его отъ пагубной мысли жениться на Фигуриной. Потомъ Гордановъ явилъ бездну мягкости и не только не злословилъ Меридіанова и Фигурину, но даже напоминалъ Висленеву, что это свѣжія раны, которыхъ тревожить не должно. Къ концу своего семидневнаго заключенія Висленевъ успѣлъ совсѣмъ расположиться на Горданова. Павелъ Николаевичъ былъ шаферомъ Висленева при его бракосочетаніи съ Фигуриной.

Тяжкій и ужасный для нашего новобрачнаго обрядъ этотъ былъ совершенъ надъ нимъ и Еленой Фигуриной въ

первый день освобожденія жениха. Оглашеніе и всякія брачныя формальности были выполнены: заботливыхъ людей нашлось вволю. Самъ священникъ, которому надлежало совершить бракъ, былъ обмануть: ему было сказано, что предстоящій бракъ, конечно, юридически вполне законный, имѣеть, однако, свою романическую сторону, которая требуетъ нѣкотораго снисхожденія, и священникъ, осторожно обсуждая каждый свой шагъ, сдѣлалъ только самыя возможные снисхожденія, но при всемъ томъ, перевѣчавъ Висленева съ Фигуриной, послѣ долгого не зналъ покоя: такъ невообразимо странно и необъяснимъ вышелъ бракъ ихъ.

Это была картина Пукирева *Перовный бракъ*, только навыворотъ. Полная невѣста Елена Дмитриевна Фигуринна, въ бѣломъ платьѣ, стояла прямо и смѣло держала свою свѣчу предъ паломъ, а женихъ Иосафъ Платоновичъ опустился книзу, колѣна его гнулись, голова падала на грудь и по щегамъ изъ наплаканныхъ и красныхъ глазъ его струились слезы, которыя онъ ловилъ устами и глоталъ въ то время, какъ опустившаяся книзу брачная свѣча его текла и капала на колѣно его черныхъ панталонъ. И Кишенскій, державшій вѣнецъ надъ Фигуриной, и Гордановъ, стоявшій сзади Висленева, оба зорко наблюдали и за женихомъ, и за смятеннымъ священникомъ, не постигавшимъ тайнъ этого страннаго бракосочетанія, и за народомъ, который собрался въ церковь и шептался по случаю такой невиданной свадьбы.

Положеніе было рискованное: женихъ каждую минуту могъ упасть въ обморокъ, и тогда Богъ вѣсть какой все могло принять оборотъ. Этому опасалась даже сама невѣста, скрывавшая, впрочемъ, мастерски свое безпокойство. Но какъ часто бываетъ, что въ большихъ горестяхъ человекъ даетъ силу новый ударъ, такъ случилось и здѣсь: когда священникъ, глядя въ глаза Висленеву, спросилъ его: «имани ли благое произволеніе поять себѣ сію Елену въ жену?» Иосафъ Платоновичъ выпрямился отъ острой боли въ сердцѣ и далъ робкимъ шопотомъ утвердительный отвѣтъ.

— Не общались ли вы прежде сего кому-нибудь?— продолжалъ священникъ.

— Общались,—отвѣчалъ нѣсколько громче Висленевъ.

Священникъ приостановился: у свидѣтелей похолодѣло возлѣ сердца.

— Кому?—спросилъ священникъ.

— Ей,—отвѣтилъ Висленевъ, и молча указалъ на стоящую съ нимъ рядомъ Фигурину:— я ей обѣщался прежде.

Кишенскій и Гордановъ ободрились, и обрядъ вѣнчанія окончился, оставивъ по себѣ вѣчныя воспоминанія у причта, совершавшаго обрядъ, и у всѣхъ присутствовавшихъ, видѣвшихъ рыдающаго жениха, привѣнчиваемаго къ непоколебимо твердой невѣстѣ.

Долго вспоминая свадьбу Висленева, священникъ, покусывая концы своей бороды, качалъ въ недоумѣннй головой и, вздыхая, говорилъ: «все хорошо, если это такъ пройдетъ», но веселый дьяконъ и смѣшливый дьячокъ, какъ люди болѣе легкомысленные, забавлялись насчетъ несчастнаго Висленева: дьяконъ говорилъ, что онъ при этомъ бракѣ только вполнѣ уразумѣлъ, что «тайна сія велика есть», а дьячокъ рассказывалъ, что его чуть Богъ сохранилъ, что онъ не расхотелся, возглашая въ концѣ Апостола: «а жена да боится своего мужа».

Но какъ бы кому ни казалась эта исторія, важнѣйшій смыслъ ея для Висленева былъ тотъ, что его женили, и женили настоящимъ, крѣпкимъ манеромъ, послѣ чего онъ имѣлъ полную возможность доказать справедливость словъ, что «жена не рукавица и ее съ бѣлой ручки не стряхнешь, да за поясъ не заткнешь».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Висленевскія дробы приводятся къ одному знаменателю.

Со времени описанной нами женитьбы Висленева до того дня, когда мы встрѣтили его — далеко отъ Петербурга — въ саду сестры его Ларисы, прошло два года, — два года, не только тяжкихъ, но даже ужасныхъ для Юсафа Платоновича. Въ эти два года онъ безпрестанно подвергался такимъ пертурбаціямъ, что, не имѣй онъ своей природной доброты, легкости и покладливости, и не будь при немъ Горданова, мастерски дававшего ему пріемы хашинша предъ каждою новою операціей, совершаемую надъ нимъ его женой и ея другомъ Кишенскимъ, ему бы давно надо было десять разъ умереть само-

убійцы; но Висленеву, какъ замѣтила Катерина Астафьевна Форова, Богъ за доброту только лица прибавилъ, то-есть Юсафъ Платоновичъ, не состарѣвшись, оплѣшивѣлъ. Его жена не бросила его на произволь вѣтровъ, какъ поступила танцовщица, восприсоединившая къ своему имени фамилію Бабиневича, и даже не отпустила его по оброку, какъ пустила своего князя-правовѣда Казимира Швернотская: вѣтъ, Висленевъ былъ оставленъ на барщинѣ. Безсмертное произведеніе его пера, за которое Алина притянула Юсафа Платоновича къ брачному налоу, никогда не было ему выдано. Врученное Алиной Гордановымъ за два часа до бракосочетанія ея съ Висленевымъ, оно навсегда осталось покоиться въ несгораемомъ желѣзномъ шкафѣ, вмѣстѣ съ банковыми билетами и другими драгоценностями, ключъ отъ котораго никогда не разлучался съ Алиной Дмитріевной. Юсафъ Платоновичъ только былъ обѣщаемъ надеждой, что ему эту роковую бумагу возвратятъ, конечно, современемъ, когда онъ ее заслужитъ. Это была его дѣтская бонбошка, за которую онъ, бѣдный, много старался: онъ въ рукахъ Алины даже превзошелъ всѣ Гордановскія ожиданія. Будучи перевѣнчанъ съ Алиной, но не бывъ никогда ея мужемъ, онъ дѣйствительно усерднѣе всякаго родного отца хлопоталъ объ усыновленіи себѣ ея двухъ старшихъ дѣтей, и наконецъ выхлопоталъ это при посредствѣ связей брата Алины и Кишенскаго; онъ присутствовалъ съ весельемъ и открытымъ лицомъ на крестинахъ двухъ другихъ дѣтей, которыхъ щедрая природа послала Алиной послѣ ея бракосочетанія, и видѣлъ, какъ эти милыя крошки были вписаны на его имя въ приходскія метрическія книги; онъ свидѣтельствовалъ подъ присягой о сумасшествіи старика Фигурина и отвезъ его въ сумасшедшій домъ, гдѣ потомъ черезъ мѣсяць одинъ распоряжался бѣдными похоронами этого старца; онъ потомъ завелъ по довѣренности и приказанію жены тяжбу съ ея братомъ и не мало содѣйствовалъ увеличенію ея доли наслѣдства при законномъ раздѣлѣ неуворованной части богатства стараго Фигурина; онъ исполнялъ все, подчинялся всему, и все это каждый разъ въ надеждѣ получить въ свои руки свое произведеніе, и все въ надеждѣ суетной и тщетной, потому что обѣщанія возврата никогда не исполнялись, и жена Висленева, всякій разъ по исполненіи Юсафомъ Платоновичемъ одной службы,

какъ сказочная царица Ивану-дурачку, заказывала ему новую, и такъ онъ служилъ ей и ея дѣтямъ вѣрой и правдой, кряхтѣль, лысѣль, жался и все страстиѣ ждалъ великой и вожделѣнной минуты воздаянiя; но она, увы! не приходила. Работа его за всѣми этими заботами, очевидно, много страдала: онъ не могъ уже выработывать и половины того, что добывалъ, будучи холостымъ, а между тѣмъ расходы его удесятирились. Алина и до бракосочетанiя своего съ Висленевымъ только официально числилась въ домѣ своего отца, а жила почти безвыходно въ седьмомъ номерѣ квартиры съ тремя отдѣленiями Кишенскаго. Три квартиры, №№ 7, 8 и 9, представлявшiя своимъ размѣщенiемъ большiя удобства для видовъ и цѣлей хозяевъ, были законтрактованы Кишенскимъ на продолжительный срокъ и соединены посредствомъ ходовъ въ одно, съ виду раздѣленное, но de facto одно цѣлое помѣщенiе. Со свадьбой Алины здѣсь не перемѣнилось ничего: Алина только теперь официально переписалась по домовымъ книгамъ въ квартиру № 7, да сюда же былъ перевезенъ и переписанъ послѣ свадьбы Иосафъ Висленевъ, гдѣ онъ и имѣлъ прiятное удовольствiе узнать всѣ хитрости размѣщенiя номеровъ 7, 8 и 9. Въ № 7, состоявшемъ изъ четырехъ комнатъ, былъ помѣщенъ въ небольшомъ кабинетикѣ Иосафъ Платоновичъ. Рядомъ съ этимъ же кабинетикомъ, служившимъ въ одно и то же время и спальней Иосафу Платоновичу, была дѣтская, далѣе столовая и за ней будуаръ Алины, изъ котораго была продѣлана дверь, о существованiи которой Висленевъ не подозревалъ до тѣхъ поръ, пока не сталъ доискиваться: куда исчезаетъ изъ дома его жена, не выходя дверьми, а улетая инудѣ. Дверь вела чрезъ кассу ссудъ, помѣщавшуюся въ № 8, въ квартиру, гдѣ обиталъ Тихонъ Марiоновичъ Кишенскiй, управлявшiй отсюда всѣми тремя отдѣленiями. Наконецъ Иосафъ Платоновичъ узналъ хорошо и эту дверь; зналъ онъ и все остальное, и все это сносилъ тѣмъ легче, что самъ онъ постоянно увѣрялъ себя, что его женитьба— не настоящая женитьба, что это только такъ себѣ, уступка чему-то. Правда, онъ видѣлъ, что вокругъ него все нечисто: все дышитъ порокомъ, тлѣнью, ложью и предательствомъ, но онъ не считалъ себя жильцомъ этого мiра. Жизнь его была теперь настоящая «ночь житiя», отъ которой онъ пробуждался только во снѣ, когда ему мерещился и далекiй

старый Висленевский садъ, въ далекомъ губернскомъ городкѣ, и свѣтлый флигель, и сестра, красавица Лара, и русая головка свѣжей миловидной Alexandrine. Такъ это и тянулось, но вотъ и еще грянулъ на голову Висленева новый ударъ: по прошествіи перваго полугодія его женатой жизни, Алина напомнила ему, что онъ, кажется, совсѣмъ позабылъ о нуждахъ семьи, и что счетъ издержкамъ, производимымъ ею изъ ея собственнаго кармана на домашнія нужды и содержаніе дѣтей, составляетъ уже слишкомъ значительную сумму. Висленевъ этого не ожидалъ. Справедливость требуетъ сказать, что онъ неохотно жилъ въ № 7 и подчинился въ этомъ случаѣ единственно требованію Алины, жилъ какъ женился, — угрожаемый страхомъ представленія извѣстной бумаги; но никакого иного коварства онъ не подозрѣвалъ. Онъ не одинъ разъ намекалъ своей женѣ, что онъ не даромъ ѣсть за ея столомъ и согрѣваетъ немощную плоть свою подъ ея кровомъ, онъ за все это хотѣлъ разсчитаться: за все это думалъ заплатить по ходячей петербургской таксѣ, чѣмъ и утѣшался, трактуя свою жену не иначе, какъ свою квартирною хозяйкой, до которой ему не было и нѣтъ никакого дѣла. По та же справедливость, которая обязывала насъ предъявить читателю эти соображенія Висленева, обязываетъ не скрывать и того, что Иосафъ Платоновичъ имѣлъ этотъ расчетъ только *въ теоріи* и о практической ея сторонѣ мало думалъ. Полгода прошло, а не заплачено было ни копейки и ни копейки не было въ сбереженіи: расходъ былъ вѣренъ съ приходомъ, и въ запасѣ круглый нуль. Въ такихъ положеніяхъ всѣ благородные и безразсчетливые люди бываютъ очень уступчивы и щедры на обязательства, и Иосафъ Платоновичъ, не возразивъ ни одного слова противъ безчестнаго требованія съ него денегъ на содержаніе многочисленнаго чужого семейства, гордо отвѣчалъ, что онъ теперь, къ сожалѣнію, не можетъ произвести всего этого, по правдѣ сказать, неожиданнаго платежа, но что онъ готовъ признать долгъ и подписать обязательство.

Алина язвительно просила его разсѣять ея недоумѣнія: въ какихъ соображеніяхъ онъ называлъ неожиданностью расходъ на семейство? Висленевъ, въ свою очередь, не менѣе язвительно попросилъ уволить его отъ всякихъ объясненій, и, не повѣряя представленнаго счета, взялъ и подписалъ

его, взглянувъ только на послѣдній итогъ въ три тысячи рублей, итогъ, какъ объяснила ему жена, отнюдь небольшой, потому что въ Петербургѣ, живучи прилично, съ семействомъ въ пять душъ, съ тремя прислугами и кормилицей, менѣе шести тысячъ рублей въ годъ издержать невозможно.

Висленевъ на это не отвѣчалъ ни однимъ словомъ: онъ понималъ всю низость совершенной съ нимъ продѣлки и презиралъ ее.

— Три эти тысячи, которыя я обязался ей заплатить, я ей выплачу,—говорилъ онъ Горданову:—но согласись самъ, что вѣдь это съ ихъ стороны ужасная низость заставлять меня содержать ихъ семью.

— Свины!—коротко отвѣчалъ ему Гордановъ, которому Юсафъ Платоновичъ единому только слагалъ свои жалобы на семейныя обиды, потому что Ванскокъ совершенно охладѣла къ нему послѣ его женитьбы.

Горданову Юсафъ Висленевъ сообщалъ и свои надежды, что эти три тысячи зато будутъ для него послѣднимъ урокомъ, что онъ ихъ выплатитъ, какъ наказаніе за свою неумѣстную довѣрчивость, и откланяется; но пока онъ искалъ средства расплатиться и раскланяться, прошло еще полгода, и ему былъ предъявленъ второй счетъ на такую же сумму, отъ признанія которой не было возможности уклониться послѣ того, какъ эта статья разъ уже была признана, и Висленевъ явился должникомъ своей жены уже не на три, а на шесть тысячъ рублей.

— Вотъ къ чему ведутъ эти Меридіановскія штуки,—говорилъ онъ Горданову, изъ столь общаго почти всѣмъ людямъ желанія отыскать какого бы то ни было сторонняго виновника своихъ бѣдъ и напастей.

— А, я тебѣ говорилъ! я тебѣ говорилъ! тысячу разъ говорилъ: эй, Юсафъ, мнѣ этотъ Меридіановъ подозрителенъ! Но тебя развѣ можно было увѣрить!—успокаивалъ его Гордановъ.

— Помилуй скажи: вѣдь какъ было не вѣрить? Казалось, такой простой, дремучій семинаристъ...

— Да, да, да, это казалось; а ты вѣрно позабылъ, что *казалось*—это прескверное слово: казалось, это козалилось, оба звѣри рѣзвые и оба звѣри рогадые.

— Ну, да чортъ ихъ возьми: я выплачу, и дѣло съ копцомъ.

— Да разумѣется: какъ выплачешь, такъ и ну ихъ тогда ко всѣмъ дьяволамъ.

— Я говорю выплочу, а не выплачу,—поправляя Висленевъ.

Гордановъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ и удивленнымъ взглядомъ, и потомъ, быстро сѣлонувъ на сторону, воскликнулъ:

— Фу ты, какая глупость! Извини, пожалуйста, что я тебя не такъ понялъ.

Висленевъ извинялъ, хотя въ умѣ своемъ онъ уже кое-что смекалъ и насчетъ Горданова, и говорилъ съ нимъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ болѣе по привычкѣ и по неотразимой потребности съ кѣмъ-нибудь говорить, при немѣнии подъ рукой другого лица, удобнаго для излитія въ душу его своихъ скорбей, а между тѣмъ истекъ третій семестръ, и явился новый трехтысячный счетъ... Висленевъ, подписавъ этотъ счетъ, остолбенѣлъ: долгу было девять тысячъ рублей, въ полтора года! Сколько же его могло накопиться впередъ? Въ десять лѣтъ — шестьдесятъ тысячъ, въ двадцать — сто двадцать... До чего же, наконецъ, доидеть? Это значить: чѣмъ больше жить, тѣмъ хуже.

Бѣдный Висленевъ не предвидѣлъ еще одного горя: онъ ужасался только того, что на немъ растутъ записи и что такимъ образомъ на немъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ причтется триста тысячъ, безъ процентовъ и рекампій; но другими дѣло было ведено совсѣмъ на иныхъ расчетахъ, и Иосафу Платоновичу въ половинѣ четвертаго полугодія всѣ его три счета были предъявлены къ уплатѣ, сначала домашнимъ, келейнымъ образомъ, а потомъ и чрезъ посредство подлежащей власти.

У Висленева въ груди заколыхались слезы, и онъ бросился къ Горданову.

— Помилуй, Павелъ Николаичъ!—заговорилъ онъ, щипля дрожащими руками свою короткую губу, — на что же это похоже? Ты все знаешь? тебѣ извѣстны и наши дѣла, и мое положеніе: чего же они, разбойники, пристають ко мнѣ съ ножомъ къ горлу? Я заплачу, но дайте же мнѣ срокъ!

— О срокахъ ты, голубушка, Иосафъ Платонычъ, не го-

вори: сроковъ тебѣ было дано много,—отвѣчалъ спокойно Гордановъ.

— Да; много сроковъ, но много и дѣлъ на меня было взвалено: я совсѣмъ не имѣлъ времени работать за хлопотами то объ усыновленіяхъ, то о наслѣдствѣ, а теперь еще, вдобавокъ, требуютъ не девять тысячъ, а гораздо болѣе, потому что насчитали всякіе проценты да рекампіи...

— Все дѣла законныя.

— Законныя! Ты меня злишь этимъ своимъ равнодушіемъ и законностью. Ты будь человѣкомъ и имѣй сердце съ чептырьма желудочками: вѣдь вонъ смотри, мнѣ суютъ на подпись еще особый счетъ въ шестьсотъ рублей, на двое кредитинъ, по триста рублей на каждыя!

— Что же, это, воля твоя, немного.

— Немного! Да за что мнѣ и эту немногость платить? За что, я тебя спрашиваю? за что! Вѣдь надо знать нашу жизнь!

— Ну какъ же ты хочешь, чтобы я зналъ то, чего я не знаю и знать не могу.

— Такъ я тебѣ расскажу, чтобы ты зналъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Бога ради и не думай рассказывать! Я знаю одно, что между мужемъ и женой никакихъ посредниковъ быть не должно, и ни въ чьи семейныя тайны не мѣшаюсь.

— Тайны! тайны!—вскипѣлъ вдругъ Висленевъ. — Нѣтъ же, дружище, если вы хотите называть тайнами всякія разбойничьи мерзости, такъ я сдѣлаю всѣ эти тайны явными: я все это выведу наружу и подамъ просьбу въ судъ!

— Ну вотъ, еще этого недоставало!

— А что же такое? непременно подамъ!

— Полно, пожалуйста, срамиться!

— Чего срамиться? Все это вздоръ, никакого срама нѣтъ: теперь всѣ судятся.

— Ну да, обрадовались уже, что судъ у нихъ есть, такъ и валять, и комаръ, и муха. Врось эту мысль, брось! На кого и на что ты будешь жаловаться? Живешь ты съ женой въ одномъ домѣ, ты законный, въ церкви вѣнчаный мужъ, и стало-быть и законный отецъ, и всѣ требованія отъ тебя на содержаніе семейства и на похороны вполне правильны, и судъ разсудитъ тебя точно такъ же, какъ я тебя разсудилъ. А что платить женѣ признанныя тобою

обязательства ты обязанъ, такъ это тоже безспорно. Будь это во Франціи, или въ Англии, это было бы иное дѣло: тамъ замужняя женщина вся твоя; она принадлежитъ мужу съ тѣломъ, съ душой и, что всего важнѣе, съ состояніемъ, а наши законы, ты знаешь, тянутъ въ этомъ случаѣ на бабью сторону: у насъ чтò твое, то ея, потому что ты, какъ мужъ, обязанъ содержать семью, а чтò ея, то не твое; не хочеть дѣлиться, такъ и не подѣлится, и ничего съ нея не возьмешь.

Висленевъ погрозилъ, что онъ станетъ искать развода, но Гордановъ надъ этимъ только расхохотался.

— Полно тебѣ, пожалуйста, людей смѣшнить, — сказалъ онъ пріятелю:—какіе такіе у насъ разводы, и съ чѣмъ ты станешь добиваться развода, и на какихъ основаніяхъ? Только одинъ скандалъ и больше ничего.

— Я на себя приму вину.

— А она великодушно проститъ тебѣ твое прегрѣшеніе, вотъ только и взялъ.

— Это чортъ знаетъ что!

— Именно чортъ знаетъ чтò, по дѣлать нечего: повѣсилъ и мотайся, у насъ женатый человѣкъ закрѣпощень женщины, закрѣпощень.

— Пусть же будетъ хоть скандалъ! Пусть хоть все вскрою, все изобличу, чтò дѣлають новыя женщины.

— Во-первыхъ, не изобличишь, потому что ничего не докажешь; во-вторыхъ, ничего не разоблачишь, потому что эти дѣла производятся не гласно; а въ-третьихъ, сдѣлаешь подлость, потому что тронешь свѣжую рану, и тебя такъ вздупятъ въ каждомъ шелудивомъ листкѣ, что ты станешь притчей во языцѣхъ.

Висленевъ онѣмѣлъ.

Гордановъ это замѣтилъ и налегъ на эту тему.

— Что?— заговорилъ онъ. — Вспомни-ка, какъ ты самъ стегалъ людей и жарилъ за противодѣйствіе женамъ? Вспомни-ка, милый другъ, вспомни все это, да примѣрь на себя. Хорошо тебѣ будетъ, какъ твои прецеденты-то въ судѣ такъ и замрутъ при закрытыхъ дверяхъ, а въ газетахъ пойдутъ тебя жарить? Оправдываться, что ли, станешь?

— А что же такое? И стану. Ты думаешь не стану? Нѣтъ, братъ, меня перепилили: я уже на все пойду.

— И выйдешь тогда уже,—извини, пожалуйста, — круглый дуракъ.

— Отчего-съ?

— Да оттого же.

— Да отчего же, скажи, отчего именно?

— Оттого, что кто же это, какая газета, по твоему мнѣнію, усердно предложить тебѣ свои столбцы для твоихъ скандальныхъ жалобъ на жену?

— Не безпокойся, пожалуйста, найду такую.

— Ничего ты не найдешь. Брось, говорю тебѣ, выбрось совсѣмъ вонъ изъ головы эту негодную мысль судиться. Не надо было жениться на-оболманишь, а женился—терпи.

— Да вѣдь надо знать, какъ я женился и почему.

Висленевъ никогда никому не говорилъ настоящей причины, почему онъ женился на Алиинѣ Фигуриной, и былъ твердо увѣренъ, что секретную исторію о его рукописномъ аманатѣ знаетъ только онъ да его жена, которой онъ никому не хотѣлъ выдать съ ея гнусною исторіей, и не съ все на себѣ, увѣряя всѣхъ и cadaго, что онъ женился изъ принципа, чтобъ освободить Алину отъ родительской власти, но теперь, въ эту минуту озлобленія, Горданову показалось, что Юсафъ Платоновичъ готовъ сдѣлать его повѣреннымъ своей тайны, и потому Павелъ Николаевичъ, желавшій держать себя отъ всего этого въ сторонѣ, быстро зажалъ себѣ обѣими руками уши и сказалъ:

— Бога ради! Бога ради: я ничего не стану слушать и мнѣ вовсе не надо знать, какъ и почему ты женился? Это опять ваше семейное дѣло, и честно ли, подло ли что тутъ дѣлалось — въ томъ ни я, ни кто другой не судья.

— Но дѣло въ томъ, что это все дѣлалось подло.

— Тѣмъ хуже для тебя,—отвѣчала, открывая уши, Гордановъ: — но зато тѣмъ важнѣе твоя заслуга.

— Предъ кѣмъ это?

— А предъ принципомъ: сноси, терпи свѣжую рану и не открывай ея. Чтò дѣлать, любезный! Некрасовъ прекрасно гдѣ-то сказалъ: «Вѣкъ жертвъ очистительныхъ просить».

Висленевъ, выбросивъ за окно только-что закуренную сигару и вскочивъ въ негодованіи со стула, воскликнулъ:

— Чтò ты мнѣ рацей-то разводишь объ очистительныхъ жертвахъ? Стань-ка самъ, любезный другъ, жертвой-то!

Нѣтъ, ты, видно, богословъ, да не однословъ: ты когда-то совсѣмъ не то говорилъ, когда я стоялъ за самопожертвованіе, а ты принесъ свой поганый, все перепортившій дарвинизмъ съ его борьбой за существованіе! Я борюсь за мое существованіе; да; чортъ возьми! да... за существованіе! Они или я, кто-нибудь одинъ. Они меня стерли; даже имя мое стерли: меня зовутъ не иначе какъ «Алинкинъ мужъ», мнѣ даже повѣстку прислали: «Мужу Алины Дмитріевны Висленевой»... Нѣтъ! Я не хочу слушать никакихъ вашихъ новыхъ хитростей, да... Не хочу быть «Алинкинымъ мужемъ»!

Висленевъ быстро бросился въ уголъ и закрылъ глаза носовымъ платкомъ, изъ-подъ котораго слышались тихія первныя всхлипыванья.

Гордановъ молча чистилъ ногти и, наконецъ, тихо проговорилъ:

— Ты больше ничего какъ сумасшедшій, съ которымъ нельзя ни о чемъ разсуждать.

Висленевъ тотчасъ же отпрянулъ изъ угла на средину комнаты и, не скрывая болѣе своихъ слезъ, закричалъ горчимъ нервнымъ голосомъ:

— Что, сумасшедшій? Чтò такое я сказала, что со мною нельзя разсуждать? А! нельзя разсуждать! Знаю я, Павелъ Николаичъ, все я знаю, все знаю, почему со мною нельзя разсуждать.

Онъ сжалъ кулаки и, поднявъ ихъ надъ своею головою, сдѣлалъ къ Горданову шагъ и заговорилъ голосомъ твердымъ и сильнымъ:

— Со мною нельзя разсуждать потому, что я говорю правду, что я воюю къ человѣческому правосудію и страданію; потому что я убить, да, да, убить, уничтожить; что у меня ничего нѣтъ, и съ меня нечего взять, а съ Алиной Дмитріевной и съ Кишенскимъ можно дѣла дѣлать... Гм! — взглянулъ онъ, заскрипѣвъ зубами и ринувшись впередъ на Горданова: — такъ вотъ же дѣлайте, подлецы, дѣлайте со мною, чтò вы хотите! Дѣлайте, а я васъ не боюсь.

И съ этимъ Юсафъ Платоновичъ, дойдя до высшей степени раздраженія, пошатнулся, упалъ въ кресло и, легши руками на столъ, заколотилъ ожесточенно лбомъ о доску.

Гордановъ, вскочившій въ то мгновеніе, когда Висленевъ

сдѣлалъ къ нему послѣдній шагъ, и стоявшій съ насупленными бровями и со стуломъ въ рукѣ во все время произнесенія Висленевымъ послѣднихъ ожесточенныхъ словъ, при видѣ послѣдующаго припадка, бросилъ стулъ и, наливъ изъ графина стаканъ воды, выплеснулъ его издали на голову несчастнаго мученика.

Висленевъ встрепенулся, обвелъ вокругъ комнату жалкимъ, помутившимся взглядомъ и, вздрогнувъ еще разъ, оперся одною рукою на столъ, а другою досталъ изъ кармана зубочистку и сталъ тщательно чистить ею въ зубахъ.

Выплеснутая на него вода сбѣгала теперь мелкими серебрястыми каплями съ его волосъ, съ пальцевъ его дрожащихъ рукъ, съ его платья, съ его сомлѣвшихъ колѣнъ: словно все существо его плакало, и слезы его лились на полъ той самой комнаты, гдѣ за два года предъ этимъ онъ былъ проданъ какъ парія, какъ послѣдній крѣпостной раскрѣпощенной Россіи.

Видъ его былъ страшно печаленъ и жалокъ; жалокъ до такой степени, что онъ оиять шевельнулъ если не сердце Горданова, который сердцемъ никогда никого не пожалѣлъ, то его нервы, такъ какъ отъ этого рода сожалѣнія не свободны и злые люди: видъ безпомощнаго страданія и имъ тяжелъ и непріятенъ.

Гордановъ подошелъ къ своему камину, взялъ съ него два чугуныя шара, которыми производилъ домашнюю гимнастику, и, подойдя съ ними къ окну, помахалъ ими взадъ и впередъ и потомъ, кашлянувъ два раза, сказалъ:

— Свидѣтельствуюсь всѣмъ, что мнѣ тебя отъ души жалко, и если бъ я могъ тебѣ помочь,—я бы охотно помогъ тебѣ.

— Благодарю,—отвѣчалъ спокойно Висленевъ.

Гордановъ бросилъ одну пару шаровъ за диванъ и съ другою подошелъ къ графину, налилъ новый стаканъ воды и подаль его Висленеву.

Тотъ взялъ стаканъ и быстро его выпилъ, жадно глотая воду, такъ что глотокъ нагонялъ глотокъ и звонко щелкалъ въ его взволнованной горячей груди.

— Погоди,—началъ Гордановъ, видя, что больной гость его успокаивается:—погоди, у меня есть планъ, я не скрою отъ тебя, что у меня есть вѣрный планъ, по которому я достигну, чего я хочу: я буду богатъ... я буду очень богатъ.

— Я вѣрю, — отвѣчалъ Висленевъ.

— Мой планъ нерушимъ и неотразимъ: онъ никому не могъ придти въ голову, кромѣ меня, хотя онъ простъ, какъ Колумбово яйцо.

— Что же мнѣ изъ этого?

— Что тебѣ?—странный вопросъ. Я тебѣ скажу болѣе: я работалъ, я эти два года страшно работалъ, и у меня есть деньги...

— Я это знаю,—уронилъ Висленевъ, и самъ всталъ съ своего мѣста, налилъ себѣ самъ стаканъ воды, такъ же жадно выпилъ ее глотками, погонявшими глотокъ, и, вздохнувъ, быстро сбросилъ съ себя пиджакъ, разстегнулъ жилетъ и легъ на диванъ.

— Прощу тебя, положи на мѣсто твои шары, — я съ тобою драться не стану, — проговорилъ онъ, отворачиваясь отъ свѣта.

— Да я это совсѣмъ и не для того...

— Ну, такъ положи ихъ, пожалуйста, на мѣсто: нечего уже бить битаго.

— Такъ что же ты, не хочешь, что ли, и слушать?

— Нѣтъ; говори, мнѣ все равно: я слушаю.

— Я, конечно, могъ бы тебѣ дать десять тысячъ или двѣнадцать... Сколько тамъ они на тебя насчитали?

— Двѣнадцать.

— Но это для меня равнялось бы самоуби́твенію.

— Повѣрь, что я бы никогда и не принялъ ни отъ кого такой жертвы, а тѣмъ болѣе отъ тебя.

— Почему же это тѣмъ болѣе отъ меня?

— Потому что ты самъ небогатый человѣкъ, и деньги для тебя значатъ много: ты хочешь быть богатымъ.

— Да, и прибавь, я у самой цѣли моихъ желаній и слѣшу къ ней жадно, нетерпѣливо, и она близко, моя цѣль, я почти касаюсь ея моими руками, но для этого мнѣ нуженъ каждый мой грошъ: я трясусь надъ каждою копейкой, и если ты видишь, что я кое-какъ живу, что у меня въ домѣ есть бронза и бархатъ, и пара лошадей, то, любимый другъ, это все нужно для того, чтобы поймать, исторгнуть изъ рукъ тысячи тысячъ людей милліоны, которые они накопили и сберегли для моей не-дурацкой головы! Ты думаешь, мнѣ пріятно возиться съ твоимъ Клищенскимъ и съ твоею Алиною Дмитриевной?.. Да я самъ бы

подлюжилъ подь нихъ дровъ, если бы ихъ жарили на медленномъ огнѣ! Ты думаешь, что меня тѣшитъ мой экипажъ или сверканье подковъ моихъ рысаковъ? — нѣтъ; каждый стукъ этихъ подковъ отдается въ моемъ сердцѣ: я самъ бы, чортъ ихъ возьми, съ большимъ удовольствіемъ возилъ ихъ на себѣ, этихъ рысаковъ, чтобы только не платить за ихъ кормъ и за ихъ ковку, но это нужно, понимаешь ты, Иосафъ: все это нужно для того же, для того, чтобы быть богачомъ, милліонеромъ...

— И ты увѣренъ, что этого достигнешь?—спросилъ Висленевъ, переворачиваясь къ нему лицомъ.

— Я не могу этого не достигнуть, Висленевъ! Я тебѣ говорю, что планъ мой — это нѣчто совсѣмъ гениальное, — онъ простъ, какъ я не знаю что, и между тѣмъ онъ никому до сихъ поръ еще не пришелъ въ голову и, вѣроятно, никому не придется; но во всякомъ случаѣ: на грѣхъ мастера нѣтъ, и потому надо спѣшить.

— Спѣши же, пожалуйста, спѣши.

— Я и спѣшу; я тебѣ говорю, что я готовъ бы возить на самомъ себѣ по городу моихъ собственныхъ лошадей, если бы мнѣ за это что-нибудь дали, чтобы я могъ скорѣе довести мой капиталъ до той относительно ничтожной цифры, съ которою я дамъ вѣрный, неотразимый ударъ моему почтенному отечеству, а потомъ... потомъ и всему міру, ходящему подь солнцемъ.

— Твой замыселъ гигантскій!

— Да, гигантскій, небывалый: простой и невѣроятный. Его труднѣе не исполнить, чѣмъ исполнить, но мнѣ нужна ничтожная сумма, какія-нибудь гадостины двадцать пять, тридцать тысячъ рублей.

— И неужто же ты не найдешь на такое вѣрное дѣло компаньона?

— Компаньона? Ты дитя, Иосафъ! Мое великое, громадное предпріятіе совсѣмъ не акціи, не концессіи, — оно столько же не желѣзныя дороги, сколько и воздухоплаваніе.

— И не избіеніе же это человѣческаго рода, не разбойное нападеніе на всѣхъ капиталистовъ?

— Фи, милый мой: оставимъ это дурачество глупымъ мальчишкамъ, играющимъ въ социалісты! Нѣтъ; я тебѣ повторяю, что все это проще лыковаго лаптя, проще лукошка,

но компаньонъ мнѣ невозможенъ потому, что всякій компаньонъ захочетъ знать, въ чемъ заключается мой замыселъ, а я, понятно, этого не хочу; я хочу самъ сжать ниву, и уже серпъ мой въ рукѣ или почти въ рукѣ. Такого компаньона, который бы мнѣ вѣрилъ на-слово, я не нашелъ въ этой толпѣ биржевыхъ кулаковъ, среди которыхъ я бился и колотился эти два года, терпя отъ нихъ всяческія униженія съ моими ничтожными алтынами. И зато я все вытерпѣлъ, и я буду одинъ.

— Будь у меня деньги, я бы тебѣ, кажется, повѣрилъ.

— Спасибо и за то, давай руку и успокойся. Успокойся, Иосафъ: вотъ тебѣ моя рука, что ты не пропадешь! У меня скоро, скоро будетъ столько... столько золота, что я, зажмурясь, захвачу тебѣ пригоршни, сколько обхватятъ мои руки, и брошу тебѣ на разживу съ моей легкой руки.

— Я буду объ этомъ молчать и ждать.

— Жди, — но молчи или не молчи — это мнѣ все равно: дѣло мое превышаетъ всякаго страха, я виѣ всякой конкуренціи и мнѣ помѣшать не можетъ никто и ничто. Впрочемъ, теперь и недолго уже пождать, пока имя Горданова прогремить въ мірѣ...

— А ты здоровъ?

— Не бойся, я въ своемъ умѣ, и вотъ тебѣ тому доказательство: я вижу вдаль и вблизи: отъ своего великаго дѣла я перехожу къ твоему безконечно маленькому, — потому что оно таково и есть, и ты его самъ скоро будешь считать таковымъ же. Но какъ тебя эти жадныя, скаредныя, грошовыя твари совсѣмъ пересилили...

— Ахъ, братъ, пересилили, — пересилили и перешилили!

— Ну, вотъ то-то и есть, и ты уже не въ мѣру разпервичался; я вижу, что я, противъ всѣхъ моихъ правилъ и обычаевъ, долженъ вступить въ твое спасеніе.

— Прошу тебя, если только можешь.

— Конечно настолько, насколько я теперь могу.

— Я невозможнаго и не требую.

— Ну и прекрасно, но, разумѣется, уже зато — чуръ меня слушаться!

— Я никогда не пренебрегалъ твоимъ совѣтомъ, — отвѣчалъ Висленевъ.

— Ну, да, такъ вѣруй же и спасешься: во-первыхъ, вы теперь, я думаю, на ножахъ?

— Я не выхожу изъ своей комнаты и ни съ кѣмъ дома не говорю.

— Глупо.

— Они мнѣ противны.

— Глупо, мой милый, глупо! Bitter Wasser тоже противна, да, однако, ее, вѣдь, глотають, а не дуются на нее. Нѣтъ, ты, я вижу, совсѣмъ античный нигилистъ; тебя хоть въ музей рѣдкостей. Непримиримый, а? Ты непримиримый?

— Хорошо тебѣ смѣяться.

— И ты бы долженъ смѣяться, и тебѣ бы должно быть хорошо, да не умѣешь... Ну, дѣлать нечего: если совѣстливъ, такъ просись пока у жены на оброкъ!

- Куда къ чорту!.. Съ ними ничего не подѣлаешь.

- Ну, успокой ихъ: застрахуй свою жизнь. Что же, если она съ тебя положить въ годъ рублей тысячу оброку, можешь же ты еще платить рублей триста въ страховое общество, застраховавши себя въ двѣнадцать тысячъ?

— Покорно васъ благодарю,—отвѣчалъ, иронически улыбувшись, Висленевъ.

— За что меня благодарить? Я тебѣ дамъ лучшій совѣтъ, какой только возможно. Плати оброкъ, дай имъ свой страховой полисъ въ обезпеченіе долга и будь снова свободнымъ человѣкомъ, и я возьму тебя къ своему предпріятію.

— Я ни за что себя не застрахую.

— Это почему?

— Почему?.. А ты не догадываешься?

— Умереть, что ли, боишься?

— Да; суевѣренъ немножко.

— Думаешь, что они тебя отравятъ.

— Разумѣется, какъ нить дадутъ. Теперь вѣдь я имъ все попридѣлалъ и Елена Дмитріевна будетъ вдова Висленева, чего же имъ ждать и отчего не взять за меня двѣнадцать тысячъ?

Гордановъ какъ-будто задумался.

— Предупреди ихъ, чортъ ихъ возьми!

Висленевъ посмотрѣлъ на Горданова и тихо отвѣтилъ:

— Повѣрь, мнѣ совсѣмъ не до шутокъ.

Гордановъ отвернулся и закусилъ губу.

— Постои же, — сказалъ онъ. — Если это заходить уже такъ далеко, что есть мѣсто и такимъ мрачнымъ подозрѣ-

піямъ, то я схожу къ нимъ и переговорю, какъ это можно кончить.

— Сдѣлать милость.

— Ты довѣряешь мнѣ?

— Даже прошу.

— Такъ оставайся же здѣсь, а я пойду, и черезъ часъ, много черезъ два, ты будешь имѣть результатъ моего свиданія. Не общаю тебѣ ничего, но надѣюсь, что въ ту ли или въ другую сторону положеніе твое выяснится.

— Только бы выяснилось.

— Ну, и прекрасно! А по оброку идти ты согласишь?

— Разумѣется! Только ты же поторгуйся. Тысячу рублей это много: вѣдь можно и заболѣть, и всякая штука, а ужъ онъ вѣдь не помилуетъ.

— Ладно, поторгуйся,—отвѣчала Гордановъ, выходя за двери.

Висленевъ остался на минуту одинъ, но вдругъ бросился вслѣдъ за Гордановымъ, догнавъ его на лѣстницѣ и сказалъ, что онъ согласенъ платить женѣ въ годъ даже и тысячу рублей, но только съ тѣмъ, чтобы съ него не требовали этихъ денегъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ его оброчнаго положенія, а взяли бы на эту сумму впередъ за три года вексель.

Гордановъ принялъ это къ свѣдѣнію, молча качнулъ Висленеву головой и уѣхалъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Висленевъ являетъ натуру.

Въ продолженіе двухъ часовъ, которые Юсафъ Платоновичъ провелъ въ квартирѣ Горданова, расхаживая по комнатамъ и кусая себѣ въ волненіи ногти, Павелъ Николаевичъ все велъ переговоры, и наконецъ, возвратился немного разсерженный и на первыхъ же порахъ изругалъ Кишенскаго и Алину самыми энергическими словами.

Висленевъ, видя такое состояніе своего друга, оробѣлъ.

— Что же такое они говорятъ? — приставалъ онъ, юля около Горданова.

— Что, любезный, говорятъ? Подлецы они оба и скареды, и больше ничего.

— Я тебѣ говорю, что это пятакъ-пара!

— Пара! Нѣтъ, жена твоя еще лучше, съ ней бы еще можно ладить.

— Она умнѣе.

— И умнѣе, и разсудительнѣе; а ужъ тотъ -- вотъ гадина-то! И что у него за улыбка за подлая! Замѣтилъ ты или нѣтъ, какъ онъ смѣется? Въ устахъ нѣтъ никакого движенія: сейчасъ же хи-хи, и опять все лицо смирно.

— Ну, что же они говорятъ-то? Что?

— Я имъ сказалъ, разумѣется, все...

— Ну?

— И разъяснилъ имъ или, по крайней мѣрѣ, старался имъ разъяснить, что такъ гнести человѣка нельзя, что это нестерпимо, что тебѣ надо дать передышку.

Гордановъ не вралъ, все это онъ за минуту дѣйстви-тельно представлялъ и Кишенскому, и Висленевой.

— Ну, и что же они тебѣ отвѣчали?— нетерпѣливо приставалъ злополучный Висленевъ.

— Отвѣтъ ихъ прямъ какъ шесть: они тебя отпускаютъ.

Висленевъ благодарственно перекрестился.

— Но отпускаютъ съ условіями: во-первыхъ, переписать долгъ твоей женѣ на вексель, на имя Кишенскаго, въ восемнадцать тысячь.

— Ну?

— Говорять, что полученіе съ тебя сомнительно, могутъ потребоваться расходы и тому подобное, и что потому иначе нельзя, какъ приписать полтину на рубль, что другіе даже пинутъ вдвое и втрое.

— Ну, ну, я слушаю.

— Во-вторыхъ, вексель долженъ быть не срочный, а «по предъявленіи», но они ругаются, что въ теченіе года они тебя не побезпокоятъ.

— Я говорилъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

— И я имъ это тоже говорилъ, но они находятъ это неудобнымъ и указываютъ на возможность гораздо скорѣйшаго расчета съ твоей стороны.

— Это любопытно!

— У тебя есть недвижимая собственность?

— Это вздоръ; у меня была часть въ домѣ, принадлежащемъ нынче сестрѣ моей Ларисѣ, но я давно уступилъ ей мою часть по формальному акту.

— По дарственной записи? Что же, дарственная запись документъ поворотный: есть законъ, по которому даръ дарителю возвращается.

Висленевъ поблѣднѣлъ.

— Дальше? — спросилъ онъ нетерпѣливо: — что дальше? Говори, пожалуйста, сразу все, чего эти разбойники хотятъ?

— Они думаютъ, что половину долга, то-есть девять тысячъ съ небольшимъ, ты уплатишь имъ своею частью на домъ, уничтоживъ дарственную твоей сестрѣ.

— Да!

— А половину они будутъ ждать, и ты долженъ будешь платить всего тысячу двѣсти рублей въ годъ женѣ на содержание ея съ четырьмя дѣтьми (что, должно сознаться, вовсе не дорого), и только соблюсти всѣ формы по застрахованію своей жизни, полисъ на которое будетъ служить обезпеченіемъ второй половины долга, но премію будетъ за тебя платить твоя жена. Вотъ и всѣ ихъ условія.

— Всѣ! Всѣ? Ты говоришь: всѣ? — крикнулъ, побагровѣвъ, Висленевъ. — Такъ прошу же тебя, довериши мнѣ твои услуги: съѣзди еще разъ на твоихъ рысакахъ къ нимъ, къ этимъ подлецамъ, пока они не уѣхали на своихъ рысакахъ на пуантъ любоваться солнцемъ, и скажи имъ, что дѣло не подается ни на шагъ, что они могутъ дѣлать со мной, что имъ угодно: могутъ сажать меня въ долговую тюрьму, въ рабочій домъ, словомъ, куда только могутъ, но я не припину на себя болѣе ни одной лишней копейки долга; я не стану себя застраховывать, потому что не хочу дѣлать мою кончину выгодною для моихъ злодѣевъ, и ужъ навѣрное (онъ понизилъ голосъ и, весь побагровѣвъ, прохрипѣлъ)... и ужъ навѣрное никогда не коснуся ответственности моей сестры, моей бѣдной Лары, которой я обѣщался матери моей быть опорой и отъ которой самъ удалилъ себя, благодарая... благодарая... окутавшей меня подтасованной разбойничьей шайкѣ... Скажите имъ, скажите имъ, Павелъ Николаевичъ, что я жалѣю о томъ времени, когда я сидѣлъ послѣдній разъ въ тюрьмѣ и не умѣлъ терпѣливо предоставить себя своей судьбѣ, но я это поправлю.

И онъ съ этимъ схватилъ фуражку и быстро бросился къ двери, но Гордановъ удержалъ его за руку, посадилъ на диванъ и, выбѣжавъ вонъ со шляпой на головѣ, занеръ гостя на ключъ.

Путь, на который обратился Гордановъ, былъ тотъ же самый, съ котораго онъ только-что возвратился. Павелъ Николаевичъ дѣйствительно возвратился къ Кишенскому и Алинѣ, и былъ такимъ горячимъ защитникомъ Висленева, что Иосафъ Платоновичъ въ данномъ случаѣ даже и не могъ бы пожелать себѣ лучшаго адвоката предъ его тиранами.

Гордановъ просто ругался за своего кліента, и ругался страстно и спорилъ логично и доказательно. Онъ доказывалъ Кишенскому, что поступки его съ Висленевымъ превосходятъ всякую мѣру человѣческой подлости; что терпѣніе жертвы ихъ, очевидно, переплено, что это неразсчитливо и глупо доводить человѣка до отчаянія, потому что человѣкъ безъ надежды на спасеніе готовъ на все, и что Висленевъ теперь именно въ такомъ состояніи, что онъ изъ мести и отчаянія можетъ пойти и самъ обвинить себя невѣдомо въ какихъ преступленіяхъ, лишь бы предать себя въ руки правосудія, отомстятъ тѣмъ и Кишенскому, и женѣ. При этомъ Гордановъ описалъ яркими красками состояніе, въ которомъ онъ оставилъ у себя подъ замкомъ Висленева.

— Я не ручаюсь даже,—добавилъ онъ:—что въ то время, когда мы съ вами разсуждаемъ, онъ, пожалуй, или спустился внизъ изъ окна по водосточной трубѣ, или, что еще хуже, удавился у меня въ спальнѣ на полотенцѣ. Такъ, господа, нельзя.

Кишенскій продолжалъ во время этихъ рѣчей злобно хихикать, непосредственно за смѣхомъ принимая самыя серьезныя мины, но жена Висленева, слушавшая Горданова со вниманіемъ, согласилась съ нимъ во всемъ, и сама сказала:

— Да, такъ нельзя.

— Конечно,—поддержалъ Гордановъ:—вы со своею немумтною жестокостью съ нимъ похожи на хозяина, зарѣзавшаго курицу, которая несла золотыя яйца.

— Не видали мы отъ него до сихъ поръ этихъ золотыхъ яицъ,—отвѣчалъ Кишенскій, мгновенно улыбнувшись и насупясь.

— По крайней мѣрѣ несъ хоть мѣдныя, а все не изъ кармана, а въ карманъ,—возразилъ Гордановъ.

— Да, да; это неправда: онъ намъ былъ полезенъ,—вмѣшалась Ална.

— Полежень поневоля, — вставил Кишенскій.

— Ну, по волѣ ли, или поневоля, но все-таки я не хочу его четвертовать заживо, это вовсе не нужно.

— И это вовсе невыгодно, — поддержалъ Гордановъ.

— Да, это совсѣмъ не нужно: ему надо дать передышку.

— Разумѣется! Ничего болѣе и не нужно, какъ передышку. Кто вамъ говоритъ, чтобы вы его выпустили какъ птицу на волю? Ужъ навѣрно не я стану вамъ это предлагать, да и онъ уже такъ загонялся, что самъ этого не требуетъ, но дайте же ему передохнуть, чтобъ онъ опять вамъ пригодился. Пусть онъ станетъ хоть немножко на ноги и тогда мы опять его примахнемъ.

— Конечно, это такъ, — рѣшила Алина и занялась соображеніями относительно того, какъ устроить отпускъ мужа на наименѣе выгоднѣйшихъ для него и выгоднѣйшихъ для нея условіяхъ.

Въ этихъ соображеніяхъ Гордановъ принялъ ближайшее участіе, не стѣсняясь нимало молчаніемъ Кишенскаго, и черезъ часъ времени было положено: взять съ Иосафа Платоновича вексель въ пятнадцать тысячъ рублей «по предъявленію» съ тѣмъ, чтобы на словъ онъ былъ спокоенъ, что этого предъявленія въ теченіе трехъ лѣтъ не послѣдуетъ, и затѣмъ дать ему свободу на всѣ четыре стороны.

Кишенскій имѣлъ что-то возразить противъ этой резолюціи, но Алина ее отстояла, и Гордановъ принялъ ее и привезъ Висленеву, котораго засталъ у себя дома крѣпко спящимъ.

Висленевъ былъ очень доволенъ резолюціей, и сразу на все согласился.

— Однако, знаешь ли: она, значить, все-таки безъ сравненія лучше этого подлека, который такъ расписываетъ о незаконности собственности, — сказалъ онъ Горданову, когда тотъ передалъ ему весь планъ въ довольно справедливомъ изложеніи.

— О, Господи, есть ли что равнять? — отозвался Гордановъ. — Она игрокъ, а это шушера. Шей вотъ вино!

Вина было выставлено много и ужинъ богатый.

— Скажи, однако, за что же она его любитъ? — любопытствовалъ Висленевъ, сидя на чистой простынѣ застланнаго для него дивана.

— Другъ! Что есть любовь? — отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ. — Онъ ей нравится.

— Правда, правда.

— И ты ей тоже, можетъ-быть, нравишься. Даже, можетъ-быть, и болѣе... Чортъ ихъ, братъ, знаетъ: помнишь, какъ это Гейне говоритъ: «не узнаешь, гдѣ у женщины ангель съ дьяволомъ граничить». Во всякомъ случаѣ сегодня она вела себя въ отношеніи тебя прекрасно.

Висленевъ молча каталъ шарикъ изъ хлѣба, улыбался и шлъ, и наконецъ сказалъ:

— Знаешь, Гордановъ: я понимаю въ одномъ мѣстѣ короля Лира.

— Въ какомъ?—спросилъ Гордановъ.

— Когда онъ при видѣ неблагодарныхъ Реганы и Гонериллы говоритъ: «и злая тварь мила въ сравненіи съ тварью злѣйшей».

— И благо тебѣ, и благо тебѣ! — завершилъ Гордановъ, наливая Висленеву много и много вина и терпѣливо выслушивая долгія его сказанія о томъ: какъ онъ нѣкогда любилъ Alexandrine Синтянину и какъ она ему внезапно измѣнила, и о томъ, какъ танцовщица, на которой одновременно съ нимъ женился Бабиневичъ, разсорясь съ своимъ адоратеромъ-княземъ, просто-напросто пригласила къ себѣ своего законнаго мужа Бабиневича, и какъ они теперь умилительно счастливы; и наконецъ о томъ, какъ ему, Висленеву, все-таки даже жаль своей женѣ, во всякомъ случаѣ стоящей гораздо выше такой презрѣнной твари, какъ жидъ Кишенскій, котораго она любитъ.

Гордановъ намекнулъ Висленеву, что и ему ничто не мѣшаетъ довести свои дѣла до того же, до чего довелъ свои брачныя дѣла его товарищъ и современникъ Бабиневичъ.

Пьяный Висленевъ забредилъ на эту ноту, и «злая тварь», которая до сей поры была только немножко мила «въ сравненіи съ тварью злѣйшей», стала уже казаться ему даже совѣмъ милою, даже очень милою. Ему стала мерещиться даже возможность возстановленія семейнаго счастья.

Гордановъ лилъ вино не жалѣя, и самъ, далеко за полночь, уложилъ Юсафа Платоновича въ постель, а утромъ уѣхалъ по дѣламъ, пока Висленевъ еще спалъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Гордановъ спотыкается на ровномъ мѣстѣ.

Павелъ Николаевичъ Гордановъ нимало не лгалъ ни себѣ,

ни людямъ, что онъ имѣлъ оригинальный и вѣрный планъ быстрого и громаднаго обогащенія. У него дѣйствительно былъ такой планъ, и въ ту минуту, до которой доведена наша исторія, Гордановъ дѣйствительно былъ уже близокъ къ его осуществленію. Этотъ достойный всеобщаго вниманія планъ, тщательно скрываемый отъ всѣхъ и отъ каждаго геніальнымъ въ своемъ родѣ Павломъ Николаевичемъ, долженъ быть принятъ и читателями до нѣкотораго времени на вѣру. Впрочемъ, личный характеръ солиднаго и дальновзоркаго Горданова, вѣроятно, сдѣлаетъ такое довѣріе со стороны читателя неособенно труднымъ. Гордановъ не могъ увлекаться мыслями вздорными и несбыточными, и онъ дѣйствительно имѣлъ секретъ, который былъ не чета всѣмъ до сихъ поръ опубликованнымъ секретамъ пахать миллионы трудами да бережливостью. Гордановскій рецептъ совсѣмъ иного свойства: по быстротѣ и вѣрности его дѣйствія несомнѣнно долженъ удивить всѣхъ и, конечно, удивить, когда съ развитіемъ нашей исторіи онъ перестанетъ быть секретомъ для міра и сдѣлается общимъ достояніемъ.

У Павла Николаевича теперь, какъ мы видѣли, дѣло шло о полученіи въ свои руки «какихъ-нибудь несчастныхъ двадцати пяти или тридцати тысячъ», и онъ уже былъ близокъ къ обладанію этимъ основнымъ капиталомъ, изъ котораго въ поспѣхъ должны были народиться у него миллионы.

Все, что Гордановъ говорилъ Висленеву насчетъ своей готовности возить на себѣ своихъ собственныхъ лошадей, еслибъ онѣ платили, все это была суцая правда. Два года женатой жизни Висленева Гордановъ провелъ въ неуспѣшнѣйшихъ трудахъ, таская на себѣ скотовъ, гораздо менѣе благородныхъ, чѣмъ его кони. Два года тому назадъ, когда онъ, только слегка намѣтивъ свой планъ, бросилъ службу и пріѣхалъ въ Петербургъ; у него не было ничего, кромѣ небольшого, заложеннаго и перезаложеннаго хуторка, не имѣющаго уже никакой цѣны, да двухъ-трехъ тысячъ наличности, собранной на службѣ изъ жалованья и наградъ, которыя онъ получалъ, благодаря его усердію, рачительности и талантамъ. Продавъ Алинѣ и Кишенскому Висленева, онъ получилъ за него девять тысячъ рублей, итого всего имѣлъ около одиннадцати тысячъ. Для того, чтобы начать

операцию съ миллионами, ему не доставало гораздо болѣе того, что онъ имѣлъ, а время было дорого, надо было наживать быстро, и притомъ нельзя было позволять себѣ никакого риска. Вслѣдствіе этого Павелъ Николаевичъ не предпринялъ никакихъ аферъ: онъ не искалъ концессій и не игралъ бумагами, а просто сдѣлался компаньономъ Алины по кассѣ ссудъ. Кишинскій, занятый литературой, которая служила ему для поддержки однихъ концессионеровъ и компаній и для подрыва и униженія другихъ, уже по ссудной кассѣ мало занимался: ею теперь вполне самостоятельно заправляла жена Висленева, и ей-то такой компаньонъ и сотоварищъ, какъ Гордановъ, былъ вполне находкой. Они жили по польской пословицѣ: любяся какъ братья и считаеся какъ жидаы, и такимъ образомъ Павелъ Николаевичъ, занимаясь ростовщичествомъ и маскируя это ремесло свѣтскимъ образомъ жизни и постояннымъ враждебствомъ въ средѣ капиталистовъ второй и даже первой руки, къ концу второго года увеличилъ свой капиталъ рубль на рубль. Онъ теперь имѣлъ на свой пай почти какъ разъ столько, сколько ему было нужно, и уже собирався выступить изъ товарищества. Это какъ разъ совпало съ только что рассказанными происшествіями съ Висленевымъ, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ Горданову удалось уладить кое-какъ висленевскія отношенія съ его женой, онъ и самъ приступилъ къ разверткѣ своихъ дѣлъ съ нею. Мирный вечеръ, которымъ заключалась компанейская ростовщичья дѣятельность Горданова съ Алиной, засталъ ихъ вдвоемъ тщательно со всѣхъ сторонъ запертыми въ квартирѣ № 8. Они проверили всѣ свои книги и счета; вычислили барыши, расчислили ихъ по суммѣ оборотныхъ капиталовъ того и другого, и сдѣлали выводъ, по которому на долю Павла Николаевича теперь падало тридцать двѣ тысячи чистагана. Это было даже болѣе того, что Горданову было нужно для таинственной и вѣрной операциі; оставалось только завтра размѣнять бумаги и раскланяться.

Гордановъ былъ очень доволенъ и томился только нетерпѣніемъ: онъ снова чувствовалъ душевный зудъ и плохо смотрѣлъ вокругъ. Впрочемъ, вокругъ его ничего собственно и не происходило. Когда онъ съ Алиной окончилъ счета, пріѣхалъ домой Кишинскій: онъ привезъ боль-

шой астраханскій арбузь, и въ самомъ веселомъ расположеніи духа рассказываль, какую штуку продѣлала Данка съ Ципри-Кипри. Штука въ самомъ дѣлѣ была пренитересная: Ципри-Кипри закупила у Данкинаго мужа на сроки двадцать какихъ-то акцій, употребивъ на это весь капиталъ, нажитый ею съ мужемъ отъ своего увеселительнаго заведенія. Акціи падали, и пали ужасно; мужъ Ципри-Кипри хотѣлъ отказать отъ своей покупки, предоставляя Данкиному мужу любоваться его покушной запиской. Дѣло стало было на ножи, но жены игроковъ, старья подруги, взяли все уладить и уладили: Данка уговорила Ципри-Кипри доплатить, безъ вѣдома мужа, всю убыточную разницу съ тѣмъ, что послѣ, когда такимъ образомъ будетъ доказана честность и стойкость Ципри-Кипри, Данка склонить своего мужа оказать еще ббльшій кредитъ самой Ципри-Кипри, и тогда Данка сама пойдетъ съ нею въ желаемую компанію, и онѣ сами, двѣ женщины, поведутъ дѣло безъ мужей и, заручившись сугубымъ кредитомъ, наконецъ обмануть мужа Данки. Ципри-Кипри послушалась и внесла Данкиному мужу всю разницу, что равнялось всему капиталу ея мужа, а теперь мужъ ее выгналъ за это вонъ, и когда Ципри-Кипри явилась къ Данкѣ, то Данка тоже выгнала ее вонъ и отреклась, чтобъ она съ ней когда-нибудь о чемъ-нибудь подобномъ говорила.

— Это ловко!—воскликнулъ Кишенскій, закончивъ свой рассказъ, и добавилъ, что неприятно лишь одно, что Ципри-Кипри ведетъ себя ужасною дѣвчонкой и бѣгаетъ по редакціямъ, прося напечатать длиннѣйшую статью, въ которой обличаетъ и Данку, и многихъ другихъ. — Я говорилъ ей,—добавилъ онъ:—что это не годится, что вѣдь все это свѣжая рана, которой нельзя шевелить, но она отвѣчала: «Пусть!» и побѣжала еще куда-то.

— А все это отчего? — сказала, куная арбузь, Гордановъ:—все это оттого, что давятъ человѣка вдосталь, какъ прессомъ жмутъ, и средствъ поправиться уже никакихъ не оставляютъ. Это никогда ни къ чему хорошему не поведетъ, да и не расчелливо. Настоящій игрокъ всегда страстному игроку реваншъ даетъ, чтобы на немъ шерсть обрастала и чтобы было опять кого стричь.

Кишенскій согласился.

— Вонъ нашъ плакутка теперь, видите, преспокоентъ, — продолжалъ Гордановъ, намекая на Висленева. — Даже ухаживаетъ издали за Алиной Дмитріевной, и все, бѣднякъ, лепечетъ мнѣ про его знакомаго актера Бабиневича, котораго его законная жена наконецъ приласкала, разойдясь со своимъ княземъ.

— И опять его прогонить, когда найдетъ себѣ графа, — сухо поставилъ Кишенскій.

— А ты, кажется, ревнуешь? Алина Дмитріевна, я говорю, Типа-то васъ уже, кажется, ревнуетъ къ вашему мужу?

— Допросите его, пожалуйста, хорошенько. Мнѣ тоже кажется что-то въ этомъ родѣ, — отвѣчала, слегка улыбаясь и позируя своимъ стройнымъ станомъ, Алина. — А между тѣмъ, я вамъ скажу, господа, что ужъ мнѣ пора и домой, въ Павловскъ: я здѣсь и не обѣдала, да и дѣтей цѣлый день не видала. Не прѣдете ли и вы къ намъ сегодня, Гордановъ?

— Я?

— Да, посидимъ часокъ на музыкѣ и потомъ поужинаемъ.

— Поздно будетъ, послѣдній поѣздъ уйдетъ.

— Отчего? Теперь восемь часовъ, а мы поужинаемъ въ одиннадцать, а послѣдній поѣздъ пойдетъ въ половинѣ двѣнадцатаго; а если запоздаете, у Висленева, въ его вивамѣ, въ саду есть диванъ, — останьтесь у насъ переночевать.

— Вы такъ убѣдительно зовете, что...

— Право, право: прѣзжайте, Гордановъ! Это даже необходимо: мы рассчитались пріятельски, — разоъемте же вмѣстѣ могоарычъ. Давайте слово, я васъ жду и непременно хочу, чтобы вы сегодня провели вечеръ съ нами.

— Если вы непременно этого хотите, то будь по-вашему.

Гордановъ далъ Алиной слово встрѣтиться съ нею и съ Кишенскимъ на вокзалѣ желѣзной дороги, и уѣхалъ къ себѣ переодѣваться по-дачному.

— Ну, и къ дѣлу! — сказала Алина, замкнувъ за Гордановымъ дверь и быстро возвращаясь къ Кишенскому въ полуопустошенную квартиру.

— Зачѣмъ ты его звала? — спросилъ Тихонъ Ларіоновичъ.

— Такъ нужно,—отвѣчала Алина, и затѣмъ вынувъ изъ нестерпаемаго шкафа большой сакъ-воляжъ, туго набитый драгоценными вещами залогодателей, подала его Кишенскому и велѣла держать, а сама быстро обвѣжала квартиру, взяла еще нѣсколько цѣнныхъ вещей, оставшихся въ небольшомъ количествѣ, свернула все это въ пштую гарусную салфетку; собрала всѣ бумаги съ письменнаго стола Висленева, отнесла ихъ въ темную кладовую, запиравшуюся желѣзною дверью, и разложила ихъ по полкамъ.

Затѣмъ она возвратилась въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ Кишенскій, и сорвавъ толстый бумажный шнурокъ со шторы, начала его поспѣшно вытрепывать и мочить въ полоскательной чашкѣ.

— Чтò ты это дѣлаешь?—спросилъ ее въ раздумьи Кишенскій.

— А ты какъ думаешь, чтò я дѣлаю?

— У меня все въ головѣ эта пштка Данки съ Ципри-Кипри. Это можно было и тебѣ въ большемъ, и въ гораздо большемъ размѣрѣ разыграть съ Гордановымъ.

— То-есть что же это такое: обобрать его наполовину?

— Да.

— Да, это бы хорошо.

— Но время уже упущено,—вздыхнулъ Кишенскій.

— Конечно,—уронила Алина, выжимая смоченный шнурокъ.

— Эта Данка далеко поидеть.

— И назадъ не воротится.

— Отчего?

— Не прячетъ концовъ. Держи-ка вотъ этотъ шнурокъ.

— Да; но она нынче съ барышномъ, а мы завтра платимъ, и еще какой кушъ платимъ!

— Какой?

— Сама знаешь.

— Я знаю, что я ничего не заплачу. Подай спичку.

— Что это будетъ?—полюбопытствовалъ Кишенскій, подавая зажженную спичку.

Алина поднесла конецъ шнурка къ огню, и вытрепанные волокна бумаги быстро занялись тлѣющимъ огнемъ.

— Понялъ?—спросила Алина.

— Алина, ты гениальна!—воскликнулъ Кишенскій.—*Онъ* не получитъ ничего?

— Этого мало: онъ не посмѣеть съ нами разстаться, и его секретъ будетъ мой.

— А ты въ него вѣришь?

— Вѣрю: Гордановъ на вздоръ не расположится.

— Аalinka!.. Ты чортъ!

И Кишенскій улыбнулся, схватилъ Алину за подбородокъ и вдругъ засерьезничалъ и молча сталъ помогать Алинѣ укладывать шнурокъ по всему краю полокъ, набитыхъ сочиненіями Юсафа Платоновича. Черезъ часъ всѣ эти протехническія затѣи были окончены, шнурокъ съ конца приналенъ, желѣзная дверь замкнута и хозяинъ съ хозяйкой уѣхали, строго-на-строго наказавъ оставленной при квартирѣ бѣдной нѣмецкой женщинѣ беречь все пуще глаза, а главное быть осторожною съ огнемъ.

Гордановъ сдержалъ свое слово и ожидалъ Кишенскаго и Алину въ вокзалѣ: онъ предупредительно усадилъ Алину въ вагонъ и держалъ во всю дорогу на колѣняхъ ея сакъ-вояжъ. Висленевъ встрѣтилъ ихъ на длинной платформѣ въ Павловскѣ: онъ не выѣзжалъ отсюда въ Петербургъ три дня, потому что писалъ въ угоду женѣ большую статью объ угнетеніи женщины, — статью, которую Алина несомнѣнно очень интересовалась и во время сочиненія которой Висленевъ бесѣдовалъ съ своею женой какъ наилучшіе друзья, и даже болѣе. Сегодня вечеромъ Алина еще общалась «все обсудить» съ мужемъ въ его статьѣ, и Висленевъ ждалъ ее въ Павловскѣ одну, — потому что она такъ ему говорила, что Кишенскій останется по своимъ дѣламъ въ городѣ, и оттого веселый Висленевъ, увидавъ Кишенскаго и Горданова, вдругъ смугился и опечалился.

Гордановъ сразу это замѣтилъ и, идя рядомъ съ Висленевымъ, сказалъ ему:

— Чтѣ ты дуешься какъ мышь на крупу? Ты этакъ только выдаешь и себя, и жену; будь покоенъ: я его буду занимать.

Алина тоже утѣшила мужа.

— Въ городѣ душно и Тихонъ Ларіонычъ не захотѣлъ оставаться, — сказала она, идучи подъ руку съ мужемъ: — но я нарочно упросила сюда пріѣхать Горданова: они будутъ заняты, а мы можемъ удалиться въ паркъ и быть совершенно свободны отъ его докуки.

Такъ все и сдѣлалось.

Оркестръ игралъ превосходно; иллюминація задалась какъ нельзя лучше; фонтанъ шумѣлъ, публика гуляла, пила, кушала. Ночь спустилась почти южная; въ сторонѣ за освѣщенной поляной была темень. По длинной галлерей, гдѣ стояли чайные столики, пронеслась бѣглая вѣсть, что въ Петербургѣ пожаръ. Нѣсколько лицъ встали и въ небольшой тревогѣ пошли, чтобы взглянуть на зарево, но зарева не было. Пожаръ, конечно, былъ ничтожный. Однако многіе изъ вставшихъ уже не возвращались, и у вагоновъ послѣдняго поѣзда произошла значительная давка. Гордановъ съ Кишенскимъ долго бились, чтобы достать билетъ для Павла Николаевича, но наконецъ плюнули и отошли прочь, порицая порядки желѣзной дороги и неумѣніе публики держать себя съ достоинствомъ, а между тѣмъ прозвонилъ второй и третій звонокъ послѣдняго поѣзда.

— Я сяду безъ билета!—воскликнулъ Гордановъ и бросился къ вагону, но въ это время прозвучалъ третій звонокъ, локомотивъ визгнулъ и поѣздъ покатилъ, разсыпая искры.

Гордановъ остался на платформѣ, какъ рыба на сухомъ берегу.

Онъ оглянулся вокругъ и увидалъ себя среди незнакомыхъ людей: это были дачники, провожавшіе знакомыхъ. Кишенскаго нигдѣ не было видно.

Фонари гасли, и поляна предъ эстрадой и паркъ погружались въ глубокую темень. Гордановъ зашелъ въ вокзалъ, гдѣ сидѣли и допивали вино господа, рѣшившіеся прогулять ночь напролетъ. Кишенскаго здѣсь тоже не было. Гордановъ выпилъ рюмку ананаснаго коньяку, зажегъ сигару и отправился въ паркъ: нигдѣ зги не было видно, и сѣдой туманъ, какъ темный духъ, лѣзъ изъ всѣхъ поръ земли и проникалъ холодомъ ноги и колѣна.

Паркъ былъ почти пустъ и лишь рѣдко гдѣ мелькали романическія пары, но и тѣ сырость гнала по домамъ. Гордановъ повернулъ и пошелъ къ дачѣ Висленевыхъ, но окна дома были темны и горничная сидѣла на крыльцѣ.

— Тихонъ Ларіонычъ дома?—спросилъ Гордановъ.

— Нѣтъ, ихъ нѣтъ,—отвѣчала дѣвушка.

Гордановъ завернулся и снова пошелъ въ паркъ, надѣясь встрѣтить Тихона Ларіоновича, и онъ его встрѣтилъ: на поворотѣ одной аллеи предъ нимъ выросъ человекъ,

какъ показалось, громаднаго роста и съ большою дубиною на плечѣ. Онъ было кинулся къ Горданову, но вдругъ отступилъ и сказалъ:

— Извините, я не видалъ, что вы одни.

— Тихонъ Ларіонычъ!—позвать Гордановъ.

— А? что?—отвѣчалъ Кишенскій.

— Что вы это носитесь по тѣсу?

— Да помилуйте: гдѣ же они? А? вы ихъ не видали — а? Вѣдь съ нею каналья Висленевъ! — и съ этимъ Кишенскій опять взмахнулъ палкой и бросился впередъ.

Они оба пробѣжали нѣсколько аллей прежде чѣмъ Кишенскій, подскакивавшій къ каждой запоздавшей парѣ, вдругъ ударилъ себя рукой по лбу и бросился домой.

Иосафъ Платоновичъ и жена его были теперь дома: они сидѣли въ маленькой дачной залцѣ и ѣли изъ одной общей стеклянной чашки простоквану.

Кишенскій и Висленевъ окинули другъ друга гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ. Отъ Горданова это не скрылось, и онъ, уловивъ взглядъ внутренно смѣявшейся Алины, отвернулся, вышелъ на балконъ и расхохотался. Алина открыла рояль, и страстные звуки Шопена полились изъ-подъ ея рукъ по спящему воздуху.

«Твердая рука, твердая! — думалъ Гордановъ: — что-то она это мастеритъ, что-то этимъ возьметъ съ Тишки?»

— Препротивный дуракъ этотъ Иосафка! — сказалъ, неожиданно подойдя къ Павлу Николаевичу, Кишенскій.

— Чѣмъ? Вы его просто ревнуете.

— Вовсе не ревную, а просто онъ гадость человѣкъ, и его присутствіе ее безпоконтъ, тревожитъ ее, а она первенная-нервная, и все это на ней отражается.

Когда Гордановъ, раздѣвшись, улегся на диванъ въ крошечной закуткѣ внутри сада, которую называли «вигвамомъ» и въ которой былъ помѣщенъ Висленевъ, Иосафъ Платоновичъ, въ свою очередь, соскочилъ съ кровати и, подбѣжавъ къ Горданову, заговорилъ:

— А знаешь, Павлюкашка, я тебѣ скажу, братъ, что въ мои женѣ очень еще живы хорошія начала.

— Ну еще бы!—отвѣчалъ Гордановъ.

— Право, право такъ! Ты не знаешь, какъ она меня иногда занимаетъ? Ты знаешь, есть люди, которые не любятъ конфетъ и ананасовъ, а любятъ изюмъ и пряники;

есть люди, которые любятъ кунить какую-нибудь испорченную, старую штучку и исправить ее, приспособить...

— Говори, любезный другъ, толковѣе, я тебя не понимаю.

— То-есть я хочу сказать, что есть такіе люди, и что я... я тоже такой человѣкъ.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю; впрочемъ, это теперь въ модѣ дрянью интересоваться.

— Нѣтъ, я люблю...

— И вижу, что любишь.

— Я люблю воскресить... понимаешь, воззвать къ жизни, и потому съ тѣхъ поръ, какъ эта женщина не скрываетъ отъ меня, что она тяготится своимъ прошедшимъ и... и...

— И настоящимъ, что ли?

— Да, и настоящимъ; повѣрь, она меня очень занимаетъ, и я...

— А она это сказала тебѣ, что она тяготится своимъ прошедшимъ и настоящимъ?

— Пѣтъ, сказать она не сказала, но вѣдь это видно, и наконецъ же у меня есть глаза, и я понимаю женщину!

— Ну, а со мной, братъ, объ этомъ не говори: я этими дѣлами не занимался и ничего въ нихъ не смыслю.

— Ахъ, Паша, неужто это правда? Неужто ты никогда, никогда не любилъ?

— Никогда.

— И никогда не полюбишь?

— Никогда.

— Почему, Павлюканъ, дерево ты этакое? Почему?

— Фу! какъ ты сегодня до противности глупо оживленъ! Отстань ты отъ меня, сдѣлай милость!

— Да, я оживленъ; но почему ты не хочешь любить, Расскажи мнѣ?

— Потому, что любовь—это роскошь, которая очень дорого стѣитъ, а я бережливъ и расчетливъ.

— Любимая женщина-то дорого стѣитъ?

— А какъ же? Приведи-ка въ итогъ потерю времени, потерю на трезвости мысли, потерю въ работѣ, да наконецъ и денежные потери, такъ какъ съ любовью соединяются почти всѣ имена существительныя, кончающіяся на *ны*, такъ-то: именины, родины, крестины, похороны... все это чрезъ женщину, и потому вообще давай лучше спать, чѣмъ говорить про женщину.

— И ты никогда не чувствовал потребности любить?

— Потребности?

— Да.

— Нѣтъ, не чувствовалъ.

— И когда Глаша Алатова тебя любила, ты не чувствовалъ?

— Не чувствовалъ.

— И послѣ, когда она вышла за Бодростина, ты тоже не чувствовалъ ревности?

— Также не чувствовалъ.

— Почему?

— Почему?.. — времени не было, вотъ почему, а впрочемъ, второй и послѣдній разъ говорю: давай спать, а то ужь утро.

Висленевъ было замолчалъ, но вдругъ круто повернулся лицомъ къ Горданову и сказалъ:

— Нѣтъ, прости меня, Паша, а я не могу... Скажи же ты мнѣ: вѣдь ты все-таки изрядный плутъ?

— Ну, и слава Богу,—пробурчалъ, зѣвая, Гордановъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ: да и порой мнѣ кажется, что уже и всѣ мы стали плуты.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю.

— Да какъ же! вѣдь у насъ теоріи-то нѣтъ! Правду говоря, вѣдь мы и про нашу дарвинизмъ совсѣмъ позабыли, и если тебя теперь спросить, какому же ты теперь принципу служишь, такъ ты и не отвѣтишь.

— Не отвѣчу, потому что объ этомъ теперь у умныхъ людей и разговоровъ не можетъ быть, и сдѣлай милость и ты оставь меня въ покоѣ и спи.

— Ну, хорошо; но только еще одно слово. Ну, а если къ тебѣ не умный человѣкъ пристанетъ съ этимъ вопросомъ и вотъ, подобно мнѣ, не будетъ отставать, пока ты ему не скажешь, что у тебя за принципъ, ну скажи, голубчикъ, что ты на это скажешь? Я отъ тебя не отстану, скажи: какой у насъ теперь принципъ? Его нѣтъ?

— Врешь, есть, и есть принципъ самый логическій и здоровый, вытекшій естественнымъ путемъ изъ всего историческаго развитія нашей культуры...

— Паша, я слушаю, слушаю, говори!

— Да что же мнѣ тебѣ еще разжевывать? Мы отрицаемъ отрицаніе.

— Мы отрицаемъ отрицаніе! — воскликнулъ Висленевъ, и захопалъ какъ дитя въ ладоши, но Гордановъ сердито огрызнулся и громко крикнулъ на него:

— Да спи же ты наконецъ, ненавистный чухонецъ!

И съ этимъ Гордановъ повернулся къ стѣнѣ.

Утромъ Павелъ Николаевичъ уѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Алиной. Кишенскій остался дома въ Павловскѣ, Висленевъ тоже, и Гордановъ, ѣдучи съ Алиной, слегка шутилъ на ихъ счетъ и говорилъ, не покусались бы они.

— Ахъ, они миѣ оба надоѣли,—отвѣчала Алина, и Горданову показалось, что Алина говоритъ правду, и что не надоѣлъ ей... онъ, самъ Гордановъ, но...

Но о всемъ этомъ не время было думать. Въ Петербургѣ Горданова ждала ужасная вѣсть: всѣ блага жизни, для которыхъ онъ жертвовалъ всѣмъ на свѣтѣ, всѣ эти блага, которыхъ онъ уже касался руками, отпрыгнули и умчались въ пространство, такъ что ихъ не было и слѣда, и гнаться за ними было напрасно. Квартира № 8 сгорѣла. Пока отбивали желѣзную дверь кладовой, въ ней нашли уже одинъ пепель. Погибло все, и, главное, залоговъ погибло вдесятеро болѣе, чѣмъ на сумму, въ которой они были заложены.

Гордановъ понялъ, что это штука, но только не зналъ, какъ она сдѣлана. Но это было все равно. Онъ зналъ, что его ограбили, и что на все это негдѣ искать управы, что дѣло сдѣлано чисто, и что вступитъ въ споръ или тяжбу будетъ значить принять на себя обязанность доказывать, и ничего не доказать, а кромѣ всего этого, теперь еще предстоитъ отвѣтственность за погибшіе залоговѣ...

Гордановъ сидѣлъ, опершись на руки головой, и молчалъ.

Предъ вечеромъ онъ всталъ и пошелъ въ квартиру № 8. Здѣсь была только одна Алина и нѣсколько поденщиковъ, выносившихъ мусоръ.

Павелъ Николаевичъ вошелъ молча и молча сталъ посреди комнаты, гдѣ принимались заклады; здѣсь его и застала Алина; онъ ей поклонился и не сказалъ ни упрека, ни полюбопытствовалъ даже ни однимъ вопросомъ.

Алина сама прервала тяжелое молчаніе.

— *Voilà une affaire bien étrange!*—сказала она ему при рабочихъ.

— Je n'y vois rien d'impossible, madame, — отвечала спокойно Гордановъ.

— Monsieur! — крикнула, возвысивъ голосъ и отступая шагъ назадъ, Алина. — Que voulez-vous dire?

— Comment avez-vous fait cela?

Алина окинула его съ головы до ногъ холоднымъ, убійственнымъ взглядомъ и молча вышла въ другую квартиру и заперла за собой дверь. Гордановъ тоже повернулся и ушелъ, ограбленный, уничтоженный и брошенный.

Наступили для Павла Николаевича дни тяжкіе, дни, какихъ онъ давно не зналъ, и дни, которыхъ другому бы не снести съ тою твердостью и спокойствіемъ, съ коимъ переносилъ ихъ Гордановъ. Положеніе Павла Николаевича истинно было трагическое; онъ не только потерялъ состояніе и былъ далеке отброшенъ отъ осуществленія заветнѣйшей своей мечты, — онъ оставался должнымъ разнымъ лицамъ. Правда, не Богъ вѣсть какія это суммы, около трехъ-четыре-хъ тысячъ, но и тѣхъ ему отдать было нечѣмъ, а между тѣмъ сроки наступали, и Павелъ Николаевичъ легохонько могъ переселиться изъ своихъ удобныхъ апартаментовъ въ Tarasen Garten (какъ называютъ въ шутку петербургскую долговую тюрьму). Гордановъ понималъ это все и не жаловался никому; онъ зналъ всю бесполезность жалобъ и молчалъ, и думалъ думу долгую и крѣпкую, и наконецъ сдѣлалъ неожиданный визитъ въ Павловскъ Кишенскому и Алину.

— Господа! — сказалъ онъ имъ: — то, что со мною сдѣлалось, превыше всякаго описанія, но я не дуракъ, и знаю, что съ воза унало, то пропало. Ни одинъ миліонеръ не махалъ такъ равнодушно рукой на свою потерю, какъ махнулъ я на свое разореніе, но прошу васъ, помогите мнѣ, сдѣлайте милость, стать опять на ноги. Я сдѣлалъ инвентарь моему имуществу — все вздоръ!

— Вещи идутъ ни за что, — сказалъ Кишенскій.

— Да; онѣ дорого стдять, а продать ихъ пришлось бы за грошъ. За все, что я имѣю въ квартирѣ, съ экипажемъ и лошадьми, не выручишь и полторы тысячи.

— Да; и у васъ лѣвый конекъ, я замѣтилъ, стать покашливать, вы его запалили.

— Вы это замѣтили, а я и этого не замѣтилъ, но, впрочемъ, все равно, этимъ не выручишься, я долженъ до че-

тырехъ тысячъ, и сроки моиѣ векселямъ придуть на сикт дняхъ. Помогите, прошу васъ.

— Чѣмъ же-съ?

— Чѣмъ? Разумѣется, деньгами. Не хотите ссудить меня, купите мои векселя и дайте мнѣ срокъ на годъ, на два.

— А почему ихъ продадутъ?

— Какъ почему? Я васъ прошу меня не ославлять и купить мои векселя рубль за рубль.

Кишенскій улыбулся и стихъ. Гордановъ зналъ, что это значить: «оставь надежду навсегда».

— Вамъ, кажется, лучше всего идти бы опять на службу, — посовѣтовалъ Кишенскій Горданову.

— Это, Тихонъ Ларіонычъ, предоставьте уже мнѣ знать, что мнѣ теперь лучше дѣлать. Нѣтъ, служба мнѣ не поможетъ. На меня представятъ векселя и меня со службы прогонятъ; одно, что нужно прежде всего, — это замедлить срокъ векселей.

— А вашъ планъ?

— Мой планъ въ моей головѣ.

— Вы бы его лучше бросили.

— Вы не знаете, о чемъ говорите.

— Ну, какъ можно на двадцать пять тысячъ похватать миллионы?

— Ну, ужъ это мое дѣло.

— Такъ вамъ бы поискать компаньона.

— Нѣтъ такого компаньона, который бы мнѣ вѣрилъ на слово.

— Что вы хоть примѣромъ, хоть намекомъ, притчей ничего не скажете, что такое это за простое, но вѣрное средство? Кажется, мы знаемъ всѣ проетныя средства: выиграть, украсть, убить, ограбить, — вотъ эти средства.

— Нѣтъ, есть другія.

— Напримѣръ? Скажите хоть что-нибудь, чтобъ я хоть видѣлъ, что вы знаете нѣчто такое, что мнѣ не приходило въ голову.

— И это васъ удовлетворить? Извольте. Прошу васъ отвѣтить мнѣ: сколько денегъ должно заплатить за проѣздъ изъ Петербурга въ Москву въ вагонъ второго класса?

— Тринадцать рублей...

— А я вамъ говорю, что не тринадцать, а рубль шесть гривенъ.

— Это какимъ образомъ?

— Самымъ простымъ: вы берете въ Петербургѣ билетъ до Колпина и отдаете его на первой станціи; на полдорогѣ, въ Бологомъ, вы берете опять на одну станцію и отдаете; на предпоследней станціи къ Москвѣ берете третій разъ и отдаете. На это вы издерживаете рубль съ копейками, и вы пріѣхали такъ же удобно, какъ и за тринадцать рублей.

— Васъ могутъ изловить.

— Могутъ, но не ловили, и потому есть способъ еще вѣрнѣйшій: я попрошу у сосѣда билетъ посмотрѣть и скажу, что это *мой* билетъ.

— Изъ этого начнется ссора.

— Да; но я доѣду; мнѣ не докажутъ, что я завладѣлъ чужимъ билетомъ.

— Что же изъ этого?

— Ничего болѣе какъ то, что я доѣду туда, куда мнѣ было нужно.

— Не понимаю, какое же это отношеніе имѣетъ къ миллионамъ.

— Тогда не я виноватъ, что вы не понимаете, и я ужъ яснѣе до поры до времени ничего не скажу.

И Гордановъ ушелъ отъ Кишенскаго безо всякихъ надеждъ: онъ стоялъ совсѣмъ на краю пропасти и не ждалъ избавленія, а оно его ждало.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Гордановъ встаетъ на краю пропасти.

Избавленіе Горданову шло изъ того прекраснаго далека, гдѣ мы встрѣтили другихъ людей и другіе нравы, имѣющіе столь мало общаго съ самоистребительными нравами гнѣзда сорока разбойниковъ. Гордановъ, возвратясь изъ Павловска отъ Кишенскаго, нашель у себя почтовую повѣстку на пятьсотъ рублей и письмо отъ Глафиры Васильевны Бодростиной, въ которомъ разъяснилось значеніе этой присылки.

Бодростина писала, что, довѣряя «каторжной чести» Павла Николаевича, она обращается къ нему за небольшою услугою, для которой просить его немедленно пріѣхать въ ея губернскій городъ, прихвативъ съ собою человѣка, ко-

торый бы могъ служить маской для предстоящихъ дѣлъ разнаго рода. Гордановъ не спалъ всю ночь и думалъ: «приглашеніемъ манкировать невозможно: какъ оно ни темно, но все-таки это заѣбка, когда тутъ вокругъ все изорвалось и пщипалось». Утромъ онъ закрылъ глаза и пролежалъ до полудня въ тигостиѣшемъ снѣ, и вдругъ былъ разбуженъ Висленевымъ, который явился къ нему въ такомъ непостижимомъ состояніи духа, что Гордановъ, несмотря на все свое разстройство, полюбопытствовалъ узнать, что съ нимъ сдѣлалось.

— Что съ тобою случилось?—спросилъ онъ Висленева.

— Вещь ужасная!—отвѣчалъ Юсафъ Платоновичъ:—мы подралнсь.

— Кто? Гдѣ? Съ кѣмъ ты подрался?

— Конечно съ нимъ.

— Съ Кишенскимъ?

— Ну, да, разумѣется.

— На чемъ же вы дрались, и что ты, раненъ, или ты его убилъ?

— Никто никого не ранилъ и никто никого не убилъ: мы подрались настоящимъ русскимъ образомъ... я его по мордѣ...

— А онъ тебя?

— Не скрою. досталось и мнѣ... вотъ здѣсь... по воротнику.

— Ну, да, это ужъ всегда такъ приходится по воротнику.

— Но, однакоже, ты понимаешь, что послѣ этого ужъ мнѣ въ ихъ домѣ жить нельзя, потому что все это было и при женѣ, и при дѣтяхъ, и при прислугѣ...

— И за что же это случилось: за жену?

— Да, за жену.

Гордановъ вздохнулъ и плюнулъ.

— Нечего, нечего плевать, а я совсѣмъ къ тебѣ, со всею подвижностію,—добавилъ онъ, указывая на свой сабъ-воляжъ:—и ты, пожалуйста, не откажи, прими меня въ вѣчные кровы.

— Да вѣдь не выгнать же тебя, когда тебѣ некуда дѣться.

— Некуда, другъ, ровно некуда. Я хотѣлъ къ Ванскокъ, но она сама теперь разстроилась съ переводами и ищетъ мѣста посыльной, а пока живетъ у кухмистра за печкой.

— Полно, пожалуйста, ты съ этой тромбовкой: время ли теперь еще съ нею разговаривать?

— Нѣтъ, братъ, я о ней другого мнѣнія. Ванскокъ натура честная.

— И пусть ее возьметъ себѣ чортъ на орѣхи; нѣтъ, ужъ видно спасать тебя, такъ спасать: хочешь я тебя увезу?

— Какъ увезешь?

— Такъ, увезу, какъ бородатую Прозерпину, если тебѣ правятся Герценовскія сравненія. Мы уѣдемъ съ тобой отъ всѣхъ здѣшнихъ напастей—куда бы ты думалъ? Въ тѣ благословенныя мѣста, гдѣ ты впервые позналъ всю сладость бытія; ты тамъ увидишься со своею сестрой, съ твоею генеральшей, которой я не имѣю счастья знать, но у которой, по твоимъ словамъ, во лбу звѣзда, а подъ косою мѣсяцъ, и ты забудешь въ ея объятіяхъ всѣ неудачи бытія и пристроишь оленьи рога своей дражайшей половинѣ. Готовъ ты или нѣтъ на такую выходку?

— Мой другъ, я въ эту минуту на все готовъ.

— А я знаю фізіологію любви: клинъ клиномъ выгоняютъ, дорогой дружище. Я теперь имѣю не одинъ, а нѣсколько секретовъ, словомъ сказать, какъ бомба начиненъ секретами, и для себя, и для тебя.

— И для мени!—удивился Висленевъ.

— И для тебя, и для великаго множества людей.

Висленевъ тронулъ его за плечо и сказалъ:

— Да! послушай-ка—ты не пострадалъ?

— Я!.. Отъ чего?

— Ну, вотъ отъ этого пожара, котораго мнѣ, по правдѣ сказать, нимаго не жаль.

— Нѣтъ; я нимаго не пострадалъ, — отвѣчалъ спокойно Гордановъ.—Я получилъ все, кое-что еще признанъ, и теперь арсеналъ мой въ порядкѣ, и я открываю дѣйствія и беру тебя, если хочешь, въ помощники.

— Я готовъ на все: мнѣ хоть съ мосту въ воду, такъ въ ту же пору.

Съ этой стороны дѣло было рѣшено. Оставалась нерѣшенной другая его сторона: похитить ли Горданову Висленева въ самомъ дѣлѣ какъ Прозерпину или взять его на ярокъ и на поддержаніе по договору съ его владѣльцами?

Гордановъ предпочелъ послѣднее: онъ еще разъ вошелъ въ сдѣлку съ Кишенскимъ и съ Алиной; сообщилъ имъ

вкратцѣ свои намѣренія съѣздить въ свои мѣстности и устроить тамъ кое-какія спекуляціи, причѣмъ могъ бы-де прихватить и Висленева. Здѣсь опять произошли столкновѣнія: Кишенскій хотѣлъ, чтобы Висленевъ уѣхалъ, но Алина опасалась, не черезчуръ ли ужъ это выгодно для Горданова, но они поторговались и рѣшили на томъ, что Гордановъ повезетъ съ собою Висленева куда захочетъ и употребить его къ чему вздумаетъ, и за векселя свои въ четыре тысячи рублей, приторгованные Кишенскимъ за полторы, дастъ вексель на десять тысячъ рублей, со взаимною порукой Висленева за Горданова и Горданова за Висленева.

Переторжка была короткая: не та была пора и не тѣ были обстоятельства, чтобы скупиться, и Гордановъ согласился на всѣ эти требованія, а Висленевъ и подавно: имъ спутали ноги и пустили ихъ обоихъ на одной веревкѣ, о которой Висленевъ минутами позабывалъ, но о которой зато Павелъ Николаевичъ помнилъ постоянно. Онъ не самообольщался: онъ зналъ свое положеніе прекрасно и понималъ, что его, сильного и умомъ и волей Горданова, каждую минуту спаредная тварь въ родѣ Кишенскаго можетъ потянуть какъ воробья, привязаннаго за ногу, и онъ ревниво спѣшилъ оборвать этотъ силокъ во что бы то ни стало, хоть бы пришлось содрать мясо съ костей и вывернуть суставы.

Въ такомъ положеніи были два эти героя, когда они явились передъ нашими глазами въ кружкѣ обитателей мирнаго городка, надъ которымъ вихрь распустилъ красную орифламу, призывающую Павла Николаевича къ новому подвигу, требующему всего его ума, всей его ловкости и всей опытности, полученной имъ въ послѣднихъ тяжкихъ столкновѣніяхъ:

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Изъ прекраснаго далека.

Прошелъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго дѣла въ городѣ, пріютившемъ Горданова съ Висленевымъ, подвинулись впередъ весьма значительно. Первые вѣсти оттуда читаемъ въ письмѣ, которое департаментскій сторожъ подаль сегодня на подносикѣ вице-директору Григорію Васильевичу Акатову, родному брату Глафиры Васильевны Бодростиной.

Акатовъ, еще довольно молодой человекъ, въ золотыхъ очкахъ и вицмундиръ со звѣздой, которую онъ изъ скромности закрывалъ лацканомъ, взялъ конвертъ.

И, выложивъ усѣвшись въ свое кресло, началъ не безъ удовольствія читать письмо нашего испанскаго дворянина.

«Любезный Григорій!—начиналъ Подозеровъ въ заголовкѣ листа.—Не титулую тебя «превосходительствомъ», какъ потому, что довольно съ тебя этого титула на конвертъ, такъ и потому, что въ моемъ воображеніи ничто не можетъ превосходить того благородства, которое я зналъ въ тебѣ, и потому пишу тебѣ просто: мой дорогой и любезный Гриша! Очень радъ, что ты, благодаря твоимъ большимъ достоинствамъ и умѣнью жить съ людьми, такъ рано достигъ до степеней извѣстныхъ, и радуюсь этому опять по нѣсколькимъ причинамъ: во-первыхъ, радуюсь за самого тебя, что тебѣ быстрымъ возвышеніемъ отдана справедливость. Это очень важно для поддержанія въ человекѣ энергіи, чтобъ онъ могъ бодро идти далѣе, не растрчивая лучшихъ силъ души на успокоиваніе въ себѣ мятущагося чувства оскорбленнаго самолюбія и пр. (можно, конечно, и безъ этого, да то труднѣе). Во-вторыхъ, радуюсь за всѣхъ тѣхъ, кому придется имѣть съ тобою дѣло; потому что благородный жаръ, одушевлявшій тебя, конечно, еще не имѣлъ времени погаснуть подъ пепломъ спаленныхъ надеждъ, вѣрованій и упованій, и наконецъ (да не оскорбится слухъ твой), радуюсь за самого себя, потому что могу прибѣгнуть къ тебѣ съ просьбой, имѣя полную надежду, что ты не откажешься мнѣ попротезировать и попредстательствовать за меня, гдѣ ты самъ найдешь то лучшимъ и умѣстнымъ».

Акатовъ дочиталъ до этого мѣста, сдвинулъ слегка брови, и продолжалъ чтеніе съ сухимъ и дѣловымъ выраженіемъ лица.

«Можетъ-быть, я приступаю къ тебѣ несовсѣмъ ловко, но думаю, что между нами, старыми испытанными друзьями, всякія тонкости совершенно излишни, да и я человекъ мало шлифованный, и просить отъ роду моего никогда ничего ни у кого не просилъ, такъ и привычекъ къ этому пригодныхъ себѣ не усвоилъ. Одно то, что я *прошу*, уже сбиваетъ меня немножко съ панталыку. Повѣрь мнѣ, что, если бы дѣло шло о просьбѣ не къ тебѣ, а къ другому лицу, такъ я прежде отрубилъ бы себѣ руку, чѣмъ написалъ бы

хотя одно слово въ просительномъ тонѣ, но ты — дѣло другое, ты человѣкъ, которому мнѣ не тяжело сказать все, а скажу же я тебѣ слѣдующее. Въ теченіе всего времени, которое я провелъ здѣсь за скромнымъ изъ скромнѣйшихъ дѣлъ, я былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, какъ разъ отвѣчающимъ моимъ способностямъ и моему призванію: я сдалъ бывшимъ своимъ крестьянамъ за 300 руб. въ годъ въ аренду мой маленькій хуторишко и служилъ по крестьянскимъ дѣламъ, возлюбя это дѣло и находя въ занятіи имъ безконечный рядъ наслажденій самаго пріятнаго для меня свойства. Я видѣлъ посѣвъ и наблюдаю всходы прекрасныхъ сѣмянъ, о которыхъ всѣ мы такъ восторженно мечтали въ святые годы восторженной юности и ради добытія которыхъ не прочь были иногда отъ предпріянія восторженныхъ же, дѣтскихъ, но благородныхъ глупостей. (Пошли со мною вмѣстѣ миръ и благословеніе этимъ отшедшимъ прекраснымъ днямъ, дающимъ такія сладкія воспоминанія). Ко всему этому, признаюсь тебѣ, я къ концу четвертаго десятка такъ осѣдился здѣсь, что задумалъ было и жениться, конечно не по расчету и не по прикладнымъ соображеніямъ, однако этому, какъ кажется, не суждено осуществиться, и я эту статью уже выписалъ въ расходъ, но мнѣ, дружище, опротивѣла вдругъ моя служба, и опротивѣла непереносно. Опротивѣла она не сама по себѣ, а по массѣ непріятностей, которыя сыплются на меня оттуда, откуда бы, кажется, я могъ ожидать одного только животворящаго сочувствія. Не могу тебѣ выразить, какъ это нестерпимо для меня, что въ наше время,—хочешь ты или не хочешь,—непремѣнно долженъ быть политикомъ, къ чему я, напримѣръ, не имѣю ни малѣйшаго влеченія. Я бы не хотѣлъ ничего иного, какъ только дѣлать свое дѣло съ неизмѣнною всегдашнею и тебѣ, можетъ-быть, памятною моею увѣренностью, что, дѣлая свое дѣло честно, исполняя ближайшій долгъ свой благородно, человѣкъ самымъ наилучшимъ *органическимъ* образомъ служить наилучшимъ интересамъ своей страны, но у насъ въ эту пору повсюду стало не такъ; у насъ теперь думаютъ, что прежде всего надо стать съ кѣмъ-нибудь на ноги, а дѣло уже потомъ; дѣло, это—вещь второстепенная. По-моему, это ужасная гадость, и я этого сколько могъ гщательно избѣгалъ и, предствъ ты, нашелъ себѣ черезъ «эту подлость» массу не-

доброжелателей, приписывавших мнѣ всяческія дурныя побужденія, безпрестанно ошибавшихся въ своихъ заключеніяхъ, досадовавшихъ на это и наконецъ окончательно на меня разгнѣвавшихся за то, что не могутъ подвести меня подъ свои таблицы, не могутъ сказать: что я такое и что за планы крою я въ коварной душѣ моей? Ты, вѣроятно, улыбаешься этому, но мнѣ отъ этого стало очень невесело. На-дняхъ, то-есть мѣсяць, полтора тому назадъ, наши палестины посѣтили два великіе мужа, Гогъ и Магогъ нашего комическаго времени; отставной, но приснопамятный вождь безоружныхъ воителей, Иосафъ Висленевъ, и человекъ, имени котораго мы когда-то положили не прозносить, драгоцѣнный Пашенька Гордановъ. Что такое они намѣрены здѣсь дѣлать — я разгадать не могу, хотя вижу и чувствую, что они набѣжали сюда за «предпріятіемъ», но за предпріятіемъ, не похожимъ ни на что прежнее, и представь же ты себѣ, что силой судьбы я сталъ этимъ людямъ поперекъ дороги и, вдобавокъ ко всему, не чувствуя ни малѣйшей охоты уступать имъ этой дороги, я буду, кажется, вынужденъ къ такой уступкѣ. Друзья они или враги, и какую веревочкой ихъ лукавый спуталъ, этого я не доискиваюсь, да это и не важно, но они здѣсь очень торопливо начали поправлять свои юношескія ошибки: одинъ, уступивъ нѣкогда сестрѣ часть дома, закладываетъ его теперь весь цѣликомъ въ свою пользу, а другой, уступивъ нѣкогда кое-что своимъ мужичкамъ, тоже нынче обращаетъ это назадъ, достигая этого способомъ самымъ недостойнымъ. Подробности рассказывать нечего, бѣдный народишко нашъ еще темень, подпиль и невѣдомо что загалдиль, а я всею маленькой силой моего уряда воспротивился этой сдѣлкѣ и остановилъ ее, за что и обвиненъ чуть ли не во взяточничествѣ. (Акатовъ поторопился и сдвинулъ съ листа бумаги свой мизинецъ). Тебѣ не рассказывать статью, что за персона Гордановъ, ты знаешь, что для него нѣтъ ничего святого: это же, конечно, извѣстно и твоему зятю, Михайлѣ Андреевичу Бодростину, который тоже многіе годы не могъ о немъ слышать и даже теперь, въ первые дни пребыванія здѣсь Павла Николаевича, вездѣ по городу рассказывалъ блѣдныя отрывки изъ его черной исторіи. Бѣдный старикъ вовсе и не подозрѣвалъ, что онъ строитъ этимъ Горданову торжество. Это престранное и прехарак-

терное явленіе, какъ у насъ нынче повсемѣстно интересуются бездѣльниками и пѣжнѣйше о нихъ заботятся! Можешь быть какимъ тебѣ угодно честнымъ человѣкомъ, и тебя никогда не замѣтятъ, но появишься ты только въ предшествіи скандальной репутаціи, и на тебя лорнеты обратятся. Какое-то влеченье, родъ недуга; клеветы, напримѣръ, на честнаго человѣка сколько хочешь, и это ничего: самые добрые люди только плечами пожмутъ и скажутъ: «Таковъ-де ужъ свѣтъ, на Христа прежде насъ клеветали», но скажи правду про негодяя... О! Это преступленіе, котораго тебѣ не простятъ. Это, говорятъ, «жестокость!» У каждаго бездѣльника въ одну минуту отыскивается въ обществѣ столько защитниковъ, сколько честная мать семейства и труженикъ-отецъ не дождутся во всю свою жизнь. Словно это исключительно вѣкъ мошенниковъ, словно это настало ихъ царствіе... Право! Я сужу такъ по тому, что вижу въ своемъ углѣ, и по тому, что, напримѣръ, читаю въ литературѣ. Неразборчивость въ явнательствѣ съ негодяями повсемѣстная. Читай ты, напримѣръ, Теккеря, онъ выводитъ въ «*Базаръ житейской суеты*» героиню-мошеницу, Ребекку Шарпъ, и говоритъ не обинуясь, что «Ребекка Шарпъ есть лицо собирательное, принадлежащее поколѣнію англичанъ, дѣйствовавшему послѣ 1818 года», и этимъ никто изъ честныхъ англичанъ этой поры не обижался, тогда какъ у насъ за такую вещь Теккеря, конечно, назвали бы по меньшей мѣрѣ инсинуаторомъ и узкободымъ дуракомъ, который «не умѣлъ понять людей, дѣйствовавшихъ послѣ 1818 года». (Нынче мошенники все жалуются, что ихъ «не понимаютъ», словно они какіе мудрецы). Нѣтъ ли здѣсь повода скорѣть за смыслъ и за совѣсть? Бездѣльничества нашего благороднаго друга Горданова сдѣлались здѣсь милыми анекдотами и, служа въ теченіе нѣсколькихъ дней самою любимую темой для разговоровъ, пріуготовили ему тріумфъ, какого онъ едва ли и ожидалъ: гдѣ онъ ни появлялся, на него смотрѣли какъ на бѣлаго слона и, насмотрѣвшись, пошли его нарасхватъ звать и принимать. Ты не повѣришь, что молодецъ этотъ до того всѣхъ здѣсь очаровалъ, до того всѣхъ обошелъ, что знакомствомъ съ нимъ у насъ стали даже кичиться: стали звать гостей на чай «съ Гордановымъ», на обѣдъ «съ Гордановымъ», подумай, пожалуйста, какая сила есть въ подлости! Самъ заклятый врагъ его, зять твой Бодростинъ, и тотъ, нако-

пець, не стерпѣлъ и снова водить съ нимъ хлѣбъ и соль, и они вмѣстѣ что-то тоже «предпринимають». Не спросишь ли меня: какое мнѣ до всего этого дѣло? Никакого, но вотъ бѣда: этому мерзавцу есть до меня какое-то дѣло. Я помѣшалъ ему надуть крестьянъ, хотя, впрочемъ, помѣшалъ ненадолго, потому что они, улещенные обѣщаніями и опоенные водкой, опять-таки просятъ воплію невыгодной для нихъ мѣны земель, и вотъ теперь всѣ трубящіе славу Горданова трубятъ, что я его притѣснялъ, что я съ него что-то вымогалъ. (Акатовъ снялъ съ листка и другой мизинецъ). Поддерживается все это мастерскимъ образомъ и вредитъ мнѣ всемирно, тѣмъ болѣе, что Гордановъ въ самомъ дѣлѣ, повидимому, располагаетъ очень свободными средствами и вывернулся превосходно: онъ теперь землю, отнимаемую имъ у крестьянъ, обѣщаетъ занять уже не заводомъ, какъ говорилъ мнѣ, когда просилъ моего содѣйствія, а ремесленною школой, которою приводить въ восторгъ и Бодростина, и губернатора. Словомъ, я явился въ дуракахъ и съ покоромъ чести. (Акатовъ совсѣмъ выбросилъ письмо изъ рукъ на столъ и продолжалъ читать глазами, переворачивая странички концомъ карандаша). Но Богъ съ нимъ, я бы и это снесъ (писалъ далѣе Подозеровъ), и почестіе меня людей порочать, но мнѣ, наконецъ, грозятъ иною бѣдой: вина моя, заключающаяся въ защитѣ крестьянъ, не позабывается, а все возрождается какъ сфинксъ въ новомъ видѣ. Пять дней тому назадъ былъ у меня Бодростинъ, и, со свойственною ему прямою и честностію, сказалъ мнѣ, будто бы ему «сообщено», что я не могу быть терпимъ на службѣ, какъ человѣкъ вреднаго образа мыслей! Можешь себѣ вообразить, какъ это идетъ ко мнѣ! Но, однако, вотъ видно, если не пристало, то прилипло. На вопросъ, сдѣланный мною Бодростину: вѣрить ли онъ этой недѣлицѣ? — онъ началъ съ «конечно, хотя и разумѣется» и свелъ на «но» и на «говорятъ», вообще построилъ рѣчь по извѣстному плану, безнадежному для человѣка, требующаго защиты и оправданія. Послѣ этого мы поговорили крушно, и такъ крушно, что, кажется, болѣе не пожелаемъ другъ съ другомъ видѣться и едва ли станемъ говорить. Хотя дерзостей ни съ той, ни съ другой стороны сказано не было, но тѣмъ не менѣе мы, вѣроятно, разошлись навѣки. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ не вѣритъ, но допускаетъ возможность, что я, по

странности моего характера, симпатіямъ къ народу, по увлеченіямъ теоріями и поджигательными статьями газетъ, могъ *забыться*, а я... я въ свою очередь указалъ ему на другое, и однимъ словомъ, мы болѣе не друзья. Такова, видно, у насъ роковая судьба путныхъ людей ссориться между собою за мошенниковъ, подъ предлогомъ разномыслія въ теоретическихъ началахъ, до которыхъ мошенникамъ нѣтъ никакого дѣла и къ которымъ они льнутъ только для того, чтобы шарлатанствовать ими. Но извини, что я болтливъ: это слабость людей оскорбленныхъ. Продолжаю мою исторію. Тяжко обиженный взведеннымъ на меня нелѣпнымъ обвиненіемъ, я обратился къ губернатору и просилъ его разъяснить: кто и на какихъ основаніяхъ мараешь меня такою клеветой, но его превосходительство, спустя носъ на усы и потомъ поднявъ усы къ носу и прыгнувъ съ каблуконъ на носки и обратно, коротко и ясно отвѣчалъ мнѣ, что онъ «краснымъ социалистамъ никакихъ объясненій не даетъ». Я пробовалъ искать разгадки этому еще у двухъ-трехъ лицъ, но со мною не говорятъ, меня чуждаются и, наконецъ, даже меня не принимаютъ. Насилу-насилу чрезъ посредство нѣкоторыхъ дружески расположенныхъ ко мнѣ дамъ (изъ которыхъ объ одной замѣчательной женщинѣ, Александрѣ Ивановнѣ Синтяниной, я нѣкогда много писалъ тебѣ, описывая мои здѣшнія знакомства), я узналъ, что все это построено на основаніяхъ прочныхъ: на моихъ, конечно, самыхъ невинныхъ, разговорахъ съ крестьянами г. Горданова. Фактъ налицо, и дѣлать, стало-быть, нечего: я «красный,—человѣкъ опасный», и мнѣ надо отсюда убираться. Не знаю, чувствуешь ли ты, Григорій, хотя долю того душащаго негодованія, которымъ я въ эту минуту какъ злымъ духомъ одержимъ, доканчивая это несвязное письмо, но ради всяческаго добра, которое ты чтинишь, опредѣли меня, другъ мой, братъ и товарищъ, опредѣли меня куда-нибудь на службу ли, къ частному ли дѣлу—мнѣ это все равно; но только скорѣе отсюда! Я пойду спокойно въ помощники столоначальника и даже въ писаря къ тебѣ въ департаментъ, подъ твою команду, или въ любую контору, лишь бы только съ меня требовали работы, труда, дѣла, а не направленій, не мнѣній, которыя я имѣю и хочу имѣть не про господъ, а про свой расхондъ, и которыя, кромѣ меня самого, можетъ-быть, никому и ни на что не годятся.

Я ищу одного: укромнаго мѣста, гдѣ бы могъ зарабатывать кусокъ хлѣба внѣ всякой зависимости отъ получившихъ для меня особое значеніе требованій идоложертвеннаго служенія направленіямъ и громкимъ словамъ, во имя которыхъ на глазахъ моихъ почти повсюду совершается профанція священнѣйшихъ для меня идей. Пособи мнѣ, голубчикъ Граша, въ этомъ случаѣ сколько хочешь и сколько можешь, а главное, отвѣть мнѣ словечко скоро, безъ промедленія, чтобы до крайней степени натянутое терпѣніе мое не столкнулось еще съ чѣмъ-нибудь новымъ и на чемъ-нибудь не оборвалось.

Твой *Андрей Подозеровъ.*

«Р. S. Прибавлю тебѣ къ моей длинной сказкѣ смѣшную присказку: у насъ тутъ на сихъ дняхъ случилась престранная исторія, не чуждая мистическаго элемента. Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ, послѣ нашихъ съ нимъ объясненій, уѣхалъ въ Москву, а вчера въ сумерки твоя сестра Глафира Васильевна, гуляя по длинной аллеѣ въ задней части своего огромнаго парка въ селѣ Бодростино, встрѣтила лицомъ къ лицу самого его же, Михаила Андреевича, шедшаго къ ней навстрѣчу съ закрытыми глазами и въ его кирасирскомъ мундирѣ, котораго онъ не надѣвалъ двадцать лѣтъ и у котораго на этотъ разъ спина была разрѣзана до самаго воротника. Сестра твоя, при всей ея геройской смѣлости, сробѣла, закричала и упала въ обморокъ на руки Висленева. На крикъ Глафиры Васильевны прибѣжали сестра Юсафа Висленева, молодая дѣвушка Лариса, и Гордановъ, бывшіе въ другой части парка и въ противномъ концѣ той же аллеи. Эта пара тоже лицомъ къ лицу встрѣтилась съ тѣмъ же Бодростинымъ, который этихъ уже не испугалъ, но удивилъ разрѣзанною спиной своего стараго, узкаго и кургузаго мундира. Бросились искать Михаила Андреевича и нигдѣ его не нашли; ни садовники, ни прислуга нигдѣ его не видали. Нашли только надчерицу Сиянтиной, глухонѣмую дѣвочку Вѣру: она рвала мать-и-мачеху на опушкѣ парка. Ее тоже спросили, не видала ли она Михаила Андреевича? И представь, она тоже отвѣчала знакомъ, что видѣла. А когда ее спросили, куда онъ пошелъ, то она, улыбаясь, отвѣтила: «повсюду», но это дитя больное и экспансивное. Глафира Васильевна

велѣла принести себѣ кирасирскій мундиръ Михаила Андреевича, и мундиръ былъ весь цѣль, а черезъ часъ получена была изъ Москвы депеша отъ Бодростина о томъ, что онъ два часа тому назадъ прибылъ туда благополучно, и затѣмъ вечеръ закончился ужиномъ и музыкой. Такимъ образомъ, вотъ тебѣ у насъ даже и свое «видѣніе шведскаго короля». Но смѣйся или не смѣйся, а всѣ бодростинскіе люди по этому случаю странно оробѣли, и посоль, привезшій мнѣ сегодня изъ Бодростинской усадьбы нѣкоторыя мои книги, рассказывая мнѣ «ужасное чудо», съ трепетомъ добавилъ, что это уже не первое, и что пастухъ Панька косолапый подъ самый Ивановъ день видѣлъ, какъ изъ рѣчки выползли на берегъ два рака, чего этотъ косолапый Панька такъ испугался, что ударился безъ оглядки бѣжать домой, но упалъ и слышалъ, какъ застонала земля, послѣ чего этотъ бѣднякъ чуть не отдалъ Богу свою младенчески-суевѣрную душу. Не замѣнятъ ли меня, наконецъ, въ общественномъ вниманіи хоть эти раки, или не буду ли я, напротивъ, употребленъ на сугубое позорище, дабы оторвать вниманіе людей отъ этихъ раковъ?»

Акатовъ свернулъ листокъ, сунулъ его въ карманъ и во весь обратный путь домой все мысленно писалъ Подозерову отвѣтъ,—отвѣтъ уклончивый, съ безпрестанными «конечно, хотя, разумѣется» и печальнѣйшимъ «но», которыя въ концѣ всѣ эти «хотя и разумѣется» сводились къ нулю въ квадратъ. Письмо начиналось товарищескимъ вступленіемъ, затѣмъ развивалось полшуточнымъ сравненіемъ индивидуальнаго характера Подозерова съ коллективнымъ характеромъ Россіи, которая вездѣ хочетъ, чтобы признали благородство ея поведенія, забывая, что въ нашъ вѣкъ надо заставлять знать себя; далѣе въ отвѣгѣ Акатова мелькомъ говорилось о неблагодарности службы вообще «и *хоть*, молъ, мнѣ будто и везетъ, *но* это досталось такими-то трудами», а что касается до ходатайства за просителя, то, «*конечно*, Подозеровъ можетъ не сомнѣваться въ теплѣйшемъ къ нему расположеніи, *но*, однакоже, *разумѣется* и не можетъ неволить товарища (то-есть Акатова) къ отступленію отъ его правила не предстательствовать нигдѣ ни за кого изъ *ближнихъ* людей, въ числѣ которыхъ онъ всегда считаетъ его, Подозерова».

Таково было письмо, которое Подозеровъ долженъ былъ

получить отъ несомнѣннаго друга своего Акатова, но онъ его не получилъ, потому что «хотя» Акатовъ и имѣлъ несомнѣнное намѣреніе написать своему товарищу такое письмо, «но» пока доѣхалъ до дому, онъ уже почувствовалъ, что какъ бы еще лучше этого письма совсѣмъ не писать.

«И не странно ли все это?—разсуждалъ, засыпая послѣ обѣда въ креслѣ, Акатовъ. — Положимъ, что Гордановъ всегда и былъ, и есть, и будетъ мерзавецъ, но почему же я знаю теперь, каковъ сталъ и Подозеровъ? Провинція растлѣваетъ нравы... И наконецъ этотъ цинизмъ: «взятки», «вымогательство»... фуй! Почему же на меня этого не скажутъ? Почему ко мнѣ никакой такой Гордановъ не подкрадется?»

— Подкрадется, ваше превосходительство, клянусь святымъ Патрикомъ, подкрадется,—прогнусилъ въ отвѣтъ Акатову, немножко задыхаясь, дремучій семинаристъ Теоктистъ Меридіановъ, котораго Акатовъ едва ли когда видѣлъ, не зналъ по имени и не пустилъ бы къ себѣ на порогъ ни въ домъ, ни въ департаментъ, по богъ Морфей ничѣмъ этимъ не стѣсняется и сводитъ людей въ такія компаніи, что только ахнешь проснувшись, и Акатовъ ахнулъ, и совсѣмъ позабылъ и о Подозеровѣ, и о его письмѣ, и вотъ причина, почему Подозеровъ ждетъ дружескаго отвѣта «разумѣется» очень нетерпѣливо, «но совершенно напрасно».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Порѣзъ до крови.

Въ этотъ же самый день капиталистъ Тихонъ Ларіоновичъ Кишенскій, засѣдая въ помѣщеніи одной редакціи въ казенномъ домѣ, между массой доставляемыхъ корреспонденцій, прочелъ полуофициальное извѣщеніе: «На сихъ дняхъ здѣсь получила большую скандальную огласку довольно недостойная исторія, касающаяся здѣшняго члена отъ правительства по крестьянскимъ дѣламъ г. Подозерова. Этого чиновника, вообще довольно недюмиаго и пользующагося нѣсколько странною репутаціей, теперь всѣ въ одинъ голосъ обвиняютъ въ вымогательствѣ денегъ съ помѣщика Павла Горданова за сдѣлку сего послѣдняго съ крестьянами по размѣнѣ нѣкотораго поземельнаго участка, гдѣ Гордановъ вознамѣрился построить для крестьянъ ремесленную

школу. Встрѣтивъ отпоръ со стороны г. Горданова, чиновникъ Подозеровъ агитировалъ будто бы среди крестьянъ въ пользу идей безпорядка, чему здѣсь знающіе демократическія наклонности г. Подозерова вполне вѣрятъ. По дѣлу этому было произведено секретное дознаніе, и оказалось, что дѣйствительно проживающій здѣсь отставной майоръ Форовъ и священникъ Евангелъ Минервинъ, проходя однажды чрезъ деревушку г. Горданова, подъ предлогомъ ловли въ озерѣ карасей, остановились здѣсь, подъ видомъ напиться квасу, и вели съ нѣкоторыми крестьянами разговоръ, имѣвшій, очевидно, дѣлю возбуждать въ крестьянахъ чувство недовѣрія къ намѣреніямъ г. Горданова. Во избѣжаніе огласки, формального слѣдствія по этому дѣлу не предполагается и начальство намѣрено ограничиться однимъ дознаніемъ съ конфиденціальнымъ сообщеніемъ куда слѣдуетъ о дѣйствіяхъ Подозерова и священника Минервина, а за майоромъ Филетеромъ Форовымъ, издавна извѣстнымъ въ городѣ своимъ вреднымъ образомъ несбыточныхъ мыслей и стремленій, строго вмѣнено мѣстной городской полиціи въ обязанность имѣть неослабленное наблюденіе».

Кишенскій помѣтилъ это сообщеніе «къ свѣдѣнію», съдѣлалъ изъ него вымѣточку себѣ въ записную книжку и, перейдя въ другую редакцію, помѣщавшуюся уже не въ казенномъ домѣ, начерталъ: *«Дѣятель на всѣ руки»*. — «До чего, наконецъ, дойдутъ наши маскированные социалисты, этому, кажется, нѣтъ никакихъ границъ и никакихъ Геркулесовыхъ столбовъ. Намъ пишеть вполне заслуживающій довѣрія землевладѣлецъ, что у нихъ есть одинъ дѣятель, нѣкто А. И. П—овъ, стяжавшій себѣ въ своемъ муравейникѣ славу страстотерца за «священные права хлѣбопашца», наконецъ вымогательствами вещественныхъ знаковъ признательности съ помѣщика П. Н. Гор—ова за право выстроить для крестьянъ ремесленную школу. Вѣроятно, этотъ дѣятель найдетъ себѣ горячую поддержку со стороны органовъ нашей печати, взявшихъ себѣ исключительную привилегію агитировать подъ предлогомъ патриотизма».

Затѣмъ, вечеромъ, редакціи третьей газеты Кишенскій далъ напечатать корреспонденцію, въ которой восхвалялся здравый смыслъ народа, не поддавагося наущеніямъ попа и двухъ агитаторовъ, изъ которыхъ одинъ, чиновникъ

П—ровъ, даже имѣеть власть въ крестьянскихъ дѣлахъ. «Какъ жаль,—заклучилъ онъ эту замѣтку,—что въ назначеніи къ подобнымъ должностямъ у насъ не соблюдается вся осторожность, которая была бы здѣсь такъ умѣстна».

Все это было напечатано и вышло въ свѣтъ, а на другой день къ Кишенскому влетѣла Ванскокъ и, трепля косяцами и раздувая ноздри, потребовала вниманія къ листу бумаги, измаранному ея куриными гьероглифами. Здѣсь она, со словъ только-что полученнаго ею отъ Висленева письма, описывала ужасное событіе съ Гордановскимъ портфелемъ, который неизвѣстно кѣмъ разрѣзанъ и изъ него пропали значительныя деньги, при такихъ обстоятельствахъ, что владѣлецъ этихъ денегъ, по чувству деликатности къ семейной чести домовладѣльца, гдѣ случилось это событіе, даже не можетъ отыскивать этой покражи, такъ какъ здѣсь ложится тѣнь на нѣкоторыхъ изъ семейныхъ друзей домохозяевъ.

Ванскокъ хотѣла, чтобъ это немедленно было напечатано слово въ слово, какъ она сочинила и со всѣми именами, но Кишенскій ей отказалъ.

— За это, матушка игуменья, достается,—сказалъ онъ:— а мы такъ сдѣлаемъ... Онъ взялъ перо и написалъ на полѣ: «*Правда ли*, что нѣкто дѣятель васильегемновскаго направленія, г. По—зеровъ (отчего бы не Позоровъ), будучи въ домѣ нѣкинхъ гг. Вис—выхъ, подъ видомъ ухаживанія за сестрой домохозяина, распоролъ неосторожно чужой портфель съ деньгами, отданными г. В. на сохраненіе другомъ его г. Го—вымъ?»

— Вотъ этакъ, матка, будетъ глаже: такъ и коротко, и узловато,—и комаръ носа не подточитъ, и всѣ, кому надо, уразумѣють, яко съ нами Боги! Прыгай теиерь къ Бабиневичу, чтобы завтра напечаталъ у себя подъ «правда ли?»

— Онъ не напечатаетъ.

— Ну, вотъ еще!

— Это фактъ! я къ нему разъ обращалась, и онъ закоробатился и отказалъ.

— Ну, все пустяки; скажите, что я просилъ: онъ не будетъ коробатиться.

— А онъ вамъ долженъ?

— Скажите, скажите только, что я просилъ, — подтвердите, вставая, Кишенскій и, услыхавъ легкій стукъ въ

двери изъ № 8, гдѣ снова процвѣтала вновь омеблированная на страховыя деньги «касса ссудъ», — добавили полупопотомъ:— ну, а теперь, игуменья, некогда больше, некогда— вонъ люди и за настоящимъ дѣломъ стучать.

Съ этимъ онъ полудружески, полупрезрительно толкнулъ Ванскокъ двумя пальцами въ плечо и, свистнувъ могучаго Югана съ острова Эзеля, крикнулъ ему: «Выпусти госпожу!» повернулся и ушелъ.

Слово Кишненскаго оказалось съ большимъ вѣсомъ, и Ванскокъ на другой же день взяла въ конторѣ Бабиновича на полтинникъ двадцать листиковъ его изданія и послала ихъ въ бандеролькѣ Юсафу Платоновичу Висленеву.

Послѣдуюмъ и мы за этою картечью, которую Павелъ Николаевичъ обстрѣливаетъ себѣ позицію, чтобы ничто не стояло предъ прицѣлами сокрытыхъ орудій его тяжелой артиллеріи. Читатель всеусерднѣйше приглашается отрясти прахъ отъ ногъ своихъ въ гнѣздѣ сорока разбойниковъ и перенестись отсюда на поля, гдѣ должны быть подвергнуты ожесточеніямъ, и пыткѣ, и позору нашъ испанскій дворянинъ въ его разодранномъ плащѣ и другіе наши друзья.

Путь намъ теперь лежитъ черезъ хуторный домикъ Александры Ивановны Синтяниной, гдѣ блѣдною ручкой глухонѣмой нимфы Вѣры повѣшены на желтыхъ перевеслахъ золотистой соломѣ, сохнуть и валится пучки душистаго чебра, гулявицы, калуфера и горькой руты.

Часть третья.

КРОВЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кипятокъ.

Хуторъ Починокъ, любимый пріютъ генеральши Синтияпиной, отстоитъ отъ города въ восьми верстахъ. Справа отъ него, въ трехъ верстахъ, богатое Бодростинское подгородное имѣніе, влѣво—торговое село Рыбацкое и Ребровъ хуторъ, куда майоръ Филетеръ Ивановичъ Форовъ постоянно ходилъ къ другу своему, отцу Евангелу. Починокъ стоялъ въ низменности, между двумя плоскогорьями, занятыми селомъ Рыбацкимъ и обширною барскою Бодростинскою усадьбой, старый англійскій паркъ которой достигалъ до самаго рубежа Починскихъ полей. Починокъ, которымъ владѣли Синтяпины, и Ребровъ хуторъ, на которомъ жилъ при церкви отецъ Евангель, были маленькіе поселки, ихъ почти и не видать было между селами Бодростинимъ и Рыбацкимъ. Весной, когда полевые злаки еще не поднялись надъ землею выше чѣмъ прячется грачъ, хуторки еще чуть-чуть обозначались, словно забытыя конепки прошлогодняго сѣна; но чуть лишь нива забирала силу и шла въ ростъ, отъ ветхаго купола ребровской колокольни только мелькалъ крестикъ. Что же касается до Синтяпинскаго хутора, то его и совсѣмъ нельзя было видѣть, пока къ нему не подъѣдешь по неширокой, малопрѣзжей дорожкѣ, кото-

рая отбѣгала въ сторону отъ торной и пыльной дороги, соединяющей два большія села на крайнихъ точкахъ нагорнаго амфитеатра.

Хуторъ Починокъ возникъ потому, что протекающій здѣсь небольшой ручеекъ подавъ одному однодворцу мысль поставить тутъ утлую мельницу, изъ разряда извѣстныхъ въ срединной Россіи «колотовоѣ», и въ такомъ видѣ, съ одною мельничною избой, этотъ хуторъ - невидимка былъ купленъ генераломъ Синянинымъ, жена котораго свила себѣ здѣсь гнѣздышко. Хутороѣкъ и теперь такой же невидимка, но онъ уже не тотъ бобильникъ, какимъ былъ въ однодворческихъ рукахъ: на него легла печать раченія и вкуса. Никакихъ затѣй и претензій здѣсь нѣтъ и слѣда, но какъ только вы обогнули маленькій зигзагъ по малопрѣзженной дорожкѣ, предъ вами вырастаютъ исправныя соломенные крыши очень дружественно расположившихся строеній. Небольшой ручеекъ, бѣгущій съ горъ изъ-подъ лѣса по ржавымъ потовинамъ, здѣсь перехваченъ плотинкой и образуетъ чистый, блестящій прудокъ, въ которомъ вода тиха какъ въ чайнѣ; на этомъ прудѣ стоитъ однопоставная меленка съ маленькою толчеей для льна. Это центральное мѣсто, къ которому все другія строенія поселка какъ будто бы чувствуютъ почтеніе: саран, сарайчики, амбары, амбаружки, хлѣвни и закутки — все это съ разныхъ сторонъ обступило мельницу, поворотилось къ ней лицомъ, смотреть на ея вращающееся колесо, какъ безграмотные односельчане глядятъ на старушку, сотый разъ повторяющую имъ по складамъ старую, тихоструйную повѣсть.

Господскаго домика вовсе не видно и его собственно здѣсь и нѣтъ, потому что небольшая, оштукатуренная пристройка при высокомъ сосновомъ амбарѣ никакъ не имѣетъ права претендовать на званіе самаго скромнаго господскаго домика, но эта пристройка и есть жильѣ Александры Ивановны Синяниной. Здѣсь двѣ большія комнаты, подъ окнами которыхъ разбитъ маленькій цвѣтникъ, засѣянный неприхотливыми душистыми цвѣтами. Небольшой плодовый садикъ пологъ густоѣ вишняка и малины; за этимъ садикомъ есть небольшой, очень стройный молодой осинникъ, въ которомъ бьетъ студенный родникъ прекрасной воды и предъ нимъ устроены небольшая деревянная бѣсѣдочка и качели. Растительность на хуторѣ вообще довольно силь-

ная; все свѣжо, сильно, бодро, зелено, но не высоко: прибрежныя лозы пруда, ракиты, окружающія всѣ пристройки, и владимірскія вишни, и сливы, и груши, и все это какъ будто рѣшилось скрываться и не тянулось вверхъ. Только однѣ осинки выбѣжали немножко повыше и постоянно шепчуть своими трепещущими листками о томъ, что видятъ за каймой этой маленькой усадьбы.

Стояли послѣдніе жаркіе дни августа, на дворѣ былъ пятый часъ, но солнце, несмотря на свое значительное уклоненіе къ западу, еще жгло и палило немилосердно. Въ небольшой комнаткѣ онтукатуренной пристройки, составившей жильѣ Александры Ивановны Снитыниной, ставни обонихъ оконъ были притворены, а дверь на высокое крыльцо, выходившее на тѣневую сторону, раскрыта настежь. Здѣсь, въ небольшой комнатѣ, уставленной старинною мебелью, помѣщались теперь два знакомыя намъ лица: сама генеральша и другъ ея, майорша Катерина Астафьевна Форова. Александра Ивановна писала предъ стариннымъ овальнымъ столомъ, утвержденнымъ на толстой тумбѣ, служившей маленькимъ книжнымъ шкафомъ, а майорша Катерина Астафьевна Форова, завернутая кое-какъ въ узенькое платье, безъ шейнаго платка и безъ чепца, сидѣла на полу, лицомъ къ открытой двери, и сматывала на клубокъ нитки, стянутыя у нея на выгнутыхъ колънахъ. Она, очевидно, была не въ духѣ, постоянно кусывала зубами узелки, сердилась и ворчала.

— Ахъ, чтобы вамъ совѣмъ пусто было!—повторила она въ двадцатый разъ, бросивъ на полъ клубокъ и принимаясь теревить на колънахъ запутанныя нитки.

Этимъ восклицаніемъ нарушилась царствовавшая въ комнатѣ глубокая тишина, и Александра Ивановна остановила свое перо и, приподнявъ лицо, взглянула на майоршу.

— Чего ты на меня смотришь?—спросила Форова, не видя, но чувствуя на себѣ взглядъ своего друга.

— Я все слушаю, съ кѣмъ ты это перебранивасься?

— Сама съ собою бранюсь, съ кѣмъ же мнѣ больше браниться?

Снитынина замолчала и снова взялась за перо.

Прошла минута и щелканье намагиваемой нитки вдругъ опять оборвалась, и опять послышался воскликъ Форовой: «пусто-бъ вамъ было!»

— Перестань, Катя, браниться, — отозвалась Синтяпина. — Не стыдно ли тебѣ срывать свою досаду на ниткахъ.

— Я, милая, вѣдь сказала тебѣ, что я на себѣ ее срываю.

— И на себя тебѣ не за что злиться.

— Да вотъ, забыла, о чемъ съ мужемъ послѣ свадьбы говорила, оттого и нитокъ не распутаю. На свою память сержусь, и съ этимъ майорша, отбросивъ клубокъ, схватила жестянку изъ-подъ сардинокъ, въ которой у нея лежали ея самодѣльные папироски и спички, и закурила.

— А я между тѣмъ, пока ты злилась, кончила письмо, — сказала Синтяпина, пробѣгая глазами листокъ.

— Ну, и прекрасно, что кончила, я очень рада: конецъ всему дѣлу вѣнецъ.

— Ты хочешь послушать, что я ему написала?

— М... м... м... это, мой другъ, какъ тебѣ угодно.

— Да полно тебѣ въ самомъ дѣлѣ дуться! Что это за вздоръ такой: дуешься на меня, дуешься на своего мужа и на весь свѣтъ, и все изъ-за посторонняго дѣла. Глупо это, Катя!

— Во-первыхъ, я не дуюсь на весь свѣтъ, потому что хоть я, по твоимъ словамъ, и глупая, но знаю, что весь свѣтъ моего дутья не боится, и во-вторыхъ, я не въ тебя и не въ моего муженька, и дѣлъ близкихъ мнѣ людей чужими не считаю.

Синтяпина встала, подошла къ Форовой, опустила въ возлѣ нея на полъ, покрывъ половину комнаты волнами своего свѣтлаго ситца, и, обнявъ майоршу, нѣжно поцѣловала ее въ сѣдую голову.

— Катя, — сказала она: — ты сержишься понапрасну, и когда ты одумаешься, ты увидишь, что ты была очень неправа и предо мной, и предъ твоимъ мужемъ.

— Никогда я съ этимъ не соглашусь, — отвѣчала Форова: — никогда не стану такъ думать, я не стану такъ жить, чтобы молчать, видючи, какъ моихъ родныхъ... близкихъ людей мутятъ, путаютъ. Нѣтъ, никогда этого не будетъ; я не перестану говорить, я не замолчу; не стану по вашему хитрить, лукавить и отмалчиваться.

— Но стой же ты, пламень огненный, вѣдь ты же и не молчала, и вѣдь ты не молчишь, ты все говоришь Ларисѣ, а что изъ этого проку?

— Да и не молчу, и не молчу, а говорю!

— И ужъ рассорилась съ ней?

— Да, и рассорилась, и что же такое что рассорилась? И она не велика персона, чтобъ я ея боялась, да и съ меня отъ ея словъ позолота не слиняла: мы свои люди, родные, побравились да и только. Она меня выгнала изъ дома, ну и прекрасно: на что дура-тетка въ домъ, когда новые друзья есть?

— Ну, и что же изъ этого вышло хорошаго?

— Хорошаго? Ничего не вышло хорошаго, да и быть печему, потому что я только одна и говорю, всё потакаютъ, молчать. Что же дѣлать? Одинъ въ полъ не воинъ. Да; а ты вотъ молчишь... ты, которой поручала ее мать, которую покойница, можно сказать, клялась и божила въ послѣдніе дни, ты молчишь; Форовъ, этотъ ненавистный человекъ, который... все-таки ей по мнѣ приходится дядя, тоже молчитъ, да свои нигилистическія ращи разводитъ; пошъ Евангель, эта ваша кротость сердечная, который, по вашимъ словамъ, живой Бога узреть, съ которымъ Лара бывало обо всемъ говорить, и онъ теперь только и знаетъ, что бородой трясеть, да своими широкими рукавицами размахиваетъ; а этотъ... этотъ Андрей... ахъ, пропади онъ, не помянись мнѣ его ненавистное имя!..

— Боже, Боже, какъ ослабляетъ тебя гнѣвливость!

— Не говори! Не уговаривай меня и не говори, а то меня еще хуже злость разбираетъ. Вы бросили мою бѣдную дѣвочку, бросили ее на произволъ ея дѣвичьему разуму и отошли къ сторонкѣ, и любуются: дескать цанна хата съ краю, я ничего не знаю, иди себѣ, бѣдняжка, въ болото и заливайся.

Форова быстро сорвала съ колѣней мотокъ нитокъ, швырнула его отъ себя далеко прочь, въ уголъ и, закрывъ руками лицо, пачала тихо всхлипывать.

— Катя! перестань плакать, Бога ради, перестань!—начала успокоивать ее Синтянина, отводи ей руки и стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Нельзя мнѣ, Саша, перестать, нельзя, нельзя, потому что моя Лара... моя бѣдная дѣвочка... пропала! Моя бѣдная, бѣдная дѣвочка!

— Не преувеличивай; ничего худого съ Ларисой не стало, и время еще не ушло ее воротить.

— Нѣтъ, нѣтъ; я плачу не напрасно: сталося пѣхое и

скверное, да, да... я знаю, о чемъ я плачу,—отвѣчала Форова, торопливо обтирая рукой глаза.—Время, Саша, ушло, ушло золотое времечко, когда она была съ нами.

— Ну, и что же съ этимъ дѣлать? Ты, Катя, чудиха, право: вѣдь она дѣвушка, ужъ это такой народъ неблагодарный: какъ ихъ ни люби, а придетъ пора, онѣ не поцеремонятся и отшатнутся, но потомъ и опять вспомнить друзей.

— Да я дура, что ли, въ самомъ дѣлѣ, что я этого не понимаю? Пѣтъ, я плачу о томъ, что она точно искра въ солому, такъ и гляжу, что вспыхнетъ. Это все та, все та,—и Форова заколотила по ладони пальцемъ.—Это все оттого, что она предалась этой змѣѣ Бодростиныхъ... Эта подлая Глафирка никогда никого ни до чего добраго не доведетъ.

— Ахъ, Катя! Это даже неприятно! Ну, какъ тебѣ не стыдно такъ браниться!

— А что же мнѣ остается дѣлать, какъ не браниться? Вы вѣдь умныя, воспитанныя, и я не мѣшаю вамъ молчать, а я дура, и вы не мѣшайте мнѣ браниться!

— Ты въ самомъ дѣлѣ говоришь Богъ знаетъ чтò.

Форова обтерла глаза и, низко поклонясь, сказала смиреннымъ голосомъ:

— Да, я говорю Богъ знаетъ чтò, простите Христа ради меня, дуру, что я вамъ досаждаю. И вамъ скоро не стану болѣе докучать. И вижу, что я точно стала глупа, и я уйду отъ васъ.

И Катерина Астафьевна въ самомъ дѣлѣ встала, подняла изъ-подъ стула свой заброшенный мотокъ и начала его убирать.

— Куда же ты уйдешь?—спросила ее, улыбаясь, Синтиянина.

— Это мое дѣло: куда ни пойду, а ужъ мѣшать вамъ не стану; слава Богу, еще на свѣтѣ монастыри есть.

— Но ты замужемъ, тебя въ монастырь не примутъ.

— Я разводъ возьму.

Синтиянина разсмѣялась.

— Нечего, нечего потѣшаться! Нынче всѣмъ даютъ разводы, Саша: на себя грѣхъ взведу и разведусь.

— И тебѣ не стыдно нести такой вздоръ?

— Ну, такъ я безъ развода пойду на бѣдныя церкви собирать.

— Вотъ это другое дѣло!

— Да «другое». Нечего, печего тебѣ на меня смотрѣть да улыбаться.

— Я теперь вовсе не улыбаюсь.

— Это все равно: я вижу, что у тебя на душѣ, да Богъ съ тобой, я тебѣ очень благодарна, ты была ко мнѣ добра, но теперь ты совсѣмъ перемѣнилась. Богъ съ тобой, Саша, Богъ съ тобой!

— Неправда, Катя, неправда!

— Итъ, я все вижу, я все вижу. Я прежде для тебя не была глупа.

— Ты и теперь для меня не глупа. Кто тебѣ сказалъ, что ты глупа? Ты это сама себя сочинила.

— Да, я сама сочинила, я все сама себя сочиняю. Я сочинительница: «*Петербургскія Трущобы*» это я написала. И я тоже счастливая женщина; очень счастливая, какъ же не счастливая? Всѣ видятъ, что я поперекъ себя шире, это всѣ видятъ, а что дѣлается у меня въ сердцѣ, до этого никому дѣла нѣтъ.

— Да что тамъ дѣлается-то, въ твоёмъ сердцѣ? Этого даже не разобрать за твоимъ кипиченьемъ.

— А что дѣлается? Ты думаешь мнѣ легко, что я хожу да ругаюсь, какъ Гаврилка въ распивочной? Итъ, другъ мой, одинъ Богъ видитъ, какъ мнѣ самой это противно, но не могу: какъ вспомню, что это сдѣлалось, что Подозеровъ отказался, что она живетъ у Бодростиной, гдѣ этотъ воръ Гордановъ, и не могу удержаться. Помилуй и сама посуди: жили мы всѣ вмѣстѣ, были друзья-приятели; годы цѣлые прошли какъ мы иначе и не располагались, что Лариса будетъ за Подозеровымъ, и весь городъ объ этомъ говорилъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего разрывъ, и какой разрывъ: ни сѣло, ни нало и разошлись. Кто это сдѣлалъ? Какъ ты хочешь, а это не само же собой случилось: онъ ее любилъ безъ понятія и всѣ капризы ея зналъ, и самовольство, и все любилъ; всякій, кто его знаетъ, долженъ сказать, что онъ человѣкъ хорошій, она тоже... показывала къ нему расположеніе, и вдругъ поворотъ: она дома не живетъ, а все у Бодростиной; онъ прячется, запирается, говорить, уѣхать хотеть... Что же это такое?

— Ты говорила объ этомъ съ Ларисой?

— Обо всемъ въ подробности. Я ужъ взяла на себя та-

кое терпѣнье, одна въ домѣ недѣлю сидѣла и дождалась ся на минуту. Но что же съ нею говорить: она вся въ себя запернулась, а внутри какъ искра въ соломѣ, вотъ-вотъ да и вспыхнетъ. «Я уважаю, говорить, Подозерова, но замужю за него идти не хочу». Я съ лею сдѣнилась и говорю: какого же еще, какого тебѣ, царевна съ мѣсяцемъ подъ косою, мужа пужно? Вычитываю ей: онъ человѣкъ трудящій, трезвый, честный, образованный, права прекраснаго, благородный, всѣмъ нравится, а она вдругъ отвѣчаетъ, что она очень рада, что онъ всѣмъ нравится, и желаетъ ему счастья.

— Она сказала это искренно?

— Совершенно искренно, съ полнымъ спокойствіемъ и даже съ радостью объявила, что Андрей Ивановичъ самъ отъ нея отказался. Я просто этому сначала не повѣрила. Помилуй, что же это за скачки такіе? Я пошла къ нему, но онъ три дня запертъ какъ кикимора, и видѣть его нельзя; мужа посылала—нейдетъ, попъ—пейдетъ; тебя просила написать, ты не писала...

— Я написала, вотъ слушай, что я ему написала.

Синтиянина вынула изъ незаклееннаго конверта листокъ и прочитала:

«Уважаемый Андрей Ивановичъ! Вы не одинъ разъ говорили мнѣ, что вы дружески расположены ко мнѣ и даже меня уважаете; мнѣ всегда было пріятно этому вѣрить, тѣмъ болѣе, что я и сама шитаю къ вамъ и дружбу, и расположеніе, безъ этого я и не рѣшилась бы сказать вамъ того, что пишу вамъ во имя нашей испытанной дружбы. Меня удивляетъ ваше поведеніе по отношенію ко всѣмъ намъ, свикшимся съ мыслию, что мы друзья. Зачѣмъ вы насъ покинули, заключились подъ замокъ и избѣгаете встрѣчи съ нами, какъ съ злѣйшими своими врагами? Я васъ не понимаю. Я знаю, что вы переносите незаслуженныя непріятности; но развѣ это поводъ оскорблять людей искренно къ вамъ расположенныхъ? Говорятъ, что вы хотите совсѣмъ уйти отъ насъ? и слухи эти, повидимому, имѣютъ основаніе. Катерина Астафьевна Форова узнала, что вы продаете вашу мебель и вашу лошадку...»

— Нѣтъ; этого не пужно ему писать,—перебила Форова.

— Отчего же?

— Такъ; не нужно; я не хочу, чтобъ онъ зналъ, что я имъ интересуюсь: ѣдетъ, и пусть ему скатерью дорожка.

Александра Ивановна пожала плечами и, обмочивъ въ чернила перо, тщательно зачеркнула все, что касалось Форовой, и затѣмъ продолжала:

«Если непріятности, выходящія здѣсь на вашу долю, такъ велики, или если вы такъ слабы, что не можете долѣе переносить ихъ, то, конечно, все, что мы можемъ сказать, это: дай Богъ вамъ лучшаго. Мое мнѣніе таково, что нѣтъ на свѣтѣ обитаемаго уголка, гдѣ бы не было людей, умбющихъ и желающихъ досаждать ближнему, и потому я думаю, что въ этомъ отношеніи всѣ перемѣны не стоятъ хлопотъ, но всякій чувствуетъ и переноситъ досаду и горести по-своему, и оттого въ подобныхъ дѣлахъ никто никому не указчикъ. Одно, чего въ правѣ желать отъ васъ и что можете себѣ позволить высказать вамъ ваша дружба, это, чтобы вы не огорчали ее сомнѣніями. Прошу васъ прекратить свое заключеніе и пріѣхать ко мнѣ на хуторъ, гдѣ наша тинь постарается успокоить ваши расхолодившіеся нервы, а наша скромность, конечно, не станетъ укорять васъ за отчужденіе отъ любящихъ васъ людей. Я васъ жду, потому что у меня есть дѣло, по которому и непремѣнно должна поговорить съ вами».

— Хорошо?—спросила Синянина, докончивъ чтеніе.

— Прескверно.

— Отчего?

— Да что же тутъ написано?—ничего. Ты его еще и ублакаешь.

— А ты хочешь, чтобъ я его бранила въ письмѣ? Ну, извини меня, милая Катя, я этого не сдѣлаю.

— И этого и ожидала: я знаю, что онъ тебѣ дороже...

Синянина слегка смутилась, но тотчасъ поправилась и отвѣчала:

— Да: ты отгадала: я не раздѣляю къ нему твоихъ нынѣшнихъ чувствъ, я его... считаю достойнымъ... полного уваженія.

— И любви.

— Да; и любви. Я сейчасъ посылаю это письмо,—посылаю его при тебѣ безъ всякихъ добавокъ, и увѣрена, что не пройдетъ двухъ часовъ, какъ Подозеровъ пріѣдетъ, и я буду говорить съ нимъ обо всемъ, и получу на все отвѣты, самые удовлетворительные.

Съ этимъ Александра Ивановна подошла къ окну и, толкнувъ рукой закрытую ставню, произнесла:

— Ба! вотъ скорризить: онъ здѣсь.

— Кто? гдѣ?

— Подозеровъ! И посмотри ты на него, какъ онъ, бѣд-
пяга, измучень и блѣдень!

Форова подошла и стала молча за плечомъ хозяйки. Подозеровъ сидѣлъ на земляной насыпи погребѣ и, держа въ лѣвой рукѣ своей худую и блѣдную ручку глухонѣмой Вѣры, правую быстро говорилъ съ ней глухонѣмою азбукой. Онъ спрашивалъ Вѣру, какъ она живетъ и что дѣлала въ то время, какъ они не видались.

— Вы учились?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала грустно дѣвочка, глядя на него глазами, полными мучительной тоски.

— Отчего?

— Меня оставила память.

Подозеровъ крѣпко сжалъ блѣдную ручку ребенка и, поцѣловавъ ее, остался наклоненнымъ къ нѣжной головкѣ Вѣры.

— Какъ онъ постарѣлъ,—шепнула Форова.

— Ужасно, просто ужасно,—отвѣчала Синтинина и громко назвала гостя по имени.

Подозеровъ поднималъ голову и улыбнулся. На блѣдно-желтомъ лицѣ его лежала печать тяжелаго страданія, только-что осиленаго мучительною борьбой.

— Придѣнься немножко здѣсь, а я выйду къ нему туда, и мы пройдемъ въ осинникъ,—проговорила Синтинина, выходя и пряча въ карманъ ненужное теперь письмо.

Форова быстрымъ движеніемъ остановила ее у двери и съ глазами, полными слезъ, заботливо ее перекрестила.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчала Синтинина:—я обо всемъ переговорю.

Форова прижалась горячими губами къ ея щекѣ и прошептала:

— Онъ мнѣ ужасно жалокъ, Сана.

— Всѣ жалки, другъ мой, всѣ, кто живетъ живою душой: такъ суждено;—и съ этими словами Синтинина вышла на крыльцо и привѣтливо протянула обѣ руки Подозерову.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Женскій умъ послѣ многихъ думъ.

Прошло болѣе часа. Александра Ивановна, сидя съ Подозеровымъ вдвоемъ въ своемъ осиновомъ лѣсочкѣ, вела большіе дружескіе переговоры. Она начала съ гостемъ безъ большихъ прелюдій и тономъ дружбы и участія, довольно прямо спросила его, что за слухи носятя, будто онъ оставяеть городъ.

— Это совершенная правда, — отвѣчалъ Подозеровъ.

— Можно спросить, что же этому за причина?

— Причинъ, Александра Ивановна, цѣлая область и, пожалуй, нѣтъ ни одной: это зависить отъ того, какъ кто захочеть смотрѣть на дѣло.

— А вы какъ на него смотрите?

— Я? я просто усталъ.

— Отъ борьбы?

— Нѣтъ, скорѣе отъ муки. Мучился, мучился и усталъ.

— Это, значить, что называется: не справился?

— Какъ хотите называйте: нельзя противъ рожна прать.

— Вы въ самомъ дѣлѣ имѣете очень измученный видъ.

— Да; я не особенно хорошо себя чувствую.

Синтянина вздохнула.

— Я знаю только ваши служебныя столкновенія съ губернаторомъ, съ Бодростинымъ, — начала она послѣ паузы: — и болѣе не вижу предъ вами никакихъ рожковъ, отъ которыхъ бы надо бѣжать. Служба безъ неприятностей никому не обходится, на это ужъ надо быть готовымъ, и честный человѣкъ, если онъ будетъ себя выдерживать, въ концѣ-концовъ, всегда выиграеть; а въ васъ, я вижу, нѣтъ совсѣмъ выдержки, цѣности нѣтъ!

— Какъ во всѣхъ русскихъ людяхъ.

— Не во всѣхъ: люди дурныхъ намѣреній въ наше время очень цѣпки и выдержанны, а вотъ добрые люди, какъ вы, у насъ на наше горе кипятятся и даютъ всякой дряни перевѣсъ надъ собою.

— Это правда.

— Такъ надо исправиться, а не сдаваться безъ боя. Я женщина, но я, признаюсь вамъ, такой уступчивости не понимаю. Вы человѣкъ умный, честный, сердечный, чуткій, но вы фантазеръ. Не нужно забывать, что свѣтъ не

нами начался, не нами и кончится: il faut prendre le monde comme il est.

— Повѣрьте, я, можетъ-быть, меньше всѣхъ на свѣтѣ думаю о передѣлкѣ міра. Скажу вамъ болѣе: мнѣ такъ опостыѣли всѣ эти направленія и настроенія, что я не вспоминаю о нихъ иначе, какъ съ омерзѣніемъ.

— Вѣрю.

— У меня нѣтъ никакихъ пристрастій и я не рабъ никакихъ партій: я уважаю и люблю всѣхъ искреннихъ и честныхъ людей на свѣтѣ, лишь бы они желали счастья ближнимъ и вѣрили въ то, о чемъ говорятъ.

— Знаю; но вы виноваты не предъ міромъ, а прежде всѣхъ предъ самимъ собою и предъ близкими вамъ людьми. Вы сами съ собою очень перемудрили.

Подозеровъ наморщилъ брови.

— Позвольте,—сказалъ онъ:—«самъ предъ собою»—это ничего, но «предъ близкими вамъ людьми...» Предъ кѣмъ же я виноватъ? Это меня очень интересуетъ.

— Я удовлетворяю ваше любопытство; наиримѣръ, здѣсь, у меня, мой другъ, Катерина Астафьевна, вы предъ ней виноваты.

— Я, предъ Катериной Астафьевной?

— Да; она на васъ рветъ и мечетъ.

— Я это знаю.

— Знаете?

— Да; мы съ ней недавно встрѣтились, она мнѣ не хотѣла поклониться и отвернулась.

— Да; она уже такая неумная; а между тѣмъ она васъ очень любитъ.

— Она очень добра ко всѣмъ.

— Нѣтъ; она васъ любитъ больше, чѣмъ другихъ, и знаете, за что и почему?

— Не знаю.

— Ну, такъ я вамъ скажу: потому что она любитъ Ларису.

Произнеся эту фразу, Сиптянина потупилась и покраснѣла.

Подозеровъ молчалъ.

Прошла минутная пауза, и Сиптянина, разбиравшая въ это время рукой оборки своего платья, вскинула, наконецъ, свои большіе глаза и проговорила ровнымъ, спокойнымъ тономъ:

— Андрей Ивановичъ, что вы любите Ларису, это для насъ съ Катей, разумѣется, давно не тайна, на то мы женщины, чтобы разумѣть эти вещи; что ваши намѣренія и желанія честны, и въ этомъ тоже, зная васъ, усомниться невозможно.

— Не сомнѣвайтесь, пожалуйста,—уронилъ Подозеровъ, сбивая щелчками пыль съ своей фуражки.

— Но вы вели себя по отношенію къ любимой вами дѣвушкѣ очень не хорошо.

— Чѣмъ, напримѣръ, Александра Ивановна?

— А хоть бы тѣмъ, Андрей Ивановичъ, что вы очень долго медлили.

— Я медлил потому, что хотѣлъ удостовѣриться: раздѣляютъ ли хоть мало мою склонность.

— Да; извините меня, я васъ буду допрашивать немножко, какъ слѣдователь.

— Сдѣлайте милость.

— Но не скрою отъ васъ, что дѣлаю это для того, чтобы потомъ, убѣдясь въ правотѣ вашей, стать горячимъ вашимъ адвокатомъ. Дѣло зашло такъ далеко, что близкимъ людямъ молчать долѣе нельзя: всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ какое-нибудь право вмѣшиваться, пора вмѣшаться.

— Итъ, Бога ради, не надо!—вскрикнулъ, вскочивъ на ноги, Подозеровъ. — Это все уже ушло, и не надо этого трогать.

— Вы ошибаетесь,—отвѣтила, сажая его рукой на прежнее мѣсто, Сиптигина: — вы говорите: «не надо», думая только о себѣ, но мы имѣемъ въ виду и другую мучающуюся душу, съ которою и я, и Катя связаны больною и долгою привязанностію. Не будьте же эгоистомъ и дозвольте намъ наши заботы.

Подозеровъ молчалъ.

— Лариса вѣдь не счастливице васъ; если вы хотите бѣжать куда глаза глядятъ, то она тоже бѣжить нивѣсть куда, и вы за это отвѣчаете.

— Я! я за это отвѣчаю?

— А непременно! Конечно, отвѣчаете не суду человеческому, но суду Божию и суду своей совѣсти. Вы дѣлами сѣи не такъ давно предложеніе?

— Да, дѣлалъ.

— Значитъ, вы убѣдились, что она раздѣляетъ вашу склонность?

— М... м... не знаю, что вамъ отвѣтить... мнѣ такъ казалось.

— Да, и вы не ошиблись: Лариса, конечно, отличала и отличаетъ васъ, какъ прекраснаго человѣка, вниманіе котораго дѣлаетъ женщинѣ и честь, и удовольствіе; но что же она вамъ отвѣтила на ваши слова?

— Она сначала хотѣла подумать,—проговорилъ, подавляя вздохъ, Подозеровъ.

— Не припомните ли, когда именно это было?

— Очень помню: это было за день до внезапнаго пріѣзда сего брата и Горданова.

— И Горданова,—это такъ; но что же она вамъ сказала, подумавъ?

— Потомъ, подумавъ, она сказала мнѣ... что она готова отдать мнѣ свою руку, но...

— Но что такое *но*?

— Но что она чувствуетъ, или, какъ это вамъ выразить?... что она не чувствуетъ въ себѣ того, что она хотѣла бы или, лучше сказать, что она считала бы нужнымъ чувствовать, давая человѣку такое согласіе.

Генеральша подумала, сдвинувъ брови, и проговорила:

— Что же это такое ей надо было чувствовать?

— Дѣло очень просто: она меня не любитъ.

— Вы можете и ошибаться.

— Только не на этомъ случаѣ.

— Ну, такъ я повторяю вамъ и даже ручаюсь, что здѣсь возможна большая ошибка, и во всемъ томъ, что случилось, виноваты вы, и вы же виноваты будете, если впередъ случится что-нибудь нежеланное. Вы что ей отвѣтили при этомъ разговорѣ?

— Я тоже просилъ времени подумать.

Синтиина разсмѣялась.

— Да пельзи же было, Александра Ивановна, ничего шного сказать на такой отвѣтъ, какой она дала мнѣ.

— Конечно, конечно! Онъ «сказалъ», «она сказала», и все на разговорахъ и кончили. Что такое въ этихъ случаяхъ значать слова? Слова, остроумно кѣмъ-то сказано, даны затѣмъ, чтобы скрывать за ними то, что мы думаемъ,

и женскія слова таковы бываютъ по преимуществу. Добейтесь *чувств* женщины, а не ея словъ.

— Добиться?.. Миѣ, признаюсь, это слово и не нравится.

— Да, да; добиться, настойчиво добиться. Добиваетесь же вы почестей, вліянія, а женщина одна всего этого стоитъ. Такъ добивайтесь ея.

— Я вѣрю въ одни свободныя, а не внушенныя чувства.

— А я вамъ по секрету сообщу, что это никуда не годится. Если каждый случай требуетъ своей логики отъ человѣка, то тѣмъ болѣе каждый живой человѣкъ требуетъ, чтобъ относились къ нему, какъ именно *къ нему* слѣдуетъ относиться, а не какъ ко всѣмъ на свѣтѣ. Простите, пожалуйста, что я, женщина, позволяю себѣ читать такія наставленія. Вы умнѣ меня, образованнѣ меня, конечно, ужъ безъ сравненія меня ученѣ и вы, наконецъ, мужчина, а я поначительница умственныхъ преимуществъ вашего пола, но есть дѣла, которыя мы, женщины, разбираемъ гораздо васъ терпѣливѣе и тоньше: дѣла сердца по нашему департаменту.

— Пожалуйста, говорите не стѣсняясь, я васъ внимательно слушаю.

— Очень вамъ благодарна за терпѣніе; я вамъ, кромѣ добра, ничего не желаю.

Подозеровъ протянулъ свою руку и пожалъ руку генеральши.

— Позвольте сказать вамъ, что вы много виноваты предъ Ларой своими необыкновенными къ ней отношеніями: я разумѣю: необыкновенно благоразумными, такими благоразумными, что бѣдная дѣвушка, по милости ихъ, свертѣлась и не знаетъ, что ей дѣлать. Вы задались необыкновенно высокою задачей—довести себя до неслыханнаго благодѣянія.

— То-есть, до возможнаго.

— Да; вся ваша жизнь, проходившая здѣсь, на нашихъ глазахъ, была какое-то штудированье себя. Скажите: что до всего этого молодой дѣвушкѣ? Что же вы дѣлали для того, чтобъ обратить къ себѣ ея сердце? Ничего!

— Вы правы... Я, кажется, ничего не дѣлалъ.

— Кажется! Нѣтъ, Андрей Ивановичъ, это не кажется, а вы действительно ничего не дѣлали того, что должны

бы были дѣлать. Вы были всегда безукоризненно честны, но за это только почитаютъ; всегда были очень умны, но... женщины учителей не любятъ, и... кто развиваетъ женщину, тотъ работаетъ на другихъ, тотъ готовить ее другому; вы, наконецъ, не скрывали, или плохо скрывали, что вы живете и дышите однимъ созерцаніемъ ея, дѣйствительно, очаровательной красоты, ея загадочной, какъ Катя Форова говоритъ, *роковой* природы; вы, кажется, восторгались ея безпрерывными порывами и тревогами, но...

Тотъ сердце женщинъ знаетъ плохо,
Тотъ вовсе ихъ не могъ понять,
Кто лишь мольбой и силой вздоха
Старался чувства имъ внушать.

До побѣжденныхъ женщинъ нѣтъ дѣла! Видите, какая я предательница для женщинъ; я вамъ напоминаю то, о чемъ должна бы стараться заставить васъ позабыть, потому что Байронъ этими словами, дѣйствительно, говоритъ ужасную правду, и даетъ совѣты противъ женщинъ:

Не рабствуй женщинѣ!
Умѣй сдержатъ порывы ласки,
Подъ виѣшнимъ льдомъ наружной маски,
Умѣй въ ней чувства разбудить
Тогда она начнетъ любить!

— Это все учить хитрости, а я ее ненавижу и не хочу.

— Это учить житейскому такту, Андрей Ивановичъ. Вы такъ мило бонтесь хитрости и рветесь къ прямогѣ... Да кто, какая честная душа не хотѣла бы летѣть къ своимъ цѣлямъ прямо какъ стрѣла? Но на каждомъ шагу есть свое *но*, и стрѣлѣ приходится дѣлать зигзаги, чтобы не воткнуться въ дерево. Кто говоритъ противъ того, что съ полною искренностію жить лучше, но надо знать, съ кѣмъ можно такъ жить и съ кѣмъ нѣтъ? Скажу примѣромъ: если бы дѣло было между мною и вами, какъ бы вамъ смѣло сказала о моихъ чувствахъ, какъ бы они ни были глубоки; но я сказала бы это вамъ потому, что въ васъ есть великодушіе и прямая честь, потому что вы не употребили бы потомъ мою искренность въ орудіе противъ меня, чтобы щеголять властью, которую дало вамъ мое сердце; но съ другимъ человекомъ, на примѣръ съ Иосафомъ Платоновичемъ, я никогда бы не была такъ прямодушна, какъ бы я его ни любила.

— Вы бы даже кокетничали?

— Если бы любила его и хотѣла удержать? Непремѣнно! Я бы ему дала столько, сколько онъ можетъ взять для своего счастья, и не ввела бы его въ искушеніе промотать остальное.

— Такъ и я долженъ былъ поступать?

— Такъ и вы должны были поступать, и это было бы полезно не для одного вашего, но и для ея счастья.

— Но это мнѣ не было бы легко.

— И очень, на томъ и ловятся мужчины—хорошіе: негодни гораздо умнѣй, тѣ владѣютъ собой гораздо лучше. Вы позволяете мнѣ васъ дружески спросить въ заключеніе нашей долгой бесѣды: вы знаете ли Ларису?

— Мнѣ кажется.

— Вы ошибаетесь: вы ее любите, но не знаете, и не смущайтесь этимъ: вы въ этомъ случаѣ далеко не исключеніе, большая часть людей любить, не зная, за что любить, и это слава Богу, потому что если начать разбирать, то поистинѣ некого было бы и любить.

— Сдѣлайте исключеніе хоть для героя или для поэта.

— Богъ съ ними—ни для кого; къ тому же, я терять не могу поэтовъ и героев: первые очень прозаичны, докучаютъ самолюбіемъ и во всемъ помнятъ однихъ себя, а вторые... они совсѣмъ не для женщинъ.

— Вы, однакоже, не самолюбивы.

— Напротивъ: я безмѣрно самолюбива, но я прозаична; я люблю тишь и согласіе, и въ нихъ моя поэзія. Что мнѣ въ поэтѣ, который приходитъ домой брюзжать да дуться, или на что мнѣ годенъ герой, которому я нужна какъ забава, который черпаетъ силу въ своихъ, мнѣ чуждыхъ, бореніяхъ? Нѣтъ,—добавила она: — нѣтъ; я простая, мирная женщина; дома немножко деспотка: я не хочу удивлять, но только уже если ты, милый другъ мой, если ты выбралъ меня, потому что я тебѣ нужна, потому что тебѣ не благо одному безъ меня, такъ (Александра Ивановна, улыбаясь, показала къ своимъ ногамъ), такъ ты вотъ пожалуй сюда; вотъ здѣсь нищи поэзію и силы, у меня, а не гдѣ-нибудь и не въ чемъ-нибудь другомъ, и тогда у насъ будетъ поэзія безъ поэта и героизмъ безъ Александра Македонскаго.

Подозревать молча смотрѣлъ во все глаза на свою собеседницу и лицо его выражало: «ого, вот ты какая!»

— Вы меня такой никогда себя не представляли? — спросила Сивтянина.

— Да; но вѣдь слова, по-вашему, даны за тѣмъ, чтобы скрывать за ними чувства.

— Нѣтъ; я серьезно, серьезно, Андрей Ивановичъ, такова.

— Вы утверждаете, что за достоинства нельзя любить?

— Нѣтъ, можно, но это рискованно и непрочное.

— *Pour rien* вѣрнѣй?

— О, несравненно! Въ достоинствахъ можно ошибиться; притомъ, — добавила она вздохнувъ: — одинъ всегда достоинѣе другого, найдуть сравненія и выводы, а это смерть любви; тогда какъ тотъ или та, которые любимы просто потому, что ихъ любить, они ничего ужъ не потеряютъ ни отъ какихъ сравненій.

— Итакъ...

— Итакъ, перебила его, весело глядя, генеральша: — мы любимъ *pour rien*, и должны добиваться того, что намъ мило.

— А если оно перестанетъ быть мило?

Сивтянина зорко посмотрѣла ему въ глаза и отвѣчала:

— Тогда не добиваться; но чѣмъ же будетъ жизнь полна? Нѣтъ, милое, ужъ какъ хотите, будетъ мило.

— Тогда любить... что совершеннѣе, что выше, и любить, какъ любить совершенство.

— Только?

— Да.

— Такъ дайте мнѣ такого героя, который бы умѣлъ любить такую любовью.

— Не вѣрите?

— Нѣтъ, вѣрю, но такой герой, быть-можетъ, только... тотъ... кто лучше всѣхъ мужчинъ.

— Да, то есть женщина?

Александра Ивановна кивнула молча головой.

— Итакъ, программа въ томъ: любить *pour rien* и попросту, что называется, держать человека въ рукахъ?

— Непремѣнно! Да вѣдь вы и сами не знаете, къ чему вамъ всемъ ваша «постылая свобода», какъ называть ее Онѣгинъ? Взять въ руки это вовсе не значитъ убить свободу дѣйствій въ мужчинѣ, или подавить ее капризами.

Взять въ руки просто значитъ *прирѣчь* человека, значитъ дать ему у себя дома силу, какой онъ не можетъ найти нигдѣ за домомъ: это иго, которое благо, и бремя, которое легко. На это есть тысячи пріемовъ, тысячи способовъ, и ихъ на словахъ не перечесть и не передать, — это дѣло практики, — докончила она и, засмѣявшись, сжала свои руки на колыняхъ и заключила: — вотъ, если бы вы попали въ эти сжатые руки, такъ я бы давно заставила васъ позабыть всѣ ваши муки и сомнѣнія, съ которыми съ одними очень легко съ ума сойти.

Подозеровъ всталъ и, бросивъ на землю свою фуражку, воскликнулъ:

— О, умоляю васъ, позвольте же мнѣ за одно это доброе желаніе ваше поцѣловать ваши руки, которые хотѣли бы снять съ меня муки.

Подозеровъ нагнулся и съ чувствомъ поцѣловать обѣ руки Александры Ивановны. Она едѣлала было движеніе, чтобы поцѣловать его въ голову, но тотчасъ отпрянула и выпрямилась. Предъ нею стояла блѣдная Вѣра и положила обѣ свои руки на голову Подозерова, крѣпко прижала его лицо къ колынямъ мачехи и вдругъ тихо перекрестила, закрыла ладонью глаза и засмѣялась.

Александра Ивановна нѣжно прижала падчерицу къ плечу и жарко поцѣловала ее въ обѣ щеки. Она была немножко смущена этою шалостью Вѣры, и яркій румянецъ игралъ на ея свѣжихъ щекахъ. Подозеровъ въ первый разъ видѣлъ ее такою оживленною и молодою, какой она была теперь, словно въ свои восемнадцать лѣтъ.

— Такъ какъ же? — спросила она, не глядя на него, расправляя кудри Вѣры. — Такъ вы побѣждены?

— Да, я немножко разбитъ.

— Вы согласны, что вы дѣйствовали до сихъ поръ непрактично.

— Согласенъ; но иначе дѣйствовать не буду.

— Такъ вы наказаны за это: вы непременно женитесь на Ларѣ.

— Я!

— Да; вы обвѣнчаетесь съ Ларисой.

— Помилуйте! какими же судьбами?

— Женскими! Вы будете ея мужемъ по ея желанію, если только вы этого хотите.

Подозеровъ промолчалъ.

— Держите же себя, какъ я говорила, и я васъ поздравлю съ самою хорошенькою женой.

Съ этимъ Александра Ивановна встала, оправдала платье и воскликнула:

— А вотъ и Катя идетъ сюда! Послунай, брагчливое созданье,—отнеслась она къ подходившей Форовой.—Я беру Андрея Ивановича въ нашъ заговоръ противъ Ларисы. Ты разрѣшаешь?

— Разумѣется.

— Но я беру съ условіемъ, чтобъ онъ спряталъ на-время свои чувства въ карманъ.

— Ну да, ну да!—утвердила Форова.—Ни слова ей... А я пришла вамъ сказать, что мнѣ изъ окна показалось, будто рубежомъ ѣдутъ два тюльбюри: это, конечно, Бодростина съ компаніей и наша Лариса Платоновна съ ними

— Не можетъ быть!

Но въ это время послышался трескъ колесъ, и два легкихъ экипажа промелькнули за каналой и частоколомъ.

— Они!—воскликнула Форова.

— Какова наглость! — тихо, закусивъ губу, проронила Синтянина и сейчасъ же добавила: — а впрочемъ, это прекрасно,—и пошла навстрѣчу гостямъ.

Форова тотчасъ же быстро повернулась къ Подозерову и, взявъ его за обѣ руки, торопливо проговорила:

— А ты, Андрей Ивановичъ, на меня, сдѣлай милость, не сердись.

— Нѣтъ, я не сержусь, — отвѣчалъ, не глядя на нее, Подозеровъ.

— Скажи мнѣ: домъ Ларисинъ уже заложенъ?

— И деньги даже взяты нынче.

— Ахъ, Боже мой! И кто же ихъ получалъ?

— Конечно, братъ владѣлицы.

— Разбойникъ!

— Ужъ это какъ хотите?

— На что же, на что все это сдѣлано? зачѣмъ заложень домъ?

— Да думаю, что просто Иосафу деньги нужны.

— На что-жь, голубчикъ, нужны?

— Ну, я въ эти соображенія не входилъ.

— Не входилъ! Гм! очень глупо дѣлалъ. А сколько выдано?

— Темного менѣе пяти тысячъ.

— Господи! и если домъ за это пропадетъ? Вѣдь это послѣднее, Андриюша, послѣднее, что у нея есть.

— Что же дѣлать? Да что вы все о деньгахъ: оставьте это. Ужъ не поправишь ничего. Это все ужасно опротивѣло.

— Ахъ, опротивѣло! Не рада, кажется, и жизни, все это видя.

— Ну такъ скажите мнѣ о чемъ-нибудь другомъ.

— О чемъ?

— О чемъ хотите,—хоть объ Александрѣ Ивановичѣ.

— О Санѣ? да что о ней... Она святая!—отвѣчала, махнувъ рукой, Форова.

— Какъ она могла выйти такъ странно замужъ?

— Мой милый другъ, не надобно про это говорить,— это большая тайна...

— Однако вы ее знаете?

— Догадываюсь, но не знаю.

— Она несчастлива?

— Была несчастлива превыше всякихъ словъ... А вонъ и гости жалуютъ. Пойду навстрѣчу. Прону же тебя, пожалуйста, веселое лицо и чтобы не очнись съ нею... Не стѣбитъ она ничьей жалости!..

Подозеровъ не тронулся съ мѣста и, стоя у дерева со сложенными руками, думалъ: «какое ненавистное, тупое состояніе! Я ничего, ровно ничего не чувствую, хотя не хотѣлъ бы быть въ такомъ состояніи за десять часовъ до смерти. Между тѣмъ въ этой глупости чувствую въ себѣ... какой-то переломъ... словомъ, какое-то нѣчто отпадаетъ предъ готовой могилой... Какая разница въ ощущеніяхъ, вносимыхъ въ душу этими двумя женщинами? Какой сладкій покой льетъ въ душу ея трезвое, отъ сердца сказанное слово. Да! я радъ, что я пріѣхалъ къ ней проститься предъ смертью, потому... что иначе... не знаю о комъ бы вздохнулъ я завтра, умирая.»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Положеніе дѣлъ, объясняющее, почему Подозеровъ заговорилъ о близкой смерти.

Крѣпкая броня Горданова оказалась недостаточно прочною: ее пробилъ красота Ларисы. Эта дѣвушка, съ ея чарующею и характерною красотой, обличавшею чрезвычайно

много и, можетъ-быть, невластно дать ничего, понравилась Горданову до того, что онъ не могъ скрыть этого отъ зоркихъ глазъ и тонкаго женскаго чутья. Бодростина видѣла это яснѣе всѣхъ; она видѣла, какъ дѣйствуетъ на Горданова красота Лары. Это было немножко больше того, чѣмъ хотѣла Глафира Васильевна. Читатели благоволятъ вспомнить, что Бодростина не только развѣшила Горданову волочить за Ларисой, но что это входило въ данную ему программу, даже болѣе—ему прямо вмѣнилось въ обязанность соблазнить эту дѣвушку, или Синтянину, или, еще лучше, обѣихъ вмѣстѣ. Последнее, впрочемъ, было сказано Бодростиной, вѣроятно, лишь для красоты слога, потому что она сама не вѣрила ни въ какія силы соблазна по отношенію къ молодой генеральницѣ. О какомъ-нибудь не только серьезномъ успѣхѣ, но о самомъ легонькомъ волокитствѣ за Синтяниной не могло быть и рѣчи. Гордановъ видѣлъ это и рѣшилъ въ первый же день пріѣзда, въ домѣ Висленевыхъ, тогда же сказавъ себѣ: «ну, объ этой нечего и думать!»

Иосафа онъ шути подтравливалъ, говоря: прозѣвалъ любчикъ, просвѣтала жену рѣдкую, ужъ эта бы роговъ не прилипла.

— А Богъ еще знаетъ,—отвѣчалъ Висленевъ.

— Не велика штука это знать, когда это всякому видно, у кого чердакъ не совсѣмъ пустъ.

— Она, однако, бойкая...

— Ну, это, милый, ничего не значить, бойкія-то у насъ часто бываютъ крѣпче тихонь. А только, впрочемъ, она тебѣ бы не годилась, она тебя непременно въ рукахъ бы держала, и даже по оброку бы не пустила, а заставила бы тебя вмѣсто революцій-то юбки кроить.

— Ну, ты наскажешь: ужъ и юбки кроить.

— Да, а что же ты думаешь, да, ей-Богу, заставить. По я, знаешь, все-таки теперь на твоемъ мѣстѣ маленько бы пошаталися: какъ она отзовется? Право, съ этого Гибралтара хоть одинъ камушекъ оторвать, и то, чортъ возьми, лестно.

— Нимало мнѣ это не лестно,—отвѣчалъ Висленевъ.

— Ну, какъ же, — рассказывая ты: «нимало». Врешь, другъ мой, лестно и очень лестно, а ты трусишь на Гибралтары-то ходить, тебѣ бы что полегче, вотъ въ чемъ

дѣло! Приступить къ ней не умѣешь и боишься, а не то что нимало не лестно. Вотъ она на балѣ-то скоро будетъ у губернатора: ты у нея хоть цвѣточекъ, хоть бантикъ, хоть какой-нибудь трофейчикъ вырази, да покажи мнѣ, и я тогда повѣрю, что ты не трусъ, и даже скажу, что ты мальчикъ не безъ опасности для ибжнаго пола.

— И что же: ты думаешь не выйрощу?

— Ну, да вырази!

— И выйрощу.

Взявшись за это дѣло, Висленевъ сильно былъ имъ озабоченъ: онъ не хотѣлъ ударить себя лицомъ въ грязь, а между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ день губернаторскаго бала приближался, Юсафа Платоновича все болѣе и болѣе покидала рѣшимость.

— Чортъ знаетъ, что она отвѣтитъ? — думалъ. — А ну, какъ расхохочется?.. Вишь она стала какая находчивая и острая! Да и не вижу я ея почти совсѣмъ, а если говорить когда приходится, такъ все о пустякахъ... Точно чужіе совсѣмъ...

А балъ все приближался и наконецъ наступилъ. Вотъ освѣщенный залъ, толпа гостей, и генеральня входитъ подъ руку съ мужемъ. Ея платье убрано букетами изъ васильковъ.

— Василекъ,—шепчетъ Гордановъ на ухо Висленеву:—и за мной пара шампанскаго.

— Непремѣнно, — отвѣчаетъ Висленевъ и, выросивъ у Александры Ивановны третью кадрилъ, тихонько, робко и неловко спустилъ руку къ юбкѣ ея платья и началъ отщипывать цвѣтокъ. Александра Ивановна, слава Богу, не слышитъ, она даже подозвала къ себѣ мужа и шепчетъ ему что-то на ухо. Тотъ уходитъ. Но проклятая проволока искусственнаго цвѣтка крѣпка неимоверно. Висленевъ уже безъ церемоніи теревитъ его на-удалую, по нѣтъ... Между тѣмъ генераль возвращаетъ къ женѣ, и скоро надо опять начинать фигуру, а цвѣтокъ все не поддается.

— Позвольте я вамъ помогу,—говоритъ ему въ эту роковую минуту Александра Ивановна и, взявъ изъ рукъ мужа тайкомъ принесенныя имъ ножницы, отрѣзала съ боку своей юбки большой букетъ и ловко приколола его къ фраку смущеннаго Висленева, межъ тѣмъ какъ генераль подъ самый носъ ему говоритъ:

— Не забудь этого, мой свѣтъ!

Висленевъ не зная, какъ онъ дотанцовалъ кадрили съ мотавшимся у него на груди букетомъ, и даже не поѣхалъ домой, а ночевалъ у Горданова, который напоилъ его, по общанію, шампанскимъ и, помирая со смѣху, говорилъ:

— А все-таки ты молодецъ! Сказалъ: «выпрону» и вѣдъ просилъ.

Это несчастье Висленева чуть съ ума не свело, но уже зато съ тѣхъ поръ о побѣдахъ надъ Александрой Ивановной они даже и въ шутку не шутили, а Висленевъ никогда не произносилъ ея имени, а называлъ свою прежнюю любовь просто: «эта проклятая баба».

Лариса же была иная статья: ея неровный, неясный и неопредѣлившийся характеръ, ея недовольство всѣмъ и вѣрно опредѣленная Форовымъ дѣтская порывчивость то въ пустышки, то въ гусары, давали Бодростиной основанія допускать, что ловкій, умный, расчетливый и безсердечный Гордановъ могъ тутъ педаромъ поработать. Притомъ же Бодростина, если не знала сердца Ларисы больше, чѣмъ знаемъ мы до сего времени, то отлично знала ея голову и характеръ, и называла ее «пустышкой». Но тутъ опять была задача: по малосодержательности Ларисы, замаскированной отъ наблюдателей ея многоговорящею красотой, Бодростина сама не знала, какой бы планъ можно было порекомендовать Горданову для обхожденія съ нею съ большимъ успѣхомъ. Одному плану мѣшала гордость Ларисы, другому— ея непредвидимые капризы, третьему — ея иногда быстрый сообразительность и непреклонность ея рѣшеній. Но Бодростина надѣялась, что Гордановъ самъ найдетъ дорогу къ сердцу Ларисы, и вдругъ ей показалось, что она ошиблась: Гордановъ сталъ и стоялъ упрямъ на одномъ мѣстѣ. Красота Ларисы очеломила его; хмель обаянія туманилъ его голову, но не лишилъ ея силы надъ страстью. Онъ подходилъ расчетливо, вематривался, соображалъ и только нервно содрогался при видѣ Ларисы. Бодростиной даже мелькнуло въ умѣ: не зашло бы дѣло до свадьбы! Ларису оберегали двѣ женщины: Синтянина и Форова, изъ которыхъ каждую обмануть трудно. Но Гордановъ не могъ жениться: Бодростина знала, что ему былъ одинъ путь къ спасенію: устроить ея обезпеченное вдовство и жениться на ней. Гордановъ и самъ дѣйствительно такъ думалъ и держалъ этотъ

планъ на первомъ мѣстѣ, но это была его ошибка: Бодростина и въ помысленіи не имѣла быть когда-нибудь его женой. Она хотѣла отблагодарить его, когда будетъ свободна, и потомъ распорядиться своею дальнѣйшею судьбой, не стѣсняясь никакими обязанностями въ прошломъ. Бодростина отдыхала на другой сладкой мечтѣ, которая невѣдомо когда и какъ вперилась въ ея голову: она хотѣла быть женой человѣка, повидимому, самаго ей неподходящаго. Она мечтала о мужѣ, вполне добромъ и честномъ: она мечтала, какъ бы ей было приятно осчастливить такого человѣка, скрывъ и забывъ прошлое. Въ натурѣ Глафиры Васильевны была своего рода честность: она была бы честна и даже великодушна, если бы видѣла себя самовластною царицей; но она интриговала бы и боролась, и честно и безчестно, со всѣми, если бы царственная власть ей не была полною и независимою въ ея рукахъ. «Страстямъ поработивъ души своей достоинства», она была безсильна, когда страсть диктовала ей безчестныя мысли, но она не любила зла для зла: она только не пренебрегала имъ какъ орудіемъ, и не могла остановиться. Прошлое ея ей самой представлялось чрезмѣрною, непростительною глушостью, изъ которой она выдѣляла только свое замужество. Тутъ она немножко одобряла свои дѣйствія, но все затѣмъ происходившее опять, въ собственныхъ ея глазахъ, было рядомъ ошибокъ, жертвой страстямъ и увлеченіямъ. Продолжительное пассивное ожиданіе послѣднихъ лѣтъ было, положимъ, сообразно положенію дѣла, но оно было не въ характерѣ Глафиры, живомъ и предприимчивомъ, и притомъ оно до сихъ поръ ни къ чему не привело и даже грозило ей бѣдой: Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ болѣе не вѣрилъ ей, и новымъ его распоряженіемъ она лишалась мужниного имѣнія въ полномъ его составѣ, а наследовала одну только свою законную вдовью часть. Этого Глафира Васильевна не могла перенести. Она опять призвала весь свой умъ и рѣшилась испровергнуть такое посягательство на ея благосостояніе. Съ этою цѣлю, какъ мы помнимъ, былъ вызванъ изъ Петербурга Гордановъ, дѣла котораго тоже въ это время находились въ положеніи отчаяніемъ. Глафира Васильевна знала, что Павелъ Николаевичъ человѣкъ коварный и трусъ, но трусъ, который такъ дальновидно расчетливъ, что обдумаетъ все и пойдетъ на все, а ея планъ былъ столько же простъ, сколько

отчаянъ. Онъ заключался въ томъ, чтобъ уничтожить новое завѣщаніе, лишившее ее полнаго наслѣдованія имѣній мужа, и затѣмъ не дать Бодростину времени оставить много завѣщанія, кромѣ того, которымъ онъ въ первую минуту старческаго увлеченія, за обладаніе свѣжею красотой ловкой Глафиры, отдалъ ей все. Гордановъ былъ человѣкъ, которому не нужно было много рассказывать, что ему нужно дѣлать. У Глафиры тоже вся партитура была расписана; обстоятельства имъ помогали. Мы видѣли, какъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ взялъ и увезъ къ себѣ съ поля смоченнаго дождемъ Висленева. Глафирѣ Васильевичъ не стоило никакого труда завертѣть эту верченую голову; она безъ труда забрала въ свои руки его волю, въ чужихъ рукахъ побывалую. Она обласкала Жозефа, сдѣлалась жаркою его сторонницей, говорила съ нимъ же самымъ о его честности, которая будто бы устояла противъ всѣхъ искушеній и будто бы не шла ни на какіе компромиссы. Красивая и хотя уже не очень молодая, но побѣдоносная женщина эта говорила съ Висленевымъ такимъ сладкимъ языкомъ, отъ котораго этотъ бѣднякъ, терпѣвшійся въ петербургскомъ пертепѣ сорока разбойниковъ, давно отвыкъ и словно обрѣлъ потерянный рай. Висленевъ ожилъ. Бодростинъ его тоже ласкалъ. Въ ихъ домѣ Юсафъ Платоновичъ пріютился, какъ въ тихой каюткѣ во время всеобщаго штурма, а штурмъ, большой штурмъ заходилъ вокругъ. Едва Висленевъ сталъ, по легкомысленности своей, забывать о своемъ оброчномъ положеніи и о другихъ своихъ петербургскихъ обязательствахъ, какъ его ударила новая волна: гордановскій портфель, который Висленевъ не могъ представить своему другу иначе какъ съ извѣстнымъ намъ надрѣзомъ. Это была тоже очень тяжелая минута въ жизни Юсафа Платоновича, минута, которую онъ тщетно старался облегчить всякимъ лебезеньемъ и вызовомъ пополнить все, если хоть капля изъ цѣнностей, хранившихся въ портфель, пропала.

Гордановъ только засмѣялся и, отбросивъ въ сторону портфель, сказалъ Висленеву:

— Молодецъ мальчикъ, и впередъ такъ старайся.

— Что же, ты думаешь, можетъ-быть, что это я?..

— Ничего я не думаю, — сухо отвѣчалъ Гордановъ, ст-ходя и запирая портфель въ комодъ.

— Нѣтъ, если ты что подозрѣваешь, такъ ты лучше скажи. Вѣдь я тебѣ говорилъ, я говорилъ тебѣ...

— Что такое ты мнѣ говорилъ? Я всего говореннаго тобою въ памятную книжку не записываю.

— Я говорилъ тебѣ въ ту ночь, или въ тотъ вечеръ: возьми, Паша, отъ меня свой портфель! А ты не взялъ. Зачѣмъ ты его не взялъ? Я вѣдь былъ тогда съ дороги, уставши, какъ и ты, и потомъ...

— Продолжайте, Юсафъ Платоновичъ.

— Потомъ я не знаю образа жизни сестры.

Гордановъ обернулся, посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ.

— Чортъ его знаетъ, кто это могъ сдѣлать?—продолжать, оправдываясь, Висленевъ.—Мнѣ кажется, я утромъ видѣлъ платье въ саду... Не сестрино, а чье-то другое, зеленое платье. Портфель лежалъ на столѣ у самаго окна, и я производилъ дознаніе...

— Ну, такъ и поди же ты къ чорту со своимъ дознаніемъ! Ты готовъ сказать, что твоей сестрѣ кто-нибудь дѣлаетъ почные визиты.

— Неправда, я этого не скажу.

— Неправда?.. Полно другъ, я тебя знаю и, отдавая тебѣ портфель, хотѣлъ нарочно еще разъ поиспытать тебя: можно ли на тебя хоть въ чемъ-нибудь положиться?

— И что же—ни въ чемъ?

— Рѣшительно ни въ чемъ.

— Ну, послѣ этого, Павелъ Николаевичъ...

— Намъ съ вами остается раскланяться?

— Да, предварительно расчитавшись, разумѣется. Не безпокойся, я мои долги всегда помню и плачу. Я во время моихъ нуждъ забралъ у тебя до девятисотъ рублей.

— Не помню, не считалъ.

— Что-жъ, ты развѣ думаешь что больше?

— Я говорю тебѣ: не помню, не считалъ.

— Ну, такъ я тебя увѣряю, что всего девятьсотъ, у меня каждый грошъ записанъ, и вотъ тебѣ расписка.

Висленевъ схватилъ перо, оторвалъ полулистъ бумаги и написалъ расписку въ тысячу восемьсотъ рублей.

— Это зачѣмъ же вдвое? — спросилъ Гордановъ, когда тотъ приподнесъ ему листокъ.

— Да такъ ужъ и бери, пожалуйста, я не знаю, когда я тебѣ отдамъ...

— Полно, милый другъ! Гдѣ тебѣ отдавать?

— Павелъ Николаевичъ, не говори этого. Я безчестнаго дѣла сдѣлать не хочу, я нишу вдвое, потому что... такъ писалъ, такъ и привыкъ; но я отдамъ тебѣ все, что перехватилъ.

— Перехватилъ! — засмѣялся Гордановъ.

— Да, перехватилъ и еще перехвачу и разочтусь.

— Нѣтъ, ужъ негдѣ тебѣ, братъ, перехватывать, всѣ перехваты пересохли.

— Негдѣ! Онибаснешься, я у сестры перехвачу и вывернусь.

Гордановъ снова разсмѣялся и проговорилъ:

— Ты бы себѣ и фамилію у кого-нибудь перехватилъ. Тебѣ такъ бы и зваться не Висленевъ, а Перехватасевъ.

— А вотъ увидишь ты: перехвачу.

— Перехвати, съ моей стороны препятствій не будетъ, а ужъ самъ я тебѣ не дамъ болѣе ни одного гроша, — и Гордановъ взялъ шляпу и собирался выйти. — Ну выходи, любезный другъ, — сказалъ онъ Висленеву: — а то тебя рисковано оставить.

— Папа!

Гордановъ засмѣялся.

— Тебѣ не грѣхъ меня такъ обижать?

— Да пропади ты совсѣмъ съ грѣхами и со спасеньемъ мнѣ некогда. Идемъ. Сестра твоя дома?

— Да, кажется, дома.

— Надѣюсь, она про эту гадость не знаетъ?

— Не знаетъ, не знаетъ!

— Очень радъ за нее.

— Она тебѣ нравится?

— Да, она не тебѣ чета. Сестра красавица, а братъ...

— Ну врешь, я недурень.

— Недурень, да типъ у тебя совсѣмъ не тотъ; ты совсѣмъ японецъ.

— А вѣдь, братъ, любили насъ, и очень любили!

— Да, я самъ тебя люблю: гдѣ же еще такого шута найдешь.

— И ты на меня не сердись?

— Нимало, нимало. Чего на тебя сердиться: ты невмѣняемъ.

— Ну, и миръ.

— Миръ,—отвѣчалъ Гордановъ, дѣшнво подавая ему руку и въ то же время отдавая пустыя распоряженія остающемсяя слугѣ.

Висленевъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ такимъ исходомъ дѣла и тотчасъ же направился къ Бодростинымъ, съ рѣшимостью пріютиться у нихъ еще плотнѣе; но онъ хотѣлъ превзойти себя въ благородствѣ и усиливался славить Горданова и въ струнахъ, и въ органѣ, и въ гласѣхъ, и въ восклицаніяхъ. Заставъ Глафиру Васильевну за ея утреннимъ кофе, онъ сейчасъ же началъ осуществлять свои намѣренія и заговорилъ о Гордановѣ, хваля его умъ, находчивость, таланты и даже честность. Бодростина насунула брови и возразила. Висленевъ спорилъ жарко и фразисто. Въ это время въ будуаръ жены вошелъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ. Разговоръ было на минуту прервался, но Висленевъ постарался возобновить его и отнесся къ старику съ вопросомъ о его мнѣніи.

— Я объ этомъ человекѣ имѣлъ множество различныхъ мнѣній,—отвѣчалъ Бодростинъ, играя своею золотою табакеркой: — теперь не хочу высказать о немъ никакого мнѣнія.

— Но вотъ Глафира Васильевна отрицаетъ въ немъ честность. Можно ли такъ жестоко?

— Что же, можетъ-быть, она о немъ что-нибудь больше знаетъ съ вами знаетъ,—сказалъ Бодростинъ.

Глафира Васильевна не шевельнула волоскомъ и продолжала сосать своими полными коралловыми губами смоченный сливками кусочекъ сахара, который держала между двумя пальцами по локоть обнаженной руки.

— А я говорю то,—продолжалъ Михаилъ Андреевичъ: — что я только не желалъ бы дожить до того времени, когда женщины будутъ судьями.

— Вы до этого и не доживете,—весело отвѣчала своимъ густымъ контральтомъ Глафира.

— Право! У женщины какой судь? сдѣлалъ разъ человекъ что-нибудь нехорошее, и уже это ему никогда не позабудутъ, или опять, согрѣши разъ праведникъ,—не помнятся всѣ его правды.

— Гордановъ и праведники... это оригинально!—восклик-

пула Глафира Васильевна и, расхохотавшись, вышла въ другую комнату.

— А я столкнулся сейчас съ Гордановымъ у губернатора,—продолжалъ Бодростинъ, не обращая вниманія на выходъ жены:—и знаете, я не люблю руководиться чужими мнѣніями, и я самъ Горданова бранилъ и бранилъ жестоко, но какъ вы хотите, у этого человѣка еще очень много сердца.

— И ума, онъ очень уменъ,—поддержалъ Висленевъ.

— Объ умѣ ужъ ни слова: какъ онъ, каналья, третируетъ нашихъ дворянъ и особенно нашего вице-губернаторишку, это просто слушаешь и не слушаешься. Заговорилъ онъ намъ о своихъ намѣреніяхъ насчетъ ремесленной школы, которую хочетъ устроить въ своемъ имѣніишкѣ. Дѣлалъ мысль. Знаете, это человѣкъ-съ, который не химеры, да направленія показывается.

— Да; онъ очень уменъ!

— Кромѣ того говорю и о сердцѣ. Мы съ нимъ вѣдь старые знакомые и между нами были кое-какіе счеты. Что же вы думаете? Вѣдь онъ въ глаза мнѣ не могъ взглянуть. А когда губернаторъ рекомендовалъ ему обратиться ко мнѣ, какъ предводителю, и рассказать затрудненія, которыя онъ встрѣтилъ въ столкновенияхъ съ Подозеровымъ, такъ онъ-съ не зналъ, какъ со мной заговорить!

— И вы его великодушно ободрили?—спросила снова вошедшая Глафира Васильевна.

— Да, представьте, ободрить, — продолжалъ Бодростинъ.—Подозеровъ честный, честный человѣкъ, но онъ въ самомъ дѣлѣ какой-то малякъ. Я его всегда уважалъ, но я ему всегда твердилъ: перестаньте вы, Бога ради, настраиваться этими газетными подуськиваніями. Что за болѣзненная мысль такая, что все крестьянъ обижаютъ. Вздоръ! А между тѣмъ, задавшись такими мыслями, въ самомъ дѣлѣ станешь видѣть невѣдомо что, и вотъ оно такъ и вышло. Гордановъ хлопочетъ о школѣ для самихъ же крестьянъ, а тотъ противодѣйствуетъ. Потомъ агитаторъ этотъ вашъ Форовъ является и съ нимъ пошъ Евангелъ, и возмущаютъ крестьянъ... Вѣдь это-съ... вѣдь это же потерпимо! Я сейчасъ заѣхалъ къ Подозерову и говорю: мой милый другъ, *vous êtes entièrement hors du chemin*, и что же-съ?—кончилось тѣмъ, что мы съ нимъ совѣмъ разошлись?

— Вы разошлись съ Подозеровымъ?—воскликнулъ, не скрывая своей радости, Висленевъ.

— Даже жалю, что я съ нимъ когда-нибудь сходилъ. Этотъ человекъ спокоенъ и скроменъ только по вѣнности; бросьте искру, онъ и дымить и пламенѣть: готовъ на укорины цѣлому обществу, зачѣмъ принимаютъ того, зачѣмъ не такъ ласкаютъ другого. Позвольте же, наконецъ, милостивый государь, всякому самому про себя знать, кого ему какъ принимать въ своемъ домѣ! Всѣ люди грѣшны и я самъ грѣшенъ, такъ и меня не будутъ принимать. Да это надо инквизицію послѣ этого установить! Общество должно направлять людей, а не отлучать ихъ.

— О, вы совершенно правы, — поддержать Висленевъ, натягивая на руку перчатку.

— По крайней мѣрѣ я никого не отлучаю отъ общенія съ людьми, и знаю, что человекъ не вѣчно коснѣетъ въ своихъ порокахъ, и для каждаго настаетъ своя минута исправиться.

— Михаилъ Андреевичъ, вы божественно говорите, — воскликнулъ Висленевъ и началъ прощаться. Его немножко удерживали, но онъ сказалъ, что ему необходимо нужно, и улетѣлъ домой, засталъ тамъ Горданова съ сестрой, которая была какъ-то смѣшана, и тутъ же рассказаль новости объ обращеніи Бодростина на сторону Павла Николаевича.

Межь тѣмъ Глафира Васильевна тотчасъ же, по выходѣ Висленева, спросила мужа:

— И неужто это дойдетъ до того, что Гордановъ снова будетъ принятъ у насъ въ домѣ?

— Да; я полагаю, — отвѣчалъ Бодростинъ. — Опъ имѣетъ во мнѣ нужду, да и самъ интересуется меня своею предпримчивостью. Развѣ ты не хочешь, чтобъ онъ былъ принятъ?

— Мнѣ все равно.

— О чемъ же и говорить! Мнѣ тоже все равно, — произнесъ онъ и, взявъ Глафиру за обнаженный локоть, добавилъ: — я совершенно обезпеченъ: за моей женой столько ухаживателей, что они другъ за другомъ смотрятъ лучше всякихъ аргузовъ.

— Что же вы этимъ хотите сказать?—спросила Глафира,

по Бодростингъ, вмѣсто отвѣта, поцѣловаль нѣсколько разъ краю ея руку и проговорилъ:

— Какая у васъ сегодня свѣжая и ароматная кожа. А впрочемъ, чортъ возьми! — добавилъ онъ, взглянувъ на часы: — *j'ai plusieurs visites à faire!*

Съ этимъ онъ повернулся и вышелъ, часто скрипя своими сіяющими сапожками,

«Ароматная кожа!» подумала Глафира, прислонясь устами къ своей собственной рукѣ. И предъ ней вдругъ пронеслась вся ея прошлая жизнь. Въ дѣтствѣ ее любили и ридили; въ юности выставили какъ куколку; Гордановъ нуждался въ ея красотѣ; ею хотѣли орудовать, какъ красавицей! Вышла замужъ она черезъ красоту; по своей винѣ пренебрежена какъ человѣкъ, но еще и теперь цѣнима въ мѣру своей красоты. И между тѣмъ никто никогда не оставался на душѣ ея, никто не полюбилъ ее за ея сердце, не сказалъ ей, что онъ ей вѣряется, что онъ ей вѣритъ и хочетъ слиться съ нею не въ одномъ узкомъ объемѣ чувственной любви!

Бодростина насупилась, и въ большихъ глазахъ ея сверкнула досада и презрѣніе.

— Неужто же такъ будетъ вѣчно? Нѣтъ, еще одно послѣднее сказанье, и я начну новую лѣтопись. Я хочу и я буду любима!

Между тѣмъ Гордановъ въ ожиданіи дѣла съ Бодростинной сдѣлалъ для себя очень важныя открытія въ Ларисѣ. Онъ изучилъ и понялъ ее основательно, и результаты его изученія были ясные результатовъ долгихъ размышленій о ней Форовой, Синяниной и Бодростинной. У Горданова Лариса выходила ни умна, ни глупа, но это была, по его точному выводу, прекрасная «собака и ея тѣнь». Вся суть ея характера заключалась въ томъ, что все то, что ей принадлежитъ, ей не нужно. Гордановъ такъ рѣшилъ и не ошибся. Теперь надо было дѣйствовать сообразно этому опредѣленію. Онъ ходилъ къ Ларисѣ въ домъ, но, повидимому, вовсе не для нея; онъ говорилъ съ нею мало, небрежно и неохотно. Онъ видѣлъ ея разрывъ съ Подозеровымъ, предъ которымъ Гордановъ постоянно обнаруживалъ къ Ларисѣ полнѣйшее невниманіе, и не уставалъ хвалить достоинства Андрея Ивановича. Это дѣйствовало прекрасно: Лариса едва преодолевала зѣвоту при имени Подозерова.

Городская сплетня между тѣмъ утверждала, что Лариса не идетъ за Подозерова, что ему не везетъ, что онъ въ отставку, а залита она Гордановымъ, но ей тоже не везетъ, потому что Гордановъ не удостоиваетъ ее вниманія, а занять, кажется, красивою купчихой Волдевановой, въ домѣ которой Гордановъ дѣйствительно бывалъ недаромъ и не скрываетъ этого, умышленно пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ. Горданову, съ его понятіями о Ларисѣ, нужно было совсѣмъ не то, что думала Бодростина, онъ не билъ на то, чтобы поиграть Ларисой и бросить ее. Онъ, правда, смотрѣлъ на нее, какъ на прекрасный и пухлый ему комфортъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ, чтобъ эта прекрасная, красивая дѣвушка принадлежала ему на самомъ нерушимомъ крѣпостномъ правѣ, противъ котораго она никогда не смѣла бы и подумать возмутиться. Но что же могло ему дать такое право? Бракъ; но бракъ не сдержитъ такихъ какъ Лариса; да и къ тому же онъ не могъ жениться на Ларисѣ: у него на плечахъ было большое дѣло Бодростиной, которую надо было сдѣлать богатою вдовой и жениться на ней, чтобы самому быть богатымъ; но Ларису надо было закрѣпить за собой, потому что она очень ему нравится и нужна для полного комфорта.

— Съ точки зрѣнія дураковъ—это вздоръ, но съ моей точки это не вздоръ,—размышлялъ Гордановъ:—женщина, которая мнѣ нравится, должна быть моею, потому что безъ этого мнѣ не будетъ хорошо. Но мнѣ нужна и одна, и другая, я гонюсь за двумя зайцами и, по глупой пословицѣ, я долженъ не поймать ни одного. Но это вздоръ!

И у Павла Николаевича созрѣлъ планъ, по которому онъ смѣло надѣялся закрѣпить за собою Ларису еще крѣпче, чѣмъ Глафиру Васильевну, и былъ вполне увѣренъ, что ни Бодростина и никто на свѣтѣ этого плана не проникнуть.

Такимъ образомъ у него предпріятіе нагромождалось на предпріятіе, и духъ его кипѣлъ и волновался. Надо было помирить петербургскіе долги; упрочить здѣсь за собою репутацію человѣка, крайце интереснаго и страннаго; добыть большія деньги, сжівя со свѣта Бодростина и женившись на его вдовѣ, и закабалить себѣ Ларису такъ, чтобъ она была ему до гроба крѣпка, крѣпче всякихъ законныхъ узъ. Всею этого онъ надѣялся достигнуть безъ риска и опасностей. На долги онъ выслалъ проценты и

былъ увѣренъ, что Киншискій и его разсчетливая подруга не станутъ на него налегать въ виду заявившейся для него возможности поправиться и расплатиться; губернское общество онъ уже успѣлъ собою заинтересовать безъ малѣйшаго труда и даже самъ нерѣдко дивовался своему успѣху. Еще недавно ненавидѣвшій его втайнѣ Рошнинъ позвалъ его на именинный вечеръ, гдѣ былъ весь сокъ губернской молодежи, и Гордановъ, войдя, едва бивнулъ всѣмъ головой, и тотчасъ же, отведя на два шага въ сторону хозяина, сказалъ ему почти вслухъ: «однакоже какая сволочь у васъ, мой милый Рошнинъ!». Хозяинъ сконфузился, гости присмирѣли; потомъ выходка эта съ хохотомъ была разнесена по городу. Добыть большія деньги Гордановъ давно зналъ какимъ образомъ: дѣло это стояло за сорока тысячами, которыя нужны были для расчета съ долгами и начала миллионной операціи; надо было только освободить отъ мужа Бодростину и жениться на ней, но изъ этихъ двухъ дѣлъ послѣднее несомнѣнно устраивалось само собою, какъ только устроилось бы первое. Гордановъ въ этомъ былъ увѣренъ. Бодростина говорила правду, что у него была своя каторжная совѣсть: у него даже былъ свой каторжный *point d'honneur*, не позволявшій ему сомнѣваться въ существованіи такой совѣсти въ Глафирѣ Васильевнѣ, женщиnѣ умной, когорую онъ, какъ ему казалось, зналъ въ совершенствѣ. Затѣмъ оставалось прикрѣпить къ себѣ Ларису. Это дѣло было не легкое: жениться на Ларисѣ, повторимъ еще разъ, Гордановъ не думалъ, а любовницей его она не могла быть по своему гордому характеру. Онъ очень просто и ясно предвидѣлъ съ ея стороны такую логику: если онъ меня любитъ — пусть на мнѣ женится; если же не хочетъ жениться, значитъ не любитъ. Притомъ же около Ларисы стояли Синятинны, Форова, Подозеровъ; всѣ эти люди не могли благопріятствовать планамъ Горданова. Еще онъ могъ, можетъ - быть, увлечь Ларису, но рисковалъ не удержать ее надолго въ своей власти. Могла настать минута разочарованія, а Гордановъ былъ дальнзорокъ; онъ хотѣлъ, чтобы Лариса была неотделима отъ него нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не исключая даже тѣхъ, при которыхъ законъ освобождаетъ жену отъ слѣдованія за мужемъ. Но понятно, что всѣ эти сложные планы требовали времени, и Горда-

повь, сдѣлавшись снова вхожь въ домъ Бодростинныхъ, въ удобную минуту сказалъ Глафирѣ, что онъ не истратилъ одной минуты даромъ, но что при всемъ этомъ ему еще нужно много времени.

— Не торопи меня, — говорилъ онъ ей: — дай мнѣ годъ времени, годъ — не вѣкъ, и я тебѣ за то ручаюсь, что къ концу этого года ты будешь и свободна, и богата.

— Но завѣщаніе написано!

— Оставь ты эти письмена.

Глафира Васильевна сама знала, что нужно время, нужно оно было не для нея, а для Павла Николаевича, который хотѣлъ дѣйствовать осторожно и, раздувъ огонь, собрать жаръ чужими руками. На это и былъ здѣсь Висленевъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Михайлъ Андреевичъ Бодростинъ, разсорясь съ Подозеровымъ, ввелъ къ себѣ снова въ домъ Горданова и, плѣнясь его умомъ, его предпріимчивостью и сообразительностью, вдругъ задумалъ ѣхать въ Москву и оттуда въ Петербургъ, чтобъ уладить кое-что по земству и вступить въ большіи компанейскія торговыя дѣла, къ которымъ его тянуло и которыхъ такъ опасалась Глафира Васильевна. При этомъ кстати Бодростинъ везъ въ Москву и духовное завѣщаніе, съ тѣмъ чтобы положить его на храненіе въ опекунскій совѣтъ. Бодростину сопутствовали въ его поѣздѣ: его наслѣдникъ племянникъ, уланъ Владиміръ Кюлевейнъ и секретарь Рошнинъ. День отъѣзда былъ назначенъ. Молодой, рослый камердинеръ Михайла Андреевича и два лакея укладывали чемоданы и пессеры. Рошнинъ вмѣстѣ съ самимъ Бодростинымъ собиралъ въ кабинетѣ дорожный портфель. Дѣло было послѣ обѣда предъ вечернимъ чаемъ: осталось провести дома послѣдній прощальный вечеръ и завтра ѣхать.

— Подай мнѣ завѣщаніе! — спросилъ, сидя за столомъ, Бодростинъ у стоявшаго съ другой стороны стола Рошнина.

Секретарь порылся и поднесъ листъ, написанный красивымъ французскимъ почеркомъ Михайла Андреевича.

Бодростинъ пробѣжалъ нѣсколько строкъ этого документа, взглянулъ на свидѣтельскія подписи Подозерова и Рошнина и сказалъ:

— Не худо бы сюда еще одну подпись священника.

— Какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ Рошнинъ.

— Но, впрочемъ, кажется, довольно по закону и двухъ.

— Совершенно довольно, и, вдобавокъ, завѣщаніе писано вашею собственною рукой и, вѣроятно, самими вами будетъ подано на храненіе?

— А разумѣется самимъ.

— Въ такомъ случаѣ оно болѣе чѣмъ гарантировано отъ всякихъ осмариваній.

— Ты правъ, нечего тутъ вмѣшивать поповъ: еще все разблаговѣстять. Ты вѣдь, конечно, никому ни звука не подалъ.

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться, — отвѣчалъ краснѣя Рощинъ.

— Я, братъ, всемъ вѣрю и во всехъ сомнѣваюсь.

— Я не знаю, какъ господинъ Подозеровъ, — началъ было Рощинъ, но Бодростинъ перебилъ его:

— Ну, въ Подозеровъ-то я не сомнѣваюсь.

Рощинъ еще покраснѣлъ, такъ что багрець пробилъ сквозь его жиденькіе, тщательно причесанныя чухонскіе бакенбарды, но Бодростинъ, укладывавшій въ это время бумагу въ конвертъ, не замѣтилъ его краски.

— Надписи, — сказалъ онъ секретарю, и, продиктовавъ ему надпись, велѣлъ запечатать конвертъ гербовою печатью и уложить въ портфель.

Позже вечеромъ Бодростина не было дома: онъ былъ у губернатора, потомъ у Горданова и вернулся за полночь. Глафира Васильевна безъ него въ сумерки приняла только Висленева, но рано сказалась больною и рано ушла къ себѣ на половину. Дѣла ея съ Висленевымъ шли вяло. Иосафъ Платоновичъ сдѣлался ея адъютантомъ, но только разводилъ ей рацеи о женщинѣ, о женскихъ правахъ и т. п. Гордановъ, наблюдавшій все это, находилъ, что вокругъ удалой Бодростиной какъ-будто становилось старо и вяло, но врядъ ли онъ въ этомъ не ошибался. По крайней мѣрѣ, если бы Гордановъ видѣлъ Глафиру Васильевну въ сумерки того дня, когда Бодростинъ запечаталъ свое завѣщаніе, онъ не сказалъ бы, что около нея стало старо. Она была вся оживлена: черныя брови ея то поднимались, то опускались, взоръ то шурился и угасалъ, то быстро сверкалъ и пронизывалъ; античныя ея руки горѣли и щипали въ лепестки мягкую цемахинскую кисть отъ пояса распашного капота изъ букетной матеріи азіатскаго рисунка.

Въ организмѣ ея было какое-то лихорадочное безпокойство, и потому, несмотря на едва замѣтную свѣжесть лѣтняго вечера, въ кабинетѣ ея были опущены густые суконные занавѣсы, и въ каминѣ пылала бѣловатымъ огнемъ сухія березовыя дрова.

Глафира Васильевна помѣщалась полусидя на низкомъ мягкомъ табуретѣ и умиралась въ бѣлый мраморный откосъ камина погой, обутой въ простую, но изящную туфлю изъ алаго сафьяна.

Онъ ей былъ не лишній: она въ самомъ дѣлѣ зѣбла; но вдругъ чуть только всколыхнулась дверная портьера и вошедшая дѣвушка произнесла: «Генрихъ Ивановичъ», Бодростина сейчасъ же вскочила, велѣла просить того, о комъ было доложено, и пошла по комнатѣ, высоко поднимая голову, со взглядомъ ободряющей и смущающей ласки.

Въ портьерѣ показался секретарь Ропининъ: бѣдный и блѣдный, пестерный и неблазный молодой человекъ, предки котораго, происходя отъ ревельскихъ чухонъ, наирашивались въ пѣмецкіе бароны, но ко дню рожденія этого Генриха не приготовили ему ничего, кромѣ имени Ропинюль, которое онъ самъ перемѣнилъ на Ропининъ, чтобы не походить на чухонца. Онъ былъ воспитанъ пристойно и съ удовольствіемъ несъ свои секретарскія обязанности при Бодростинѣ, который его отыскалъ гдѣ-то въ петербургской завали, и въ угоду одной изъ сердобольныхъ дамъ, не знавшихъ, куда пристроить этого бѣлобрысаго юношу, взялъ его къ себѣ въ секретари.

Очутившись въ этомъ старомъ, богатомъ и барскомъ домѣ, Ропининъ немедленно всталъ въ силки, которые стояли здѣсь по всѣмъ угламъ и закоулкамъ. У Глафиры Васильевны была своя партія и свои агенты повсюду: въ конторѣ, въ оранжереяхъ, въ новарскихъ, на застольной и въ прачечной. Глафира Васильевна не пренебрегала ни сплетней, ни доносомъ. Ропининъ, въ качествѣ лица, поставленнаго однимъ рангомъ выше камердинера и дворецкаго, тоже былъ взятъ на барынину сторону, и онъ самъ вначалѣ едва зналъ, какъ это случилось, но потомъ... потомъ, когда онъ увидалъ себя на ея сторонѣ, онъ проникся благоговѣннымъ восторгомъ къ Глафирѣ Васильевнѣ: онъ началъ тунить взоры при встрѣчѣ съ нею, краснѣть,

конфузиться и худѣть. Глафира Васильевна не пренебрегала и этимъ: мальчикъ могъ быть полезенъ, и ему быть брошенъ крючокъ. Годъ тому назадъ этотъ двадцатидвухлѣтній молодой человекъ впервые вошелъ въ кабинетъ Глафиры для передачи какого-то незначащаго порученія ея мужа. Въ кабинетѣ на ту пору сидѣли Лариса Васильевна и генеральша Сиптянина. Юноша пришелъ въ смущеніе при видѣ трехъ красивыхъ женщинъ: онъ замялся, сталъ говорить, ничего не выговорилъ, поперхнулся, чихнулъ, и его маленькій галстучекъ *papillon* сорвался съ пуговицы и улетѣлъ въ невѣдомыя страны. У Рошшина задрожали колѣна и павернулись слезы. Сиптяниной и Ларисѣ стало и смѣшно, и жалко, но Глафирѣ Васильевнѣ это дало поводъ бросить крючокъ. Она, секунду не думая, оторвала одинъ изъ багетиковъ своего капота и, подавая его Рошшину, сказала: «прекрасно! съ этихъ поръ вы за это будете мой цвѣтъ!»

Юноша поцѣловалъ ея руку и вылетѣлъ бомбой, зацѣпившись за нѣсколько стульевъ...

По прошествіи десяти мѣсяцевъ, Рошшинъ доставилъ Глафирѣ Васильевнѣ коню съ завѣщанія Бодростина, вѣрнѣе его скромности, и былъ награжденъ за это прикосновеніемъ блага пальца Глафиры Васильевны къ его подбородку.

Теперь онъ предсталъ къ ней съ другимъ докладомъ.

Онъ вошелъ, поклонился и застѣнчиво пролепеталъ банальную, французскую привѣтственную фразу. Она окинула его бровью, ласково улыбнулась и, взявъ его за руку, подвела къ стулу.

— Садитесь, Генрихъ,—сказала она, выпуская его руку и проходя далѣе по ковру своею развалистою походкой.— Что новаго у насъ?

— Михаилъ Андреевичъ везетъ завѣщаніе въ Москву.

— Да-а?

— Онъ запечаталъ его въ конвертъ и сдалъ мнѣ.

— Вамъ? какъ это мило съ его стороны.

Рошшинъ всталъ и хотѣлъ раскланяться.

— Куда же вы?—остановила его Бодростина.

— Я все сказалъ вамъ,—отвѣчалъ Рошшинъ и отозвался, что у него много дѣлъ.

— Ахъ, полноте, пожалуйте, съ вашими дѣлами: всѣхъ

дѣлъ вовѣкъ не передѣланы. Скажите лучше мнѣ: вы можете меня удостовѣрить, что эта бумага дѣйствительно приготовлена и везется въ Москву?

— О, къ сожалѣнію, ничего нѣтъ легче: она со мной, въ моемъ портфелѣ. Вы, можетъ-быть, желали бы ее видѣть... я нарочно взялъ съ собою.

— Да; я даже прошу васъ объ этомъ.

Ропшинъ вышелъ и, являсь черезъ минуту, засталъ Глафиру Васильевну снова предъ каминомъ: ее опять, кажется, знобило, и она грѣлась въ той же позѣ и на томъ же табуретѣ, на которомъ сидѣла до прихода Ропшина.

— Вы нездоровы? — робко спросилъ молодой человѣкъ, кинувъ на нее влюбленный, участливый взглядъ.

— Немножко забну.

— Вечеръ свѣжъ, — отвѣчалъ секретарь, доставая конвертъ изъ портфеля.

— Oui; le feu est un bon compagnon ce soir, — уронила она, зѣвая.

Глафира Васильевна взяла конвертъ, внимательно прочла надпись и замѣтила, что она никогда не знала, какъ подобные документы подписываются.

— Вотъ тамъ, на столѣ, есть карандашъ, — прошу васъ, снимите мнѣ эту надпись.

Ропшинъ всталъ и хотѣлъ взять конвертъ.

— Нѣтъ, вы пишете, я продиктую вамъ, — сказала Бодростина, и когда секретарь взялъ карандашъ и бумагу, Глафира Васильевна прочтала ему надпись и затѣмъ бросила конвертъ въ огонь и, вставъ, заслонила собою пылающій каминъ.

Ропшинъ остолбенѣлъ, но потомъ быстро бросился къ ней, но былъ остановленъ тихимъ, таинственнымъ «т-съ», между тѣмъ какъ въ то же самое время правая рука ея схватила его за руку, а бѣлый мизинецъ лѣвой руки во всю свою длину легъ на его испуганныя уста.

— Вы не употребите же противъ меня силы, да и это теперь было бы бесполезно, вы видите, конвертъ сгорѣлъ. Берите скорѣе точно такой другой и дѣлайте на немъ ту же надпись. Онѣ должны быть похожи какъ двѣ капли воды.

— Что же я положу въ другой конвертъ?

— Вы положите въ него... листъ чистой бумаги.

— Великій Боже!

— Не ужасайтесь, бываютъ дѣла гораздо страшнѣе, и ихъ люди безтрепетно дѣлаютъ для женщины и за женщиной,—это, надѣюсь, еще далеко не тотъ кубокъ, который пили юноша, царь и пастухъ въ замкѣ Тамары.

— Вы можете еще шутить!

— Нимало, вамъ не грозитъ никакая опасность! что бы ми случилось, вы можете отвѣчать, что это ошибка и только.

— Я потеряю мое мѣсто.

— Очень можетъ-быть, но о такихъ вещахъ предъ женщиной не говорить.

И съ этимъ Бодростина, не давая опомниться Рошнину, достала изъ его портфеля пачку конвертовъ и сунула въ одинъ изъ нихъ загодя приготовленный, исписанный листъ, — этотъ листъ было старое завѣщаніе.

— Не стойте посреди пути: минуты дороги. Гдѣ печать? — спросила она живо.

Рошнинъ молча вынувъ изъ кармана гербовую печать, которою Глафира Васильевна собственно рукою запечатала конвертъ и сказала: «надпишите!»

Секретарь съѣлъ и взялъ перо, но рука его тряслась и измѣняла ему.

— Прежде немножко успокойтесь, — вы очень взволнованы, васъ надо вылѣчить, бѣдный ребенокъ,—и съ этимъ она обняла его и поцѣловала.

Рошнинъ закрылъ рукой глаза и зашатался.

Бодростина отвела его руку и взглянула ему въ глаза спокойнымъ, ничего не говорящимъ взглядомъ.

— *Comptez-vous cela pour rien?* — спросила она его строго и твердо.

— О, я давно, давно люблю васъ, — воскликнулъ Рошнинъ:—и я готовъ на все!

— Вы любите! *Tant mieux pour vous et tant pis pour les autres*, берегите же мою тайну. Вамъ поцѣлуй данъ только въ задатокъ, но щедрый расчетъ впереди.—И съ этимъ она сжала ему руку и, подавъ портфель, тихонько *направила* его къ двери, въ которую онъ и вышелъ.

Бодростинъ вернулся домой за полночь и засталъ своего молодого секретаря сидящимъ за работою въ его кабинетѣ.

— Иди спать,—сказалъ онъ Рошнину:—чего ты сидѣлъ? Я запоздалъ, а мы завтра утромъ вдемъ.

— Миѣ что-то не хотѣлось спать,—отвѣтилъ Ропшинъ.

— Не хочешь спать? Соскучился, и тянетъ въ Питеръ. Что же, погоди, братъ, покутишь: но ты въ какомъ-то восторженномъ состояніи! Отчего это?

— Вамъ это кажется,—я тотъ, что и всегда.

— Ты не плѣненъ ли горничной Настей?.. А хороша! хоть бы и не тебѣ, ревельской килькѣ. Да ты, братецъ, не скромничай,—я самъ былъ молодъ, а теперь все-таки иди спать.

И предводитель съ своимъ секретаремъ разошлись. Бодростинскій домъ весь погрузился въ спокойный сонъ, не исключая даже самой Глафиры, уснувшей съ увѣренностію, что послѣдніе шаги ея сдѣланы блистательно. Бодростинъ самъ лично отдастъ на храненіе завѣщаніе, котрымъ предоставлялось все ей и одной ей; это не можетъ никому придти въ голову; этого не узнаетъ и Гордановъ, а Ропшинъ... онъ не выдастъ никогда того, что онъ знаетъ, не выдастъ потому, что онъ замѣшанъ въ этомъ самъ и еще болѣе потому, что... Глафира Васильевна знала юношескую натуру.

Такъ уѣхалъ Бодростинъ, увѣренный, что ему нечего беспокоиться ни за что: что даже супружеская честь его въ полной безопасности, ибо у жены его такъ много поклонниковъ, что они сами уберегутъ ее другъ отъ друга. Ему и въ голову не приходило, что онъ самое свѣжее свое честіе везъ съ самимъ собою, да и кто бы рѣшился заподозрѣть въ этомъ властную красоту Глафиры, взглянувъ на прилизаннаго Ропшина, въ душѣ котораго теперь было столько живой, трепещущей радости, столько юношеской гордости и тайной, злорадной насмѣшки надъ Всленевымъ, надъ Гордановымъ и надъ всѣми смѣлыми и ловкими людьми, чья развязность такъ долго и такъ мучительно терзала его юное, безъ правъ ревновавшее сердце. Теперь онъ, по своей юношеской неопытности, считалъ себя связаннымъ съ нею крѣчайшими узами, и удивлялся только одному, какъ его счастье не просвѣчиваетъ наружу, и никто не видитъ, гдѣ скрытъ высшій счастливецъ. «*Tant mieux pour vous, tant pis pour les autres*», шепчутъ ему полныя пущцовыя губы, дыханія которыхъ ему не забыть никогда, никогда! И воспоминанія эти порхаютъ росемъ въ головѣ и сердцѣ счастливца, помѣщающагося въ вагонѣ желѣзной дороги возлѣ блаженнаго Бодростина, и мчатся они вдаль

къ сѣверу. А въ то же время Глафира Васильевна покинула свой городской домъ и сокрылась въ цвѣтущихъ садахъ и темныхъ паркахъ села Бодростина, гдѣ ее въ первый же день ея переѣзда не замедлили навѣстить Висленевъ съ сестрой и Гордановъ. И въ тотъ же день вечеромъ, въ поздніи сумерки, совершенно некстати, неожиданно и нескладно, появился Михаилъ Андреевичъ въ короткомъ кирасирскомъ мундирѣ съ распоротою спинкой, и столь же внезапно, неожиданно и нескладно исчезъ.

Странный, пустой, но неприятный случай этотъ подѣйствовалъ на Глафиру Васильевну очень неприятно, — она тиготилась мертвымъ безмолвіемъ залъ, гдѣ тревожному уху ея съ пустынныхъ хоръ слышалась тихая рѣчь и таинственный шорохъ; ее пугаль сумракъ сонныхъ кленовъ, кряхтящихъ подъ вѣтеръ надъ соннымъ, далекимъ прудкомъ стариннаго парка; ее пугаль даже всплескъ золотистаго караса на поверхности этой сонной воды. Ея состояніе было созерцательное и болѣзненное; она опять перебирала не совѣсть свою, но свои поступки, и была недовольна собою. Даже недавно казавшійся ей столь необходимымъ вызовъ Горданова представлялся ей теперь въ иномъ свѣтѣ. По ея мнѣнію, все ея прошлое было ошибка на ошибкѣ. Ей, выйдя замужъ, нужно было держать себя строго, и тогда... она, конечно, могла бы овдовѣть безъ всякой сторонней помощи, какъ безъ помощи Горданова она овладѣла завѣщаніемъ и даже болѣе: подмѣнила его другимъ. Надо было выдержать себя, какъ выдерживаетъ Синтянина, и тогда ни на что не нужны были бы никакіе помощники... Да; Гордановъ ей дорого стдигъ, и зато теперь, послѣ исторіи съ завѣщаніемъ, цѣна ему сильно упала, но онъ все-таки еще нуженъ... Глафира не могла ни на кого, кромѣ него, положиться; но теперь она видѣла необходимость сдѣлать нѣчто и съ самою собою: надо было поправить свою репутацію, такъ чтобы ко времени, когда ударитъ роковой часъ, на нее не могло пасть даже и тѣни подозрѣнія въ искусственномъ устройствѣ вдовства. Надо было *поправить свою репутацію*.

— Начать молиться?—но кто же мнѣ повѣритъ. За что же, за что же взяться, чтобы меня забыли во мнѣ самой?

Это ее занимало постоянно, и она, оставаясь сама съ собою, не могла отрѣшиться отъ этой мысли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сумасшедшій Бедуинъ.

Верстахъ въ тридцати отъ села Бодростина въ большихъ имѣнiяхъ одного изъ князей древняго русскаго рода жили оригинальнѣйшій человѣкъ, Свѣтозаръ Владеновичъ Водошняновъ. Крестьяне въ окрестности называли его «чернымъ баринномъ», а сосѣди-помѣщики — «Сумасшедшимъ Бедуинномъ». Онъ происходилъ откуда-то изъ южныхъ славянъ; служилъ когда-то безъ году недѣлю въ русской артиллерiи и, выйдя въ отставку, управлялъ съ очень давнихъ поръ княжескими имѣнiями. Последнее было нѣсколько удивительно. Водошняновъ, казалось бы, не могъ управлять ничѣмъ, но между тѣмъ онъ управлялъ очень обширными землями и заводами, и владѣтель этихъ большихъ мѣстностей не искалъ случая разстаться съ Свѣтозаромъ Владеновичемъ. Напротивъ, всѣмъ было извѣстно, что князь, занимавшій въ Петербургѣ важную государственную должность, дорожить безалабернымъ Водошняновымъ и, каждый годъ выписывая его къ себѣ съ отчетами, удерживалъ его при себѣ долго и ласкалъ, и дарилъ его. Сановникъ любилъ Водошнянова, и въ этой любви его было что-то нѣжное и даже почтительное. Управитель былъ человѣкъ честный и даже очень честный: это знали всѣ; но главная черта характера, привизывавшая къ нему людей, заключалась въ непосредственности его натуры и въ оригинальности его характера. Названiе «черный баринъ» очень ясно выражало внѣшность Водошнянова: онъ былъ великъ ростомъ, неуклюжъ, массивенъ, темень лицомъ, съ весьма крупными чертами лица; толстыми черными съ просѣдью волосами, поросшими мхомъ ушами и яркими, сверкающими, карими глазами. Ноги и руки его были просто ужасны по своимъ громаднымъ размѣрамъ, и притомъ руки всегда были красны, какъ окунутыя въ свекольный разсолъ, а ноги до того костисты, что суставы словно были покрыты наростами, вылиравшими подъ кожей сапога наружу. Ко всему этому Водошняновъ постоянно смазывался чѣмъ-то камфарнымъ, носилъ въ карманѣ коробку съ камфарными шариками, глоталъ камфару, посыпалъ камфарой постель, курилъ камфарныя сигаретки и вообще весь былъ пропитанъ камфарой. Это была его гигиѣна по Распайлю, — единственному

врачу, которому онъ вѣрилъ. Ходилъ онъ и двигался быстро, говорилъ голосомъ необыкновенно кроткимъ и мягкимъ и находился въ постоянной задумчивости. Правъ и образъ жизни Водопьянова были до крайней степени причудливы: къ нему очень шли слова поэта:

Онъ страненъ, исполненъ несбыточныхъ думъ,
Бываетъ онъ весель ошибкой;
Онъ къ людямъ на праздникъ приходитъ угрюмъ,
Къ гробамъ ихъ подходитъ съ улыбкой.
Всеобщій кумиръ ихъ ему не кумиръ,
Недаромъ безумцемъ зоветъ его миръ.

Водопьяновъ былъ безконечно добръ и участливъ: онъ былъ готовъ служить всѣмъ и каждому чѣмъ только могъ, но всѣ горести людскія при этомъ его не моражали и не тревожили. Отъ этого многимъ казалось, что онъ лишень чувства и поступаетъ добро и благородно только по принципу. Самъ онъ тоже всякую скорбь переносилъ, не удостоивая ее ни малѣйшаго вниманія — не смущался ничѣмъ и не боялся ничего. Онъ былъ холостъ, но имѣлъ на своихъ рукахъ женатаго брата съ дѣтьми и замужнюю сестру съ ея потомствомъ. Все это были люди плохіе, нагло ежившіе на шеню Водопьянова и не помышлявшіе сойти съ нея, какъ онъ не помышлялъ ихъ спугивать.

Есть или, по крайней мѣрѣ, были у насъ на Руси сострадательныя барышни, одну изъ каковыхъ авторъ вспоминаетъ въ эту минуту: въ ея дѣвической комнатѣ постоянно можно было найти какую-нибудь калѣчку; на окнѣ, напримѣръ, сидѣлъ цыпленокъ съ переломленною, перевязанною въ лубокъ ногою; въ шляпной коробкѣ помѣщался гадостный больной котенокъ; подъ комодомъ прыгаль на ниткѣ унавший изъ гнѣзда желтоносый галченокъ: все это подбиралось сюда откуда попало и воспитывалось здѣсь до поправленія силъ, безъ всякаго расчета на чью бы то ни было благодарность. Домъ Свѣтозара Владеновича въ своемъ родѣ былъ совершенно то самое, что описанная комната, съ тою единственною разницею, что вмѣсто галчаты, котятъ и цыплятъ здѣсь обитали калѣчки и уродцы человѣческой породы. Помимо дѣвчаго и тулого брата и его злой жены, съ ихъ малоумнымъ и злымъ потомствомъ, и сестры съ ея пьянымъ мужемъ и золотунными дѣтьми, у Водопьянова были кучеръ, нигдѣ вѣтеринный пѣщница, кухарка, забитал

мужемъ, идіотка, комнатный мальчикъ-калѣба, у котораго ноги стояли иксомъ въ разныя стороны: все это придавало всему дому характеръ какого-то нестроя. Почти то же самое было и въ сельскомъ хозяйствѣ, которымъ управлялъ Водошняновъ; но, ко всеобщему удивленію, и домъ «чернаго барина» не оскудѣвалъ, и полевое и фабричное хозяйство у него шло часто даже удачнѣе, чѣмъ у многихъ, самыхъ рачительныхъ, сосѣдей. Отъ этого въ народѣ ходила молва, что «черный баринъ что-то знаетъ»,—и онъ дѣйствительно нѣчто зналъ: онъ зналъ агрономію, химію, механику, зналъ силы природы въ многоразличныхъ ихъ проявленіяхъ, наблюдалъ ихъ и даже умѣлъ немножко прозрѣвать ихъ тайны. Кромѣ того, онъ зналъ нѣчто такое, что, по общераспространенному мнѣнію, даже и нельзя знать: онъ зналъ (не вѣрилъ, а зналъ), что есть міръ живыхъ существъ, не нуждающихся ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни въ одеждѣ,—міръ, чуждый низменныхъ страстей и всѣхъ тревожащихъ міра земного. Водошняновъ былъ спиритъ и медіумъ, хотя не давалъ никакихъ медіумическихъ сеансовъ. Рука его не писала, но ухо что-то слышало, и это слышаніе было поводомъ ко множеству странностей, по которымъ образованные сосѣди не въ шутку признавали его немножко помѣшаннымъ и назвали «Сумасшедшимъ Бедуиномъ». Залодозрѣть въ Водошняновѣ нѣкоторую ненормальность душевныхъ отправлений было весьма возможно: въ его поступкахъ была бездна странностей: онъ часто говорилъ, повидимому, совершенную нескладицу, и нерѣдко вдругъ останавливался посреди рѣчи, прислушивался къ чему-то такому, чего никто не слышалъ, иногда онъ даже быстро кому-то отвѣчалъ и вдругъ внезапно вскакивалъ и внезапно уходилъ или уѣзжалъ. Нерѣдко онъ вдругъ появлялся, прежде невхожій, въ домахъ людей, очень мало ему знакомыхъ и отдаленныхъ: появлялся Богъ знаетъ для чего, а черезъ короткое время снова уѣзжалъ. Словомъ, пошелъ какъ сумасшедшій бедуинъ по пустынѣ, почти не замѣчая живыхъ людей и говоря съ призраками.

Мѣсяць спустя послѣ отъѣзда Михаила Андреевича въ столицу, въ одинъ августовскій темный вечеръ, прерывистый звонъ поддужнаго колокольчика возвѣстилъ гостя обитателямъ села Бодростина, и лакеи, отворившіе дверь параднаго подъѣзда, встрѣтили «чернаго барина».

Водошняновъ пользовался за свою оригинальность и честность расположеніемъ Михаила Андреевича, но Глафира Васильевна, прежде очень интересовавшаяся этимъ оригиналомъ, вдругъ разжаловала его изъ своихъ милостей. Сумасшедшій Бедуинъ, по ея словамъ, тяжело дѣйствовалъ ей на нервы. Водошняновъ бывалъ у Бодростинныхъ очень рѣдко и предъ симъ не показывалъ къ нимъ глазъ болѣе года; но такъ какъ подобныя странности были въ его натурѣ, то внезапный пріѣздъ его не удивилъ Глафиру. Она, напротивъ, въ этотъ разъ, страдая немножко скукой, была даже рада посѣщенію Водошнянова и, отдавъ приказаніе слугѣ просить пріѣзжаго въ гостиную, живо обратилась къ находившимся у нея гостямъ: Ларисѣ, Висленеву и Горданову, и сказала: рекомендую вамъ, господа, сейчасъ войдетъ оригиналъ, подобнаго которому едва ли кто-нибудь изъ васъ видѣлъ: онъ мистикъ и спиритъ.

— И даже медіумъ, мнѣ кажется,—дополнила Лариса.

— И натурально шарлатанъ,—прибавилъ Гордановъ.

— Нимало,—отвѣтила Бодростина.

По залѣ между тѣмъ уже раздавались тяжелые шаги Свѣтозара Владеновича.

Водошняновъ былъ одѣтъ очень хорошо, даже немножко неголевато для деревни, держался скромно, но развязно и съ самоувѣренностью, но черные огненные глаза его вмѣстѣ съ непостижимою блѣдностью щекъ дѣлали его и съ виду человѣкомъ, выходящимъ изъ ряда вонъ.

Глафира Васильевна встрѣтила его очень радушно, отрекомендовала его своимъ гостямъ и назвала ему гостей. Водошняновъ изъ всѣхъ трехъ зналъ одну Ларису, но, подавъ всѣмъ руку и обмѣнявшись привѣтствіями съ послѣднимъ по очереди, Висленевымъ, сказалъ:

— Вася зовутъ Юсафъ, очень рѣдкое имя. Впрочемъ, всѣ имена прекрасны, но не сообщаютъ человѣку своего значенія.

— Это хорошо или дурно?—заговорила съ нимъ Бодростина.

— Ни то, ни другое: человѣкъ значитъ только то, что онъ значитъ, все остальное къ нему не пристаетъ. Я сегодня цѣлый день мучусь, заставляя мою память сказать мнѣ имя того нѣмого, который въ одну изъ перескихъ

войнѣ заговорилъ, когда его отцу угрожала опасность. Буду мимо васъ и вздумалъ...

— Что у насъ объ этомъ знаютъ?

— Да! Я думаю здѣсь непремѣнно есть люди, которые должны это знать.

— Господа!—обратилась съ вопросомъ Водростина.

Все молчали.

— Я каюсь въ моемъ невѣжествѣ, — продолжала она: — я не знаю ни этого факта, ни этого имени.

— Фактъ несомнѣненъ, — утвердилъ Водопьяновъ.

— Онъ есть въ исторіи: это было въ одну изъ войнъ Кира, мнѣ помнится, — замѣтилъ Гордановъ.

— Ахъ, вамъ это помнится! Я очень радъ, очень радъ, что вы это помните. Не правда ли, странный случай? Мнѣ одинъ медикъ говорилъ, что это совсѣмъ невозможно, почему же? не правда ли?

— Не знаю, какъ вамъ отвѣтить: почему?

— Да; это смѣшно, въ какомъ младенествѣ еще естественныя науки. Я предлагалъ премію тому, кто скажетъ, почему цѣтухъ въ полночь поетъ; никто до сихъ поръ не взялъ ся. Поэтому я вѣрю, что цѣмой могъ заговорить. Въ природѣ все возможно!

— Но возможно, чтобы курица ходила по улицѣ, но чтобы улица ходила по курицѣ, это невозможно!

— Кто знаетъ? А какъ вы полагаете: возможно ли, чтобы щука выскочила сама изъ рѣки, вспрыгнула челобѣку въ ротъ и задушила его?

— Не думаю.

— А между тѣмъ въ тысяча восемьсотъ шестидесятъ восьмомъ году, двадцать третьяго іюля, на Днѣпрѣ, подъ Киевомъ, щука выпрыгнула изъ воды, воткнулась въ ротъ хохлу, который плевалъ въ рѣку, и пока ее вытацили, бѣднякъ задохнулся. И слѣдствіе было, и въ газетахъ писали. Что? отнесся онъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: — Ужасны странности природы, и намъ, докуда мы сидимъ въ этомъ кожаномъ футлярѣ, нельзя никакъ утвердительно говорить, что возможно и что невозможно. У меня есть сильнѣедействующее средство отъ зубной боли, мнѣ далъ его въ Выборгѣ одинъ шведъ, когда я ѣздилъ туда искать комнату, гдѣ Державинъ дописалъ двѣ послѣднія строфы оды «*Богъ*», то-есть: «Въ безмѣрной радости те-

ряться и благодарны слезы лить...» Я хотѣлъ видѣть эти стѣны, но не пошелъ комнаты: у насъ этимъ не дорожатъ... Да; но я говорю о лѣкарствѣ. Это сильное средство ушибаетъ нервъ, и его можно капнуть только на нижній зубъ, а для верхняго считалось невозможнымъ; но я взялъ одну бабу, у которой болѣлъ верхній зубъ, обвязалъ ей ноги платкомъ и поставилъ ее въ углу кверху ногами и капнулъ, и она потомъ меня благословляла. Я сообщалъ этотъ способъ въ газеты, — не печатають, тоже говорятъ «невозможно». Въ нашихъ понятіяхъ невозможно смѣшано съ тѣмъ, что мы считаемъ невозможнымъ. Есть люди, которые увѣрены, что человѣкъ есть кожаный мѣшокъ, а имъ, однако, кажется невозможнымъ допустить, что даровитый человѣкъ, царствовавшій въ Россіи подъ именемъ Дмитрія, былъ совсѣмъ не Лжедмитрій, хотя кожаный мѣшокъ былъ похожъ какъ двѣ капли воды.

— Вы, кажется, къ Лжедмитрію равнодушны?— молвила Бодростина.

— Да; бѣдный духъ до сей поры безпокоится такою клеветой.

Бодростина переглянулась съ гостями.

— Онъ кто-жъ такой?

— Когда онъ былъ духомъ, онъ не хотѣлъ этого ясно сказать, теперь же онъ опять воплощенъ,—отвѣчалъ спокойно Водопьяновъ.

— Вы не скрываете, что вы спиритъ?—отнесся къ нему Висленевъ.

— Нѣтъ, не скрываю, для чего-жъ скрывать?

— Я тоже не скрываю, что не вѣрю въ спиритизмъ.

— Вы прекрасно дѣлаете, но вы вѣдь спиритизма не знаете.

— Положимъ; но я знаю то, что въ немъ есть смѣшного: его таинственная сторона. Вы вѣрите въ переселеніе душъ?

— Да, въ перевоплощеніе духа.

— И въ чудеса?

— Да, если чудесами называть все то, чего мы не научились еще понимать, или не можемъ понимать по несовершенству нашего познавательнаго аппарата.

— А чему вы приписываете его несовершенство?

— Природѣ этой плохой планеты. Плохая планета, очень

плохая, но что дѣлать: надо потерпѣть, на это была, конечно, высшая воля.

— Вы, стало-быть, изъ недовольныхъ міромъ?

— Какъ вѣчный житель лучшихъ сферъ, я, разумѣется, не могу восхищаться темницей, но зная, что я по заслугамъ посаженъ въ карцеръ, я не ропщу.

— И вы видали сами чудеса?—тихо спросила его Лариса.

— О, очень много!

— Какія, напримѣръ? Не можете ли вы намъ что-нибудь рассказать?

— Могу охотно: я видѣлъ болѣе всего нежданнаго побѣды духа злобы надъ чувствами добрѣйшихъ смертныхъ.

— Но тутъ ничего нѣтъ чудеснаго.

— Вы думаете?

— Да.

— О, ошибаетесь! Зло такъ гадко и противно, что духъ не могъ бы самъ идти его путемъ, если бы не вель его сильнѣйшій и злѣйшій.

— Нѣтъ, вы скажите видимое чудо.

— Я видѣлъ Русь расшатанную, неученую, неопытную и неискующую, преданную ученымъ злымъ и коварнымъ, и устоявшую!

— Ну, что это опять за чудо?

— Какихъ же вы желаете чудесъ?

— Видимыхъ воочію, слышимыхъ, ощущаемыхъ.

— О, имъ числа нѣтъ: они и въ Библии, и въ сказаніяхъ, въ семейныхъ хроникахъ и всюду, гдѣ хотите. Если это васъ интересуетъ, въ англійской литературѣ есть очень хорошая книжка Кроу, прочтите.

— Но вы сами ничего не видали, не слышали, не обоняли и не осязали?

— Видѣлъ, слышалъ, обонялъ и осязалъ.

— Скажите, что?

— Я въ дѣтствѣ видалъ много свѣтлыхъ бабочекъ зимой.

— Галлюцинація!—воскликнулъ Висленевъ.

— Ну, помяну,—поддержалъ Гордановъ.

— Это въ пору дѣтства; нѣтъ, вы скажите, не видали ли вы чего-нибудь въ зрѣлые годы?—спросила Лариса.

— И, главное, чего-нибудь страшнаго,—добавила Бодростина.

— Да, видѣль-сь, видѣль; я видѣль, золотой пухъ и огненный металн въ воздухѣ, видѣль, какъ разъ черная туча упала въ крапиву.

— Это все не страшно.

— Я видѣль... я видѣль на хромомъ зайцѣ ѣхаль боро-
датый старикъ безъ макушки, шибко, шибко, шибко, оста-
вилъ свою гору, оставилъ чужую, оставилъ сорочью гору,
оставилъ снѣжную и переѣхаль за ледяную, и тутъ сп-
дѣль другой старикъ съ бѣлою бородой и снималь рем-
нями дорогу, а съ мѣсяца свѣтъ ему каналь въ желѣзный
кувшинъ.

— Это нелѣпности!—замѣтила Бодростина.—Скажите что-
нибудь попроче.

— Проче? Это все просто. Я спаль предъ окномъ въ
Москвѣ, и въ пукѣ луннаго луча ко мнѣ сходилъ мой братъ,
который былъ въ то время на Кавказѣ. Я всталъ и запи-
салъ тотъ часъ, и это былъ...

— Конечно, часъ его кончины,—перебилъ Вислелевъ.

— Да, вы именно отгадали: онъ въ этотъ часъ умеръ.

— Это всегда такъ говорятъ.

— Но что вы слышали? — добивалась Лара, которой
Водошняновъ отвѣчалъ охотнѣе всѣхъ прочихъ.

— Я слышу много, много, много.

— И, виновата, вы и слышите все въ такомъ же без-
толковомъ родѣ, какъ видите,—отвѣчала Бодростина.

— А? Да, да, да, все такъ. Вода спить слышно. Ходить
тыкто, кто самъ съ собою говоритъ, говоря, въ ладони
хлопаеть, и, хлопая, пляшетъ, а за нимъ идетъ говорящее,
хлопающее и пляшущее. Всѣ рѣчистые глупцы и всѣ умники
безъ разсудка идутъ на мѣсто, о которое скользять ноги.
Я слышу, скользять, но у меня медвѣжье ухо.

Онъ покачалъ свое густо-обросшее волосами ухо и до-
бавилъ:

— Мнѣ не надо слышать ясно, но Гоголь слыпчалъ часъ
своей смерти.

— Гоголь, вѣдь, какъ извѣстно, помѣшался предъ
смертью,—замѣтилъ Гордановъ.

Водошняновъ улыбнулся.

— Вамъ это извѣстно, что онъ помѣшался?

— Говорять.

— Однако, все сбилось такъ, какъ онъ слыпчалъ.

— Случай.

— По этимъ случаямъ числа нѣтъ. Іезекіиль съ Ісаіей пророкомъ слышали, когда придетъ Христово царство.

— Оно же пришло: мы христіане.

— Нѣтъ, нѣтъ, тогда «всѣ раскуютъ мечи на орала и конья на серпы». Нѣтъ, это не пришло еще.

— И не придетъ.

— Придетъ, придетъ, придетъ, люди станутъ умнѣе и будутъ добрѣе, и это придетъ.

— А что вы обоняли?

— Я обоняю... даже здѣсь теперь запахъ свѣже-распиленной сосны...

— Какіе вздоры! Это я купаюсь въ смоляномъ экстрактѣ,—отвѣчала Бодростина и, приближая къ его лицу свою руку, добавила:—Понюхайте, не это ли?

— Нѣтъ, я слышу запахъ новыхъ досокъ, ихъ гдѣ-то строгаютъ.

— Что за гиль! Гробъ готовить, что-ли? Нѣтъ, мы вамъ чудо гораздо получше расскажемъ,—воскликнула она, и рассказала о странномъ и непонятномъ появленіи ея мужа въ распоротомъ мундирѣ. — Скажите-ка, что это можетъ значить?

— Надо молиться о немъ.

— О чемъ же молиться? Вѣдь смерть по вашему — блаженство.

— Да, смерти нѣтъ, нѣтъ Бога мертвыхъ, нѣтъ и смерти, есть только Богъ живыхъ.

— Простите, я позабыла, что вы бессмертны.

— Какъ всѣ съ превѣчнаго начала: «Я рабъ, я царь, я червь, я Богъ».

— Каково!—воскликнула Бодростина, обращаясь къ гостямъ, и затѣмъ добавила:— *allez droit devant vous, cher Свѣтозаръ Владеновичъ*, мы не устанемъ васъ слушать!

Водопьяновъ промолчалъ.

Бодростина подумала, не оскорбился ли онъ, и спросила его объ этомъ, но «Сумасшедшій Бедушъ» отвѣчалъ, что его обидѣть невозможно, — всякій, обижая другого — обижаетъ себя и деморализуется.

— Ну, прочь мораль! Я не моральна! Скажите-ка намъ что-нибудь о переходѣ душъ. Миѣ очень правится ваша теорія внесенія въ жизнь готовыхъ способностей и я ее

часто припоминаю: мнѣ часто кажется, что во мнѣ шевелится что-то чужое, но только вовсе не лестное,—добавила она съ улыбкой къ гостямъ.—Не была ли я, Свѣтозарь Владеновичъ, Аспазіей или Фриной,—во мнѣ прегадкіе инстинкты.

— Чтѣ вы за вздоры говорите? — воскликнулъ слегка шокированный Висленевъ и, вставши, началъ ходить.

Но Водопьяновъ отвѣчалъ Бодростиной, что все это очень возможно, и что онъ самъ былъ воръ и безжалостный злодѣй.

— Во мнѣ тоже,—отвѣчалъ онъ:—нѣтъ немало врожденнаго добра.

— А между тѣмъ вѣдь вы добрякъ.

— Нѣтъ, я очень золь, но не хочу быть злымъ, — мнѣ это стоило работы.

— А вы, конечно, знаете такпхъ, которые перевоплощаются изъ честныхъ душъ и все честнѣютъ?

— Да, я знаю одинъ такой духъ.

— Скажите, скажите о немъ,—кто это такой?

— Его здѣсь звали на землѣ донъ Цезарь де-Базаль.

— Испанскій дворянинъ! — воскликнули всѣ, не исключая лѣниво дремавшаго Горданова.

— Да; онъ былъ испанскій дворянинъ и онъ сдѣлалъ это слово кличкой. Вы помните его, разумѣется, по театральной пьесѣ.

— Да; помнимъ, помнимъ; благородень, бѣденъ, гордъ и честень.

— И ко всему тому изрядно глупъ,—подсказалъ Висленевъ.

— Оставимъ, господа, кому онъ чѣмъ кажется. Пусть лучше Свѣтозарь Владеновичъ расскажетъ намъ, какъ испанскій дворянинъ переселялся и въ комъ онъ жилъ.

— Онъ жилъ въ студентѣ Спиридоновѣ, который въ свою очередь жилъ въ Москвѣ, въ маленькомъ переулкѣ возлѣ Цвѣтнаго бульвара. По крайней мѣрѣ я тамъ его узналъ.

— И пусть отсюда вашъ рассказъ начнется уже безъ перерыва.

— Рассказывать я долженъ, начиная съ дней давнихъ.

— Мы слушаемъ. Я люблю всякій мистическій бредъ,—заклчила Бодростина, обращаясь къ гостямъ. — Въ немъ есть очень пріятная сторона: онъ молодитъ насъ, переноситъ

сидеть на минуту въ дѣтство. Сидишь, слушаешь, не вѣршишь, и между тѣмъ невольно ноги подь себя подбираешь.

Водошняновъ началъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разсказъ Водошнянова.

— Студентъ Спиридоновъ, по множеству пороковъ, былъ неспособенъ къ семейной жизни, а между тѣмъ онъ былъ женатъ, и женатъ по собственному побужденію и противъ своей воли, и съ этихъ поръ...

— Позвольте! съ этихъ поръ, конечно, не начнется безтолковщина?

— Зачѣмъ же? и съ этихъ поръ въ студентѣ Спиридоновѣ сказался его хозяинъ, но, впрочемъ, его надо было бы узнать гораздо прежде. Спиридоновъ мнѣ разъ все разсказалъ и самъ надъ собой смѣялся, хотя въ его словахъ не было никакого смѣха. Испанскій дворянинъ ему явился много разъ.

— И вѣявъ?

— Конечно, вѣявъ, и въ старомъ своемъ видѣ: съ безвременною сѣдиной въ черныхъ кудрихъ, съ безпечивнымъ лицомъ, отмѣченнымъ печатью доброты и кротости, съ глазами пылкими, но кроткими, въ плащѣ изъ бархата, забытнаго свой цвѣтъ, и съ тонкою длинною шпагой въ протертыхъ ножнахъ. Являлся такъ, какъ Спиридоновъ видѣлъ его на балаганной сценѣ, когда ярмарочная трушна давала свои представленія.

— Ну, слава Богу,—это обѣщаетъ, кажется, быть интереснымъ, и если исторія эта не кончится въ пяти словахъ, то надо приказать дать свѣчу, чтобы послѣ насъ не прерывали.

— Исторія довольно велика,—отвѣтилъ Водошняновъ.

Бодростина позвонила и велѣла дать огонь, хоть на дворѣ едва лишь смеркалось. Когда люди поставили лампы и вышли, опуствя шторы у оконъ, Водошняновъ продолжалъ:

— У студента Спиридонова былъ отецъ,—бѣднякъ, какіхъ не мало на этой планетѣ, гдѣ такая бездна потребностей; но ему, наконецъ, улыбнулось счастье. Онъ служилъ въ гусарахъ на счетъ богатой тетки,—это, конечно, не особенно честно, но она этого хотѣла, и онъ это дѣлалъ для поддержанія ея фамильной гордости. Онъ, говорить, былъ красивъ: я его не видалъ,—когда я познакомился съ его сыномъ, его уже не было на этомъ свѣтѣ.

Въ него влюбилась красавица-помѣщица одного села, гдѣ онъ стоялъ. Она была богата, молода, и годъ какъ овдовѣла послѣ мужа-старика, которому ее продали ради выгоды и который безумно ревновалъ ее ко всѣмъ. Вдова, хотя имѣла дѣтей, пошла за Спиридонова. Ее проклинали. За что и почему,—не знаю, но проклинялъ ее родной отецъ, а за нимъ и мать. Потомъ ее, бѣдняжку, начали клясть всѣ родные. По общему мнѣнію, она была не въ правѣ ни любить, ни называть супругомъ кого любила, но она все-таки вышла замужъ и родила моего пріятеля, студента Спиридонова, и потомъ жила пять лѣтъ и хворала. Спиридоновъ говорилъ, что его мать съ отцомъ жили душа въ душу, отецъ его боготворилъ жену, но, несмотря на то, она сохла и хирѣла. Отецъ его тоже часто былъ смущенъ и угрюмъ. Спиридоновъ тогда не зналъ, чему это приписывать. Жили они довольно уединенно въ городѣ, куда однажды заѣхали ярмарочные актеры...

— И дали здѣсь *«Испанскаго Дворянина»*?—подказала Бодростина.

— Вы отгадали: актеры объявили, что они сыграютъ здѣсь *«Испанскаго Дворянина»*. Мать Спиридонова, желая развлечь и позабавить сына, взяла ложу и повезла его въ театръ. И вотъ въ то время, когда донъ Цезарь де-Базанъ въ отчаянной бѣдѣ воскликнулъ: «пусть гибнетъ все, кромѣ моей чести и счастья женщины!» и театръ зарыдалъ и захолоналъ плохому актеру, который, однако, могъ быть прекрасенъ, мать Спиридонова тоже заплакала, и сынъ...

— Также заплакалъ,—сострилъ Висленевъ.

— Итъ,—отвѣчалъ, нимало этимъ не возмущаясь, Водопьяновъ:—сынъ не заплакалъ. Сынъ пѣчто почувствовать, и сжавъ материнны руки, шепнулъ ей: — пускай живетъ у насъ бѣднякъ, Испанскій Дворянинъ.

— Прекрасно, дитя мое,—мы позовемъ его, пускай живетъ.

И тѣмъ актъ кончился, но дитя и завтра и послѣзавтра все докучало матери своею просьбой принять въ домъ бездомнаго Цезаря де-Базана, и мать ему на это отвѣчала:

— Да, хорошо, дитя мое, онъ къ намъ придетъ, придетъ.

— И будетъ жить?

— И будетъ жить.

— Когда же, мама? когда же онъ придетъ и будетъ жить у насъ?—тосковало дитя.—А какъ же звать его? Я позову.

А дѣло было въ сумерки, осеннимъ вечеромъ. Мать любовалась сыномъ и пошутила:

— Нагнись, говоритъ,—къ печкѣ, и позови его чрезъ трубу—онъ будетъ слышать.

Спиридоновъ прыгнулъ и крикнулъ:

— Дочь Цезарь де-Базанъ, идите сюда!

— Гу-гу-гу-иду!—загудѣло въ трубѣ, такъ что мальчикъ въ испугѣ отскочилъ.

Но прошелъ день - другой, и онъ опять пристасть: когда же?

— А вотъ теперь ужъ скоро: я за нимъ схожу и приведу его,—отвѣчала мать и вслѣдъ затѣмъ умерла.

— Умерла?—воскликнула Лариса.

— Да; то-есть ушла отсюда, переселилась, народъ это прекрасно выражаетъ словомъ «побывнилась на землѣ». Она кончила экзамень и ея не стало.

— А что же Испанскій Дворянинъ, котораго она обѣщала прислать?

— О, она сдержала слово! Она его послала, вы это сейчасъ увидите. Дѣло было въ томъ же маленькомъ городѣ на крещенскія святки. Гробъ съ тѣломъ матери стоялъ въ нетопленной залѣ, у гроба горѣли свѣчи, и не было ни одного человѣка. Отецъ Спиридонова долженъ былъ выслать даже чтеца, потому что въ смежной комнатѣ собрались родные первого мужа покойной и укорили Спиридонова въ присвоеніи себѣ принадлежащихъ имъ достатковъ. Былъ часъ девятый. Мой другъ, студентъ Спиридоновъ, тогда маленький мальчикъ, въ черной траурной рубашкѣ, пришелъ къ отцу, чтобы поцѣловать его руку и взять на сонъ его благословеніе, но отецъ его былъ гнѣвенъ и суровъ; онъ говорилъ съ одушевленіемъ ему: «будь тамъ», и указалъ ему вмѣсто дверей въ спальню — на двери въ залу. Дитя вошло въ холодную залу и, оробѣвъ при видѣ всемі брошеннаго гроба, припало въ уголокъ мягкаго дивана ближе къ двери той гостиной, гдѣ шла обидная и тягостная сцена. Онъ миѣ отъ слова и до слова повторялъ кинучія рѣчи его отца; я ихъ теперь забылъ, но смыслъ ихъ тотъ, что укоризны ихъ самимъ имъ приносятъ позоръ; что онъ любилъ жену не состоянья ради, и что для одного того, чтобы ихъ рѣчи не возмущали покойя ея новой жизни, онъ отрекается отъ всего, что могъ

но ей наследовать, и онъ, и сынъ его, онъ отдастъ свое, что нажито его трудомъ при ней, и... Тутъ далѣе мой пріятель не слышалъ ничего, кромѣ слитнаго гула, потому что вниманіе его отвлекъ очень странный предметъ: сначала въ отпертой передней послышался легкій шорохъ и мягкая неровная поступь, а затѣмъ въ темной двери передней заколебалась и стала фигура ясная, опредѣленная во всѣхъ чертахъ; лицо веселое и доброе съ отгѣнкомъ легкой грусти, въ плащѣ изъ бархата, забывшаго свой цвѣтъ, въ широкихъ шелковыхъ панталонахъ, въ огромныхъ сапогахъ съ раструбами изъ полинявшей желтой кожи и съ широчайшею илюпою съ неромъ, которое было изломано въ стеблѣ и, шевелясь, какъ будто перемигивало съ бѣдностью, глядѣвшей изъ всѣхъ щелей одежды и изъ самыхъ глазъ незнакомца. Однимъ словомъ, это пришелъ...

— Пьяный святочный ряженный, — рѣшилъ Висленевъ.

— Испанскій Дворянинъ! — возразилъ строгимъ тономъ Водошняновъ. — Онъ плохъ былъ на ногахъ, но подошелъ къ стоявшей у стѣны крышкѣ гроба и осязалъ ее. Тщательно осязалъ, вонъ такъ.

И Сумашедшій Бедуинъ всталъ на ноги, разставилъ руки и, медленно обозначая ими опредѣленное пространство на стѣнѣ подъ портретомъ Бодростина, показалъ какъ ошупывалъ гробовую крышку Испанскій Дворянинъ.

— Потомъ онъ подошелъ къ труну и сталъ у изголовья гроба, и въ это время вдругъ отецъ Спиридонова вбѣжалъ, рыдая, въ залъ, упалъ предъ гробомъ на колѣни и закричалъ: «О, кто же имъ отвѣтитъ за тебя, что я тебя любилъ, а не твое богатство». И тихій голосъ отвѣчалъ скромно: «Я».

— И это былъ Испанскій Дворянинъ?

— Нѣтъ, пьяный святочный ряженный, — отвѣтилъ почти гнѣвно Водошняновъ. Взять его вонъ! Кто пустилъ сюда этого пьянаго святочнаго ряженаго? Неужели ужъ до того дошло, что и у ея гроба нѣтъ раченія и присмотра? Вонъ, вонъ выгнать сейчасъ этого пьянаго ряженаго! — кричалъ огорченный вдовецъ и рванулся къ *тому*, но его не было.

— Удраль?

— Да; такъ всѣ думали, и Спиридоновъ очень разсердился на слугъ и сталъ взыскивать, зачѣмъ такъ долго не зашраютъ калитки.

— И выходить очень простая исторія, — сказала Висленевъ.

— Да простая и есть, только оказалось, что калитка была заперта, и отецъ Спиридонова вернулся и вдругъ увидать, что родные хотятъ проститься съ покойницей.

— Нѣтъ!—закричалъ онъ:—нѣтъ, вы ее такъ обижали, что вамъ съ нею не нужно прощаться!—и схватилъ крышу и хотѣлъ закрыть гробъ, а крыша сдѣлалась такъ легка, какъ будто ее кто-нибудь еще другой несъ впереди, и сама упала на гробъ, и мой пріятель Саша Спиридоновъ видѣлъ, что Испанскій Дворянинъ вскочилъ и сѣлъ на крышѣ гроба.

— И только? Онъ это видѣлъ во снѣ и болѣе ничего.

— Да, болѣе ничего.

— Испанскій Дворянинъ болѣе не являлся?

— Да, въ это время не являлся. Послѣ они очень бѣдно гдѣ-то жили въ Москвѣ, въ холодномъ домѣ. Однажды, оставивъ сына съ пьянкой въ комнатѣ потеплѣе, Спиридоновъ самъ легъ въ залѣ на стульяхъ. Утромъ пришли, а тамъ лежитъ одинъ трупъ: видъ покойный, и пальцы правой руки сложены въ крестъ. Женщины родные хотѣли его схоронить съ парадомъ, но Испанскій Дворянинъ этого не позволилъ.

— Какимъ же образомъ?

— Онъ приснился молодому Спиридонову и сказалъ: «тамъ, подъ клеенкой», и Спиридоновъ нашелъ подъ клеенкой завѣщаніе отца, ничего ли отъ кого на погребеніе его не принимать, а схоронить его въ четырехъ доскахъ на тѣ деньги, какія дадутъ за его золотую медаль, да за Георгіевскій крестъ.

— И это все!

— А вы ничего здѣсь не видите особеннаго?

— Признаемся, ничего не видимъ: случайности да сны, сны да случайности, и больше ничего.

— Конечно. Что же можетъ быть проче того, что всѣ люди по случайностямъ не доживаютъ на землѣ своего времени! Въкъ человѣчeskій здѣсь, по библейскому указанію, семьдесятъ лѣтъ и даже восемьдесятъ, а по случайностямъ человѣчество въ общемъ итогѣ не доживаетъ одной половины этого срока, и васъ нимало не поражаетъ эта ужасная случайность? Я желалъ бы, чтобы мнѣ указали естественный законъ, по которому человѣческому земному организму

естественно такъ скоро портиться и разрушаться. Я полагаю, что случайности имѣють законъ.

— По этотъ сумасшедшій бредъ несносно долго слушать,— шепнула на ухо Бодростиной Висленевъ.

— Нѣтъ, я люблю,— отвѣчала она тоже тихо: — въ его нескладныхъ словахъ всегда есть какіе-то штришки, дѣлающіе картину, это меня занимаетъ... Свѣтозаръ Владеновичъ,—отнеслась она громко:—а гдѣ же вашъ Испанскій Дворянинъ?

— Онъ продолжаетъ-сь дебютировать. Студентъ Спиридоновъ жилъ въ ужасной бѣдности, на мезонинчикѣ, у чиновника Знаменосцева, разумѣется, платилъ дешево и то неаккуратно, потому что, учась, самъ содержалъ себя уроками, а ни роду, ни племени до него не было дѣла. При этомъ же студентъ Спиридоновъ былъ добрякъ превыше описанія, истинно рубашку послѣднюю готовъ былъ отдать, и не разъ отдавалъ, и, вдобавокъ, былъ не прочь покурить и приволокнуться. Онъ былъ медикъ. Не знаю, какъ онъ учился, но думаю, что плохо, потому что больше всего онъ тратилъ времени на кутежи съ веселыми людьми, однако, окончилъ курсъ и получилъ степенъ лѣкаря, да все забывалъ хлопотать о мѣстѣ. Судьба, впрочемъ, была къ нему такъ милостива, что онъ безъ всякихъ собственныхъ хлопотъ получалъ два раза назначеніе, но всякій разъ онъ находилъ кого-нибудь изъ товарищей, который, по его мнѣнію, гораздо болѣе его нуждался въ должности. Въ Спиридоновѣ пробуждался Испанскій Дворянинъ, и онъ оба свои назначенія уступалъ другимъ, а самъ кутилъ да гулялъ и догулялся до того, что остались у него рыжій плащъ, гитара да трубка съ чубукомъ. У хозяйна же его, Знаменосцева, была восемнадцатилѣтняя дочь Валентина, дѣвочка съ мудренымъ характеромъ. Много читала и начиталась до того, что она очень умна, а это было, кажется, совсѣмъ наоборотъ. Спиридоновъ съ Валентиной былъ и знакомъ, и нѣтъ: онъ съ нею, случалось, разговаривалъ, но никогда долго не говорилъ. Прислужится ей книжкой, она прочтаетъ и отдастъ ее назадъ, а онъ спроситъ: «хорошо?», она отвѣтитъ: «хорошо». Спиридоновъ, разумѣется, о другой спроситъ: «дрянь книга?» она отвѣтитъ: «эта мнѣ не нравится», онъ опять разсмѣется. «Вы, Летунка,—говоритъ онъ ей,—лучше бы не читали книгъ, а то трудило

жить станеть». Она, однако, не слушала и читала. Жизнь этой дѣвушки была обыкновенная жизнь въ домѣ мелкаго чиновника, пробивающагося въ Москвѣ на девятнадцать рублей мѣсячнаго жалованья и рублей пять - шесть какихъ-нибудь срывковъ съ просителей. Отецъ ходилъ утромъ на службу, послѣ обѣда спать, въ сумерки, для моціона, голубеѣ пугаль, а вечеромъ шилъ; мать сиплетничала да кропотала и сварилась то съ сосѣдями, то съ работницей; дѣвушка скучала. Она была ни хороша, ни дурна: остролиная, черненькая, быстрая и характерная, говорила много, домашнимъ ничѣмъ не занималась, сиплетень не слушала и къ нарядамъ обнаруживала полнѣйшее равнодушіе. Вдругъ этого Знаменосцева выгнали со службы за какую-то маленькую плутлю. Семья такъ и взвыла, а дѣтей у нихъ, кромѣ Летуники, была еще цѣлая куча и все малъ-мала меньше. Въ домигъ у нихъ всего было двѣ квартиры, съ которыхъ съ обѣихъ выходило доходца въ мѣсяцъ рублей двѣнадцать, да и то одна подъ эту пору пустовала, а за другую Спиридоновъ мѣсяца три уже не платилъ. Пришлось семьѣ хоть послѣдній домикъ продавать, проѣсть деньги, а потомъ идти по-міру или стать у Иверской. Въ такихъ случаяхъ люди всегда ищутъ виноватыхъ, и у Знаменосцева нашлась виноватою старшая дочь: зачѣмъ она о сію пору замужъ не вышла? Показывали ей, что и тотъ-то приказный хорошъ, а того-то заловить бы можно, и начались черезъ это дѣвушкѣ страшныя огорченія, а какъ бѣда никогда не ходитъ одна, то явилось ей и подспорье. Приказному Знаменосцеву, время отъ времени, помогаль помѣщикъ Поталѣвъ, изъ одной изъ далекихъ губерній. Такіе благодѣтели встарь наживались у московскихъ сенатскихъ приказныхъ. Знаменосцевъ сообщалъ Поталѣву справочки по опекунскому совѣту, по сенату, дѣлалъ закупки, высылалъ книги, а Поталѣвъ за то давалъ ему рублей сто денегъ въ годъ, да пришлетъ, бывало, къ Рождеству провизіи да живности, и считался онъ у нихъ благодѣтелемъ. Какой это человекъ былъ по правиламъ и по характеру, вы скоро увидите, а имѣлъ онъ въ ту пору состояніе большое, а на плечахъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, и былъ такъ дурень, такъ дуронъ собою, что и рассказать нельзя: маленькій, толстый, голова какъ пивной котель, сѣдой съ рыжиною, глаза какъ у кролика, и рябь отъ

оспы до того, что даже ни усы, ни бакенбарды у него всеѣмъ не росли, а такъ только щетинка между желтыхъ рябинъ кое-гдѣ торчала; простыя женщины-крестьянки и тѣ его ужасались...

— Какая прелесть!—прошептала Бодростина.

— Да; но онъ, впрочемъ, и самъ боялся женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ.

— Чудо! чудо! Гдѣ онъ, этотъ рѣдкій смертный.

— Онъ умеръ! — отвѣчалъ, сконфузясь, Водошняновъ, и тотчасъ продолжалъ.— Вотъ онъ и прѣѣхалъ въ ту пору въ Москву и сталъ у Знаменосцевыхъ на ихъ пустую квартиру, которую они для него приборали и обрядили, и началъ онъ давать имъ деньги на столъ и самъ у нихъ сталъ кушать, приглашая всю ихъ семью, и вдругъ при этихъ обѣдахъ приглянулась ему Валентина; онъ взялъ да за нее и посватался. Знаменосцевы отъ радости чуть съ ума не сошли, что будутъ имѣть такого зятя—и богатаго, и родовитаго; онъ ихъ возьметъ въ деревню, сдѣлаетъ стараго приказнаго управителемъ, и начнется имъ не житье, а колыванье. Сразу они и слово дали, и всеѣмъ людямъ свою радость объявили, забыли только дочь объ этомъ спросить, а въ этомъ-то и была вся штука. Летушка спокойно, но твердо наотрѣзъ объявила, что она за Поталѣва замужъ не пойдетъ. Ее побили, и больно побили, а она и сбѣжала, и пропала дня съ три. Родители, разумѣется, странно перепугались, не сдѣлала бы она чего съ собою, да и отъ Поталѣва этого нельзя было скрыть, онъ самъ отгадалъ въ чемъ дѣло и, надо отдать ему честь, не похвалилъ ихъ, онъ прямо сказалъ имъ, что ни въ какомъ случаѣ не хочетъ, чтобы дѣвушку неволили идти за него замужъ. У семьи явилось новое горе: все надежды сразу оборвались и рухнули. А тѣмъ временемъ Валентина вдругъ къ исходу третьяго дня вечеромъ и является. Вернулась она домой никѣмъ незамѣченная въ сумерки и сѣла у окошка. Ее ужъ не бранили, куда тутъ до брани! Ее начинаютъ просить, да вѣдь какъ просить: отецъ съ матерью и со всею мелкотой на колѣни передъ нею становятся. «Мы, говорятъ, все тебя, Летушка, любимъ, пожалѣй же и ты насъ», а она имъ въ отвѣтъ: «какая же, говоритъ, ваша любовь, когда вы хотите моего несчастья? Нѣтъ, я васъ не должна жалѣть послѣ этого». А тутъ Поталѣва пригласили, и тотъ

говорить: «Бога ради не думайте, я никакого пасиля не хочу, но я богатъ, я хотѣлъ бы на васъ жениться, чтобы такимъ образомъ васъ обезпечить. Я любви отъ васъ не потребую, но я самъ люблю васъ». Но Летушка вдругъ встала и что же сдѣлала: «Любите, говоритъ, меня? Не вѣрю вамъ, что вы меня любите, но такъ и быть, пойду за васъ, а только знайте же, впередъ вамъ говорю, что я дурно себя вела и честно дѣвушкой назваться не могу». Отецъ съ матерью такъ и грохнули на полъ, а Потапѣевъ назадъ, но затѣмъ съ выдержкой, прикрывая свою ретирату великодушнѣмъ: «Во всякомъ случаѣ, говоритъ, чтобы доказать вамъ, что я васъ любилъ и жалѣю, скажите вашему оболъстителю, чтобъ онъ на васъ женился, и я буду о немъ хлопотать, если онъ нуждается, и я всегда буду помогать вамъ». А Лета отвѣчаетъ: «Нѣтъ моего оболъстителя, онъ меня бросилъ». Ну, такъ и дѣлать было по-чего, и старикъ-отецъ сказалъ: «Иди же ты, проклятая, иди откуда ты сегодня пришла, теперь на тебѣ никто не женится, а сраму я съ тобою не хочу». И повернулъ онъ дочь къ двери, и она пошла, но на порогѣ вдругъ предъ всѣми Спиридоновъ въ своемъ рыжемъ плащѣ: онъ былъ пьянъ, качался на ногахъ и, разставивъ руки въ притолки, засмѣялся и закричалъ:

— Кто смѣетъ гнать изъ дому дѣвушку? Ха-ха-ха! Не смѣть! Я этого не позволю.

— Я васъ самихъ выгоню!—отвѣчалъ приказный.

— Тс-съ! Ха-ха-ха! Что такое выгонис?.. Не смѣть!.. тс!..

Ему пригрозили полиціей.

— Не смѣть!—отвѣчалъ, шатаясь, Спиридоновъ:—полицію?.. Сокрушу полицію! Вотъ!—и онъ хлопнулъ кулакомъ по столу и отбилъ уголь.—Да! За все заплачу, а дѣвушку гнать не смѣете! Я ей покровительствую... да! Чѣмъ вы, Лета, проитрафиллись, а? Да; я все слышалъ, я ключъ подъ окномъ уронилъ и искалъ и все слышалъ... Оболъститель!.. Негодай... онъ виновенъ, а не вы... васъ нельзя вонъ, онъ...—продолжалъ Спиридоновъ, указывая на Потапѣева, и, подумавъ съ мнугу, добавилъ:—онъ тоже негодай... Тссъ? никто ни слова не смѣть: я на ней женюсь, да! У меня есть чести на двухъ; и на свою и на ея долю. Хотите, Лета, быть моей женой, а? Я васъ серьезно спрашиваю: хотите?

— Хочу,—вдругъ неожиданно отвѣчала Валентина.

— Руку вашу! Давайте мнѣ вашу бѣдную руку.

Валентина смѣло подошла и, не глядя на Спиридонова, подала ему обѣ свои руки.

— Bravo!—закричалъ Спиридоновъ: — bravo! Вотъ вы... какъ васъ...—обратился онъ къ Поталѣеву. — Ха-ха-ха, не умѣли сдѣлать, а теперь... теперь эта невѣста моя. Да, чортъ возьми, моя! Мы съ нею будемъ пѣть дуэтомъ: «у меня всего три су, у жены моей четыре: семь су, семь су, что намъ дѣлать на семь су»? Но ничего, моя Лета, не робѣй, будемъ живы и будемъ пить и веселиться, вино на радость намъ дано. Не робѣй! Александръ Спиридоновъ, Испанскій Дворянинъ, онъ уважаетъ женщину, хотя у него двадцать тысячъ пороковъ. Забудется онъ, ты скажи ему: «Сашка, стой!» и все опять будетъ въ порядкѣ. Родители, я оставляю вамъ дочь вашу на три дня подъ сохраненіе, и черезъ три дня буду съ нею вѣнчаться! Да! Бережь ее! Я строго: бережь, ни въ чемъ ей не смѣй отказывать, пусть ходитъ, куда хочетъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ, потому что я такъ хочу, я ея будущій мужъ, глава и повелитель! Ха-ха-ха, слышишь, Лета, я твой повелитель; да! А приданого не смѣть... Боже сохрани, а то... ха-ха-ха... а то прибью, если кто подумаетъ о приданомъ. Ну и все теперь, спите, добрые граждане, ужъ одиннадцать часовъ, и я хочу спать. Аминь.

И съ этимъ онъ поцѣловалъ при всѣхъ невѣсту въ голову, еще разъ велѣлъ ей не робѣть и ушелъ.

Поталѣевъ тоже отправился въ свое помѣщеніе и раздѣлся, но еще не гасилъ огня и, сидя у открытаго окна, курилъ трубку. Въ закрытыя ставнями окна хозяевъ ничего не было видно, но мезонинная канура Спиридонова была освѣщена свѣчкой, воткнутой въ пустую бутылку. Изъ этого мезонина неслись по двору звуки гитары, и звучный баритонъ пѣлъ пѣсню за пѣсней.

«Вотъ оно настоящій-то сорви-голова! — думалъ Поталѣевъ. — Такъ вотъ оно на комъ она споткнулась? да и ничего нѣтъ мудренаго живучи на одномъ дворѣ. Мудрено только одно, что мнѣ это прежде не пришло въ голову. Да полно, и женится ли онъ на ней вправду? Вѣдь онъ сегодня совсѣмъ пьянъ, а мало ли что спяна говорится.»

И Поталѣевъ опять взглянулъ въ мезонинное окно и

видить, что Спиридоновъ стоитъ въ просвѣтѣ рамы, головой доставая до низенькаго потолка, и, держа предъ собою гитару, поетъ. Слова звучныя, мотивъ пловучій и страстный, не похожій на новыя шансонетки:

Самъ умѣю я пѣть,	Хладныхъ сердцу отравъ...
Мнѣ не нужно октавъ,	Одного жажду я: поцѣлуя!
Мнѣ не нужно фуки,	

но тутъ лѣкаръ быстро подвинулся къ окну и, взявъ другой аккордъ, запѣлъ грустную и разудалую:

Что-бъ мы были безъ вина?	Все грозитъ бѣдой и зломъ,
Жизнь печальми полна;	Но если есть стаканъ съ виномъ...

Онъ опять не докончилъ пѣсни и быстро исчезъ отъ окна, и комната его осталась пустою, по ней только мерцало пламя свѣчи, колеблемое легкимъ ночнымъ вѣтромъ; но зато по двору какъ-будто прошла темная фигура, и черезъ минуту въ двери Поталѣева послышался легкій стукъ.

— Кто тамъ стучитъ?—освѣдомился Поталѣевъ, бывший въ своемъ помѣщеніи безъ прислуги, которая ночевала отдѣльно.

Но вмѣсто отвѣта за дверью раздался звукъ гитары и знакомый голосъ запѣлъ:

Кто тамъ стучится смѣло?	«Согрѣй обмерзло тѣло»,
Со гнѣвомъ я вскричалъ.	Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.

— Испанскій Дворянинъ дѣлаетъ вамъ честь своимъ посѣщеніемъ,—добавилъ Спиридоновъ.

Поталѣевъ былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи, что ему сдѣлать, и не отвѣчалъ.

— Что же?—отозвался Спиридоновъ. — Дайте отвѣтъ. Я
Исполненъ отваги, закутанъ плащомъ,
Съ гитарой и шпагой стою подъ окномъ.

— Войдите, прошу васъ,—отвѣчалъ совсѣмъ смѣшавшійся Поталѣевъ, и отперъ двери.

На порогѣ показался Спиридоновъ въ туфляхъ, пакинутымъ на плечи фланелевомъ одѣялѣ и съ гитарой въ рукахъ.

— Ха-ха-ха,—началъ онъ:—я васъ обезпокоилъ, но простите, пожалуйста, бываютъ гораздо худшія безпокойства: напримѣръ очень многихъ голодь безпокоитъ...

— Ничего-съ,—отвѣтилъ Поталѣевъ и хотѣлъ попросить Спиридонова садиться, но тотъ уже самъ предупредилъ его.

— Не безпокойтесь,—говорить:—я самъ сижу, а я вотъ что... помогите мнѣ, пожалуйста, допѣть мою пѣсню, а то я совсѣмъ спать не могу.

Поталѣвъ выразиль недоумѣніе.

— Вы меня не понимаете, я это вижу.

Все грозить бѣдой и зломъ,
Но если есть стаканъ съ виномъ...

а стакана-то съ виномъ и нѣтъ. Все спущено, все... кромѣ чести и аппетита.

— Очень радъ, что могу вамъ служить,—отвѣтилъ Поталѣвъ, вынимая изъ шкафа откупоренную бутылку хереса.

— У васъ, я вижу, благородное сердце. Вино хересь... это благородное вино моей благородной родины, оно соединяетъ крѣпость съ ароматомъ. Пью, милостивый государь, за ваше здоровье, пью за ваше благородное здоровье.

— Да! это настоящій хересь!—продолжалъ онъ, выпивъ рюмку, и громко стукнулъ по столу.

Все грозить бѣдой и зломъ,
Но если есть стаканъ съ виномъ,
Выпьемъ, выпьемъ, все забыто!
Выпьемъ, выпьемъ, все забыто!

Да; я пью теперь за забвеніе... за забвеніе всего, что было тамъ. Понимаете, тамъ... Не тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть, а вотъ тамъ, у нашего приказнаго.

— Вы, кажется, не должны и не имѣете права забыть всего, что тамъ было?

— Тсъ! Не смѣть! Ни слова! Кто сказалъ, что я хочу забыть? Спиридоновъ, Испанскій Дворянинъ... онъ ничѣмъ не дорожитъ, кромѣ чести, но его честь... тсъ!.. Онъ женится, да... Кто смѣетъ обижать женщину? Мы всё хуже женщинъ, да... непременно хуже... А пришелъ я къ вамъ вотъ зачѣмъ: я вамъ, кажется, тамъ что-то сказалъ?

— Право, не помню.

— Тсъ!.. ни слова!.. Не выношу хитростей и становлюсь дерзокъ. Нѣтъ; я васъ обидѣлъ, это подло, и я оттого не могъ пѣть; и я, Испанскій Дворянинъ, не гнущій шею предъ рокомъ, склоняю ее предъ вами и говорю: простите мнѣ, синьоръ, я васъ обидѣлъ.

И съ этимъ онъ низко поклонился Поталѣву и протянулъ ему руку и вдругъ крайне ему понравился. Чѣмъ Поталѣвъ болѣе въ него всматривался и вникалъ, тѣмъ болѣе и болѣе онъ располагался въ пользу веселаго, безпечнаго, искренняго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чувствующаго Спиридонова.

— Послушайте, — сказалъ онъ: — будемъ говорить откровенно.

— Всегда радъ и готовъ, и иначе не умѣю.

— У васъ вѣдь, должно-быть, никакихъ нѣтъ опредѣленныхъ плановъ насчетъ вашего самаго ближайшаго будущаго?

— Никакѣйшихъ!—отвѣчалъ Спиридоновъ, смакуя во рту хересъ.

— Что же вы будете дѣлать?

— А бисъ его знаетъ!—и съ этимъ Спиридоновъ всталъ и, хлопнувъ по плечу Поталѣва, проговорилъ:—а несте ли чли: «не печитесь объ утреннемъ, утреннее бо само о себѣ печется». Тсъ! ни слова мнѣ, я одного терпѣть не могу, знаете чего? Я терпѣть не могу знать, что я бѣденъ!

И съ этимъ онъ еще выпилъ рюмку хереса и ушелъ.

На другой день Поталѣвъ заходитъ къ Спиридонову и сообщаетъ ему, что у нихъ въ городѣ есть вакантное мѣсто врача, причемъ онъ ему предлагаетъ шестьсотъ рублей жалованья за свое лѣченіе и лѣченіе его крестьянъ.

— Что же, и брависсимо!—отвѣчалъ Спиридоновъ.—Если Лета согласна, такъ и я согласенъ.

— Она согласна.

— Ну и валяйте, опредѣляйте меня, я ѣду.

Черезъ два дня была свадьба Спиридонова съ Летушкой, а черезъ недѣлю они поѣхали въ крытомъ рогожномъ тарантасикѣ въ черноземную глушь, въ уѣздный городокъ, къ которому прилегали большія владѣнія Поталѣва.

— Не наскучилъ ли я вамъ съ моею исторіей Испанскаго Дворянина?—спросилъ, остановясь, Водопьяновъ.

— Нимало, нимало! Это теперь именно только и становится интересно, и я хочу знать, какъ этотъ буфонъ уживается съ женой?—отвѣчала Бодрустина.

— Въ такомъ случаѣ я продолжаю.

Супруги эти съ первой же поѣздки показали, какъ они заживутъ. На триста рублей, подаренныхъ Поталѣвымъ молодой, они накупили подарковъ всѣмъ, начиная съ самихъ приказныхъ и кончая стряпухой, рублей пятьдесятъ выдали на вспомошествованіе какому-то семейству, остальное истратили въ Москвѣ и остались совсѣмъ безъ денегъ.

Поталѣвъ ужъ самъ нанялъ имъ лошадей и снабдилъ ихъ деньгами черезъ Летушку. Спиридонова нимало не занимало, откуда берутся у жены деньги, — онъ объ этомъ даже не полюбопытствовалъ узнать у нея. Дорогой они опять пожурировали, и извозчикъ везъ-везъ ихъ, да надокучило

ему, наконецъ, съ ними путаться, а деньги забраны, онъ завернулъ въ поле во время грозы, сталъ на паринѣ, да выпрягъ потихоньку коней и удралъ. Такъ гроза прошла, а они стоятъ въ кибиткѣ и помирають-хохочуть. Ёдетъ дорогой исправникъ и смотритъ, что за кибитка такая безъ лошадей посреди поля стоитъ? Свернулъ къ нимъ, спрашиваетъ, они ему и говорятъ кто они такіе: новый докторъ съ женой. Приѣхалъ исправникъ въ городъ, выслалъ за ними земскихъ лошадей, ихъ и перевезли, и перевезли прямо на постоянный дворъ, а они тутъ и расположились. Говорятъ Спиридонову: «Вы бы къ кому-нибудь явились», а онъ только рукой машетъ. «Да ну ихъ,—говоритъ:—захотятъ, сами ко мнѣ явятся». И точно, что же вы думаете, ждали, ждали его къ себѣ различныя городскія власти, и сами стали къ нему явиться, а онъ преспокойно всѣхъ угоститъ, всѣхъ разсѣнитъ, и всѣ его полюбили.

— Ищите же,—говорятъ:—себѣ квартиры,—и тотъ указываетъ на одно, другой—на другое помѣщеніе, а онъ на все рукой машетъ: «усиѣмъ,—говоритъ:—еще и на квартиръ нажиться».

И тутъ опять слышитъ ему въ подмогу случай: городского головы теща захворала. Сто лѣтъ прожила и никогда не болѣла и не лѣчилась, а вдругъ хворьба пристигла. Позвали нѣмца-доктора, тотъ оцупалъ ее и говоритъ: «издохни разъ», а она ему: «самъ,—говоритъ:—нехристь, издохни, а я умирать хочу». Вотъ и послали за новымъ лѣкаремъ. Спиридоновъ посмотрѣлъ на больную и говоритъ:

— Вы, бабушка, сколько прожили?

Та отвѣчаетъ:

— Сто лѣтъ.

— Чудесно,—похвалилъ ее Спиридоновъ:—вы вѣрно родителей своихъ почитали?

Старуха посмотрѣла на него и говоритъ своимъ окружающимъ:

— Вотъ умный человекъ! Перваго такого вижу!—А потомъ обратилась къ нему:—именно, говоритъ,—почитала, меня тятенька тридцатилѣтнюю разъ веревкой съ ушата хлестала.

— И вамъ еще сколько лѣтъ хочется жить? — спросилъ ее Спиридоновъ.

— Да нисколько мнѣ не хочется, мнѣ ужъ это совсѣмъ надоѣло.

— Вот и чудесно, — отвѣчаетъ Спиридоновъ: — мнѣ и самому надоѣло?

Старуха даже заинтересовалась: отчего это человѣку такъ рано жить надоѣло?

— Жена, что ли, у тебя лиха?

— Нѣтъ, жена хорошая, а я самъ плохъ.

Старуха раздвигалась, что такое за человѣкъ, который только пріѣхалъ и самъ себя на первыхъ же порахъ порочить.

— Не выпьешь ли, — говоритъ: — батюшка, водочки и не закусишь ли ты? Ты мнѣ что-то по-сердцу пришелъ.

— Извольте, — отвѣчалъ Спиридоновъ: — и закушу, и выпью.

И точно, и закусилъ, и выпилъ, и старуха ему сама серебряный рубль дала.

— Еще, — говоритъ: — и завтра приходи ко мнѣ, если доживу. Пока жива, все всякій день ко мнѣ приходи, мнѣ съ тобой очень занятно.

И опять пришелъ Спиридоновъ, и опять старуха его запотчивала, и опять ему рубль дала, и пошло такимъ образомъ съ мѣсяцъ, каждый день кряду, и повалила Спиридонову практика, заговорили о немъ, что онъ чуть не чудотворецъ, столѣтнихъ полумертвыхъ старухъ и тѣхъ на ноги ставитъ! Лѣчилъ онъ пресчастливо, да и не диво: человѣкъ былъ умный и талантливый, а такому все дается. Не щупавши и не слушавши узнавалъ болѣзнь, что даже другихъ сердило. Разъ жандармскій офицеръ проѣздомъ заболѣлъ и позвалъ его. Спиридоновъ ему сейчасъ рецептъ. Тотъ обидѣлся, «что это, — говоритъ: — за невниманіе, что вы даже языкъ не попросили меня вамъ показать?» А Спиридоновъ отвѣчаетъ: «что же мнѣ вашъ языкъ смотрѣть? Я и безъ того знаю, что языкъ у васъ скверный». Однимъ словомъ, все видѣлъ. Пьяненокъ иногда прихаживалъ, и то не бѣда. Напротивъ, слава такая прошла, что лѣкаръ какъ пьянъ, такъ вдвое видитъ, и куда Спиридоновъ ни придетъ, его все подпаиваютъ: все двойной удали добиваются. Такимъ манеромъ и прослылъ онъ гулякой, и даже приятельница его, Головина теща, ему сказала:

— Вижу, говоритъ, — я, чѣмъ ты, отецъ лѣкаръ, плохо-то называешься! Ты совсѣмъ пить не умѣешь.

— Истинно, — говоритъ: — вы это вправду сказали: совсѣмъ пить не умѣю.

— То-то, ты вина-то не любишь, все это сразу выпить хочешь. А ты бы лучше его совсѣмъ бросить.

— Да какъ,—отвѣчаетъ:—бросить-то? А не равно какъ хорошій человѣкъ подниметь, за что онъ тогда будетъ за меня мучиться?

Старуха расхохоталась.

— Охъ, пусто тебѣ будь, говорить, — пей ужъ, пей, да только дѣло разумѣй.

Но Спиридоновъ, пивши такимъ образомъ, конечно, скоро пересталъ разумѣть и дѣло. Однако, ему все-таки везло. Голловина теща передъ смертію такъ его полюбила, что отказала домикъ на провальѣ, въ который онъ наконецъ и переѣхалъ съ постоялаго двора, а Поталѣевъ какъ только прибылъ, такъ началъ производить Спиридонову жалованье и помогалъ ему печенымъ и варенымъ, даже прислуга, и та вся была Поталѣевская, лошади—и тѣ Поталѣевскія, и все это поистинѣ предлагалось въ высшей степени деликатно и совершенно безкорыстно. Поталѣевъ оберегалъ Летушку и любилъ Спиридонова, какъ прекраснѣйшаго человѣка. Въ городѣ и всѣ, впрочемъ, его любили, да и нельзя было не любить его: доброта безмѣрная, веселость постоянная и ничѣмъ несмущаемая; безкорыстіе полное; «есть — носить, нѣтъ—сбросить», и ни о чемъ не тужить. Жена ему тоже вышла подъ пару. Никто ей надивиться не могъ; никто даже не зналъ, страдаетъ она или нѣтъ отъ мужниныхъ кутежей. Всегда она чистенькая, опрятная, спокойная. Про несогласія у нихъ и не слыхивано; хозяйка во всемъ она была полновластная, но хозяйства-то никакого не было: садутъ обѣдать, съѣдятъ одинъ супъ, кухарка имъ щи подаетъ.

— Это что же такое,—воскликнетъ Спиридоновъ: — зачѣмъ два горячихъ?

— А барыня, моль,—такъ приказала.

А Лета и расхохочется.

— Извини, скажетъ,—Саша, это я книги зачиталась.

И хохочутъ оба какъ сумасшедшіе, и ѣдятъ щи послѣ супа.

Гости у Леты были вѣчные, и всѣ были отъ нея безъ ума, и старики, и молодые. Обо всемъ она имѣла понятіе, обо всемъ говорила и оригинально, и смѣло. У нея завелись и поклонники: инвалидный начальникъ ей объяснялся въ прозѣ и предлагалъ ей свое «сердце, которое можетъ замѣнить милліоны», протопоповскій сынъ, пріѣзжавшій на

капикулы, сочинялъ ей стихи, въ которыхъ плакалъ, что во все между-каникулярное время онъ

Повсюду бросалъ жаждущій взоръ,
Но нигдѣ не встрѣчалъ свой небесный метеоръ.

Соборный дьяконъ, вдовецъ, весь ея дворъ собственною рукой взрылъ заступомъ, подѣлалъ клумбы и насажалъ левкоевъ; но это все далекіе обожатели, а то и Поталѣевъ сидѣлъ у нея по цѣлымъ днямъ и все назывался въ крестные отцы, только крестить было некого. Такъ прошелъ годъ, два и три: Летушка выросла, выровнялась и расцвѣла, а мужъ ея поддъувалъ: въ наружности его и въ одеждѣ, во всемъ уже виденъ былъ пьяница. Отъ общества онъ сталъ удаляться и началъ вести компанію съ однимъ дьякономъ, съ которымъ они гдѣи дуэтомъ: «Нелюдимо наше море» и крѣпко напивались. Въ это время и случись происшествіе: ѣхала черезъ ихъ городъ почтовая карета, лошадь въ ней съ горы тормозъ, помчало ее внизъ, лошадей передушило, и двухъ пассажировъ искалѣчило: одному ногу переломило, другому—руку. Были это люди молодые, только что окончившіе университетскій курсъ и ѣхавшіе въ губернской городъ на службу, одинъ—товарищемъ предсѣдателя, другой—чиновникомъ особыхъ порученій къ губернатору. Спиридоновъ забралъ ихъ обоихъ къ себѣ въ домъ и началъ лѣчить и вылѣчить, и пока они были опасны, самъ не пилъ, а какъ тѣ стали обмогаться, онъ опять за свое. «Теперь Леть, говорить,—не скучно, ее есть кому забавлять», и точно нарочно отъ нея сталъ отдаляться; а изъ паціентовъ богатый молодой человѣкъ, по фамиліи Рупышевъ, этимъ временемъ страстно влюбился въ Летушку. Уже оба эти больные и выздоровѣли, а все не ѣдутъ; одного магнито держить, другой для товарища сидитъ, да и самъ тоже неравнодушенъ. Но, наконецъ, стали они собираться ѣхать и захотѣли поблагодарить хозяина, а его нѣтъ, нѣтъ и день, и два, и три, и ночевать домой не ходитъ, все сидитъ у дьякона. Ну, просто самъ наводитъ руками жену Богъ вѣсть на что.

— На что же онъ ее наводилъ?—перебила Бодростина, смѣясь и тихо дернувъ подъ столомъ за полу сюртука Висленева. Но Водопьяновъ словно не слыхалъ этого вопроса и продолжалъ:

— Въ городѣ давно уже это такъ и положили, что Лета мужа не любить и потому ей все равно, а онъ ее радъ бы

кому-нибудь съ рукъ сбыть. Чѣмъ же онъ занимался у дьякона? Рупышевъ, уѣзжая, пошелъ къ нимъ, чтобы посмотреѣть, проститься и денегъ ему дать за лѣчение и за хлѣбъ за соль. Приходитъ; на дворѣ никого, въ сѣняхъ никого и въ комнатахъ никого, все вокругъ отперто, а живой души нѣтъ. Но только вдругъ слышитъ онъ тупые шаги, какъ босикомъ ходятъ, и видитъ идетъ лѣкарь, какъ мать родила, на плечѣ держитъ палку отъ щетки, а на шей наверху трезубецъ изъ хворостинки. Идетъ и не смотритъ на гостя, и обошелъ вокругъ печки и скрылся въ другую комнату, а черезъ двѣ минуты опять идетъ сзади и опять проходитъ такимъ же манеромъ. «Докторъ!—зоветь Рупышевъ,—докторъ! Александръ Ивановичъ!» а Спиридоновъ знай совершаетъ свое теченіе. Рупышевъ опять къ нему, да ужъ съ доукой, а тотъ, не останавливаясь и не оборачиваясь въ его сторону, отвѣчаетъ: «Оставьте меня, я Нибелунгъ», и пошелъ далѣе. «Фу ты, чортъ возьми, до чего человекъ допился!» думаетъ гость, а между тѣмъ изъ-подъ стола кто-то дергъ его за ногу. Смотритъ Рупышевъ, а подъ столомъ сидитъ дьяконъ.

— Дразните, говоритъ,—меня, я медвѣдь.

Гость-то его и угышь, и подразни.

— «Р-р-р-р-ръ!» говоритъ,—да ногой и мотнулъ, а дьяконъ его какъ хватить за ногу, да до кости прокусилъ, и стало опять его нужно лѣчить отъ дьяконова укушенія. Тутъ-то Рупышевъ съ Летушкой и объяснился. Она его выслушала спокойно и говоритъ: «Не ожидала, чтобы вы это сдѣлали».

— Да будто говоритъ,—вы вашего мужа любите?—«А я, отвѣчаетъ Летушка,—развѣ вамъ про это позволяла что-нибудь говорить?» — И при этомъ попросила, чтобы онъ объ этомъ больше никогда и рѣчи не заводилъ. Вотъ этотъ Рупышевъ и поѣхалъ, да ненадолго: сталъ онъ часто наѣзжать и угожденіямъ его Летушкѣ и конца не было. Чего онъ ей ни дарилъ, чего ни присылалъ, и наконецъ въ отставку вышелъ и переѣхалъ жить къ нимъ въ городъ, и все знали, что это для Летушки. Спиридоновъ его принималъ радушно и самъ къ нему хаживалъ, и жизнь шла опять по-старому. Придетъ Спиридоновъ ночью домой, прокрадется тихонько, чтобы не разбудить Летушку, и уснетъ въ кабинетикъ, та и не знаетъ, каковъ онъ вернулся.

Но вдругъ Лета заподозрѣла, что Рупышевъ съ мужа нарочно спаваетъ, потому что Спиридоновъ ужъ до того сталъ пить, что началъ себя забывать, и разъ приходитъ при всѣхъ въ почтовую контору къ почтмейстеру и проситъ: «У меня, говорить,—сердце очень болитъ, пропишите мнѣ какую-нибудь микстуру». Рупышевъ дѣйствительно нарочно его спавалъ, и Лета въ этомъ не ошибалась. Пошелъ разъ лѣкарь къ Рупышеву, и нѣтъ его, и нѣтъ, а ночь морозная и по улицамъ носится поземная мятель. Не въ рѣдкость это случалось, но только у Леты вдругъ стала душа не на мѣстѣ. Цѣлую ночь она и спитъ и не спитъ: то кто-то стучитъ, то кто-то царапается и вдругъ тяжелый-претяжелый человѣкъ вошелъ и прямо повалился въ кресло у ея кровати и захрапѣлъ. Летушка такъ и обмерла, проснулась, а возлѣ постели никого нѣтъ, но зато на порогѣ стоитъ человѣкъ въ плащѣ, весь насквозь, какъ туманъ, свѣтится и весело кланяется. Она его вприсосны спросила: «Кто вы и что вамъ нужно?» А онъ ей покивалъ и говоритъ: «Не робѣй, я поправился!» Это было передъ разсвѣтомъ, а на зарѣ пришли люди и говорятъ: «Лѣкаря неживого нашли, заблудился и въ канавѣ замерзъ».

— Ну-съ,—подогнала рассказчика Бодростина.

— Ну-съ, тутъ и увидѣли Лету, какая она. Она окаменѣла: «Нѣтъ, говорить,—нѣтъ, это благородство не могло умереть,—оно живо. Саша, мой Саша! приди ко мнѣ, мой честный Саша!»

Схоронили-съ Спиридонова. Лета осталась безъ всякихъ средствъ; Поталфевъ ее, впрочемъ, не допускалъ до нужды, отъ него она брала, а Рупышеву и всѣ его прежніе подарки отослала назадъ. Рупышевъ долго выбиралъ время, какъ ей сдѣлать предложеніе, и наконецъ сдѣлалъ, но сдѣлалъ его письменно. Летушка что же ему отвѣтила? «Было время, написала она,—что вы мнѣ нравились, и я способна была увлечься вами, а увлеченіямъ моимъ я не знаю мѣры, но вы не умѣли уважать благороднѣйшаго моего мужа, и я никогда не пойду за васъ. Не возвращайтесь ко мнѣ ни съ какимъ предложеніемъ: я вѣчно его, я исполню мой долгъ, если только въ силахъ буду сравняться съ его мнѣ одной извѣстнымъ, безконечнымъ великодушіемъ и благородствомъ».

Послѣ этого Летушка ни самого Рупышева не приняла,

ни одного его письма не распечатала и вскорѣ же, при содѣйствіи Поталѣва, уѣхала къ своимъ въ Москву. А въ Москвѣ все та же нужда, да нужда, и всё только и живы, что Поталѣвскими подаваніями. Поталѣвъ ѣздитъ, останавливается и благодарствуетъ. Проходитъ годъ-другой, Лета все вдвоетъ. Вотъ Поталѣвъ ей и дѣлаетъ вновь предложеніе. Лета только усмѣхнулась. А Поталѣвъ и говоритъ:

— Что это значитъ, какъ я долженъ понимать вашу улыбку?

— Да вѣдь мнѣ вамъ отказать нельзя, — отвѣчаетъ Лета: — вы всѣмъ намъ помогали... да... вы моего Сашу любили...

— Именно-съ любилъ.

Лета повѣсила голову и проговорила:

— Саша мой, научи меня, что я сдѣлаю, чтобы быть достойною тебя?

И съ этимъ она вдругъ вздрогнула, какъ будто кого увидала, и рука ея, точно брошенная чужою рукою, упала въ руку Поталѣва.

— Иду! — прошептала она: — вы меня купили! — Да такъ-съ и вышла за Поталѣва и стала госпожей Поталѣвой, да тѣмъ и самого Поталѣва перепугала.

Опъ жилъ съ нею не радовался, а плакалъ, да служилъ панихиды по Спиридоновѣ и говорилъ: «какъ могло это стать! Нѣтъ, съ нимъ нельзя бороться, онъ мертвый побѣждаетъ».

— Летушка! Лета! — допрашивалъ онъ жену: — кто же онъ былъ для васъ? Гдѣ же тотъ вашъ проступокъ, о которомъ вы дѣвушкой сказали въ Москвѣ?

— Старину вспомнилъ! Напрасно тогда не женился на ней, на дѣвушкѣ! — вставилъ Вислепѣвъ.

— Нѣтъ-съ, дѣло-то именно въ томъ, что онъ женился на *дѣвушкѣ-сѣ!* — отвѣтилъ съ удареніемъ Водопьяновъ. — Скоро Лета нагнала ужасъ на весь деревенскій домъ своего второго мужа: она все ходила, ломала руки, искала и шептала: «Саша! Пустите меня къ Сашѣ!» Есть у Летушки кофточка шитая и шубки дорогія, всего много, но ничто ее не тѣшитъ. Ночью встанетъ, сидитъ на постели и шепчетъ: «Здравствуй, милый мой, здравствуй!» Поталѣвъ не знаетъ, что и дѣлать! Прошло такъ съ годъ. Вотъ и съѣхались разъ къ Поталѣву званые гости. Летушку къ нимъ, разумѣется, не выпустили, но она вдругъ является и всѣмъ кланяется. «Здравствуйте, говоритъ, — не видали ли вы моего Сашу?»

Гости, понятно, смутились.

— Впрочемъ, Саша идетъ ужъ, идетъ, идетъ,—лепетала, тоскуя, Лета.

— Поди къ себѣ наверхъ!—сказалъ ей строго мужъ, но она отвортилась отъ него и, подойдя къ одному старому гостю, который въ это время нюхалъ табакъ, говорить:

— Дайте табаку!

Тотъ ей подаль.

— Вы богаты?

— Богатъ,—отвѣчаетъ гость.

— Такъ купите себѣ жену и...

— Но нѣтъ-съ, — заключилъ рассказчикъ: — я эту послѣднюю сцену долженъ пояснить намъ примѣромъ.

При этомъ Водопьяновъ всталъ, вынулъ изъ бокового кармана большую четырехугольную табакерку красноватого золота и сказалъ: «это было такъ: она стояла, какъ я теперь стою, а гости отъ нея въ такомъ же разстояніи, какъ вы отъ меня. Поталѣевъ, который хотѣлъ взять ее за руку, былъ ближе всѣхъ, вотъ какъ отъ меня г. Висленевъ. Старикъ-гость держалъ въ рукѣ открытую табакерку... Теперь Лета смотритъ туда... въ окно... тамъ ничего не видно, кромѣ неба, потому что это было наверху въ павильонѣ. Ровно ничего не видно. Смотрите, Лариса Платоновна, вонъ туда... въ темную дверь гостиной... Вы не боитесь глядѣть въ темноту? Есть люди, которые этого боятся, оно немножко и понятно... Впрочемъ, вы ничего не видите?

— Ничего не вижу,—отвѣчала, улыбаясь, Лариса.

— Она точно такъ же ничего не видала, и вдругъ Лета рукой щелкъ по рукѣ старика,—и съ этимъ «Сумасшедшій Бедуинъ» неожиданно ударилъ Висленева по рукѣ, въ которой была табакерка, табакъ взлетѣлъ; всѣ, кромѣ отворотившейся Ларисы, невольно закрыли глаза. Водопьяновъ же въ эту минуту пронзительно свистнулъ и сумасшедшимъ голосомъ крикнулъ: «Сюда, малютка! здѣсь Испанскій Дворянинъ!»—и съ этимъ онъ сверкнулъ на Ларису безумными глазами, сорвалъ ее за руку съ мѣста и бросилъ къ раскрытой двери, на порогъ которой стоялъ Подозеровъ.

Лариса задрожала и бросилась опрометью вонъ, а Водопьяновъ спокойно закончилъ:

— Вотъ какъ все это было! — и съ этимъ вышелъ въ гостиную, оттуда на балконъ и исчезъ въ саду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Не передь добромъ.

Андрей Ивановичъ Подозеровъ, войдя черезъ балконъ и заставъ все общество въ наугольной Бодростинскаго дома, среди общаго беспорядочнаго и непонятнаго движенія, произведеннаго табакомъ «Сумасшедшаго Бедуина», довольно долгое время ничего не могъ понять, что здѣсь случилось. Лариса кинулась къ нему на самомъ порогѣ и убѣжала назадъ съ воплемъ и испугомъ. Гордановъ, Висленевъ и Бодростина, въ разныхъ позахъ, терли себѣ глаза, и изъ нихъ Гордановъ дѣлалъ это спокойно, вытираясь бѣлымъ фуляромъ, Висленевъ вертѣлся и бранился, а Бодростина хохотала.

— Это чортъ знаетъ что!—воскликнулъ Висленевъ, первый открывъ глаза, и, увидѣвъ Подозерова, тотчасъ же отступилъ назадъ.

— Я вамъ говорила, что покажу вамъ настоящій антикъ,—замѣтила Бодростина:—надѣюсь, вы не скажете, что я васъ обманула,—и съ этимъ она тоже открыла глаза и, увидавъ гостя, воскликнула: — Кого я вижу, Андрей Ивановичъ! Давно ли?

— Я только вошелъ,—отвѣчалъ Подозеровъ, подавая ей руку и сухо клянясь Висленеву и Горданову, который при этомъ сію же минуту всталъ и вышелъ въ другую комнату.

— Вы видѣли, въ какомъ мы были положеніи? Это «Сумасшедшій Бедуинъ» все рассказывалъ намъ какую-то исторію и въ заключеніе засыпалъ насъ табакомъ. Но гдѣ же онъ? Гдѣ Водопьяновъ?

— Чортъ его знаетъ, онъ куда-то ушелъ!—отвѣчалъ Висленевъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость, найдите его, а то онъ, пожалуй, исчезнетъ.

— Прекрасно бы сдѣлалъ.

— Ну, итъ: я расположена его дослушать, исторія не кончена, и я прошу васъ найти его и удержать.

Висленевъ пожалъ плечами и вышелъ.

— Старѣюсь, Андрей Ивановичъ, и начинаю чувствовать влеченіе къ мистицизму, — обратилась Бодростина къ Подозерову.

— Что дѣлать! платить когда-нибудь дань удивленія неразрѣшимымъ тайнамъ—удѣлъ почти всеобщій.

— Да; но Богъ съ ними, эти тайны, онѣ не уйдуть, между тѣмъ какъ vous devenez rare comme le beau jour. Мы съ вами, вѣдь, не видались сто лѣтъ и сто зимъ!

— Да; почти не видались все лѣто.

— Почти! по-вашему, это, вѣрно, очень мало, а по-моему, очень много. Впрочемъ, счеты въ сторону: je suis ravie, что васъ вижу, — и съ этимъ Бодростина протянула Подозерову руку.

— Я думала или, лучше скажу, я была даже увѣрена, что мы съ вами болѣе уже не увидимся въ нашемъ домѣ, и это мнѣ было очень тяжело, но вы, конечно, и тогда были бы какъ нельзя болѣе правы. Да! обидѣли человѣка, наврали на него съ три короба и еще ему же реприманды ѣдутъ дѣлать. Я была возмущена за васъ до глубины души, и зато изъ той же глубины вызываю искреннюю вамъ признательность, что вы ко мнѣ пріѣхали.

Она опять протянула ему свою руку и, удерживая въ своей рукѣ руку Подозерова, продолжала:

— Вы вознаградили меня этимъ за многое.

— Я вознагражденъ ужъ больше мѣры этими словами, которыя слышу, но,—добавилъ онъ, оглянувшись:—я здѣсь у васъ по дѣлу.

— Безъ *но*, безъ *но*: вы сегодня мой милый гость,—добавила она, лаская его своими бархатными глазами:—а я, конечно, буду не милою хозяйкой и овладѣю вами. — Она порывисто двинулась впередъ и, вставъ съ мѣста, сказала:— я боюсь, что Висленевъ лукавитъ и не пойдетъ искать моего Бедуина. Дайте мнѣ вашу руку и пройдемтесь по парку, онъ долженъ быть тамъ.

Въ это время Бодростина, случайно оборотясь, замѣтила мелькнувшую въ коридорѣ юбку Ларисинаго платья, но не обратила на это, повидимому, никакого вниманія.

— У меня, по-деревенски, ранній ужинъ, но не ранняя почъ: хлѣбъ-соль никогда не мѣшаетъ, а сонъ, какъ и смерть, моя антипатія. Но вы, мнѣ кажется, намѣрены молчать... какъ сонъ, который я припомнила. Если такъ, я буду смерть.

— Вы смерть!.. полноте, Бога ради!

— А что?

— Вы жизнь!

— Нѣтъ, смерть! Но вы меня не бойтесь; я — смерть

легкая, съ прекрасными видѣньями, съ экстазомъ жизни. Дайте вашу руку, идемъ.

Съ этимъ она облокотилась на руку гостя и пошла съ нимъ своею бойкою развалистою походкой чрезъ гостиную въ залъ. Здѣсь она остановилась на одну минуту и отдала дворецкому приказаніе накрыть столъ въ маленькой портретной.

— Мы будемъ ужинать en petit comité, — сказала она, и, держа подъ руку Подозерова, вернулась съ нимъ въ большую темную гостиную, откуда былъ выходъ на просторный, полукруглый балконъ съ двумя лѣстницами, спускавшимися въ паркъ. Въ наугольной опять мелькнуло платье Ларисы.

— Ахъ, écoute, дружочекъ Лара! — позвала ее Бодростина:—j'ai un petit mot à vous dire; у меня разболѣлась немножко голова и мы пройдемся по парку, а ты, пожалуйста, похозяйничай, и если гдѣ-нибудь покажется Водопьяновъ, удержи его, чтобъ онъ не исчезъ. Онъ очень забавень. Allons,—дернула она Подозерова и, круто поверотивъ назадъ, быстрыми шагами сбѣжала съ нимъ по лѣстницѣ и скрылась въ темнотѣ парка.

Лариса все это видѣла и была этимъ поражена. Эта рѣшительность и смѣлость приѣма ее смущала, и вовсе незнакомое ей до сихъ поръ чувство по отношенію къ Подозерову щипнуло ее за сердце; это чувство было ревность. Онъ принадлежалъ ей, онъ ея давній рыцарь, онъ былъ ея женихъ, которому она, правда, отказала, но... зачѣмъ же онъ съ Бодростиной?.. И такъ явно. Въ Ларисѣ заиграла «собака и ся тѣнь». Притомъ ей стало вдругъ страшно; она никогда не гостила такъ долго у Бодростиной; ее выгнали сюда домашніе нелады съ теткой, и теперь ей казалось, что она гдѣ-то въ плѣну, въ зломъ плѣну. Собственный домъ ей представлялся давно покинутымъ раемъ, въ который уже нельзя вернуться, и бѣдная дѣвушка, прислонясь лбомъ къ холодному стеклу окна, съ замирающимъ сердцемъ думала: «пусть вернется Подозеровъ, и я скажу ему, чтобъ онъ взялъ меня съ собой, и уѣду въ городъ».

— Гдѣ вы и съ кѣмъ вы?—произнесъ въ это мгновеніе за нею тихій и вкрадчивый голосъ.

Она вздрогнула и, обернувшись, увидала предъ собою Горданова.

— Вы меня, кажется, избѣгаете? — говорилъ онъ, ловко заступая ей дорогу собою и стуломъ, который взялъ за спинку и наклонилъ предъ Ларисой.

— Нимало, — отвѣчала Лариса, но голосъ ея обличалъ сильное безпокойство; она жалась всѣмъ тѣломъ, выматривая какой-нибудь выходъ изъ-за устроенной ей баррикады.

— Мнѣ необходимо съ вами говорить. Послѣ того, что было вчера вечеромъ въ паркѣ...

— Послѣ того, что было вчера между нами, ни нынче и никогда не можетъ быть ни о чемъ никакого разговора.

— Оставьте этотъ тонъ; я знаю, что вы говорите то, чего не чувствуете. Сдѣлайте милость, ради васъ самой, не шутите со мною.

Лариса поблѣднѣла и отвѣчала:

— Оставьте меня, Павелъ Николаевичъ, примите стулъ и дайте мнѣ дорогу.

— А-а! Я вижу, вы въ самомъ дѣлѣ меня не понимаете!

— Я не желаю васъ понимать; пропустите меня, или я позову брата! — сказала Лариса.

— Вашъ братъ волочится за госпожой дома, которая въ свою очередь волочится за вашимъ отставнымъ женихомъ, но это все равно, оставимъ ихъ прогуливаться. Мы одни, и я долженъ вамъ сказать, что мы должны объясниться...

— Чего же вы требуете отъ меня? — продолжала Лариса съ упрекомъ. — Не стыдно ли вамъ не давать покоя дѣвушкѣ, которая васъ избѣгаетъ и знать не хочетъ.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! вы меня не избѣгали, вы лжете.

— Гордановъ! — воскликнула гнѣвно обиженная Лариса.

— Что вы?... я васъ не оскорбилъ: я говорю, что вы лжете самимъ себѣ. Не вѣрите? Я представляю на это доказательства.

— Если бы вы не хотѣли меня знать, вы бы уѣхали вчера и не остались на сегодня. Бросьте притворство. Наша встрѣча — роковая встрѣча. Нѣтъ силы, которая могла бы сдержать страсть, объемлющую все существо мое. Она не можетъ остаться безъ отвѣта. Лариса, ты такъ мнѣ нравишься, что я не могу съ тобой разстаться, но и не могу на тебѣ жениться... Ты должна меня выслушать!

Лариса остоленѣла.

Гордановъ не понялъ ея и продолжалъ, что онъ не мо-

жетъ жениться только въ теченіе нѣкотораго времени и опять употребилъ слово «ты».

Лариса этого не вынесла.

— «Ты!»—произнесла она, вся вспыхнувъ, и, рванувшись впередъ, прошептала задыхаясь:—пустите!—Но одна рука Горданова крѣпко сжала ея руку, а другая обвила ея станъ.

— Ты спрашиваешь, что хочу я отъ тебя: тебя самой!

— Нѣтъ, нѣтъ! — отрицала съ закрытымъ лицомъ Лариса. — Но, Бога ради! Какъ милости, какъ благодѣянія, прошу васъ: прекратите эту сцену. Умоляю васъ: не обнимайте же меня по крайней мѣрѣ, не обнимайте, я вамъ говорю! Всѣ двери открыты...

— Вы мнѣ смѣшны... дверей боитесь!—отвѣтилъ Гордановъ и, сжавъ Ларису, хотѣлъ поцѣловать ее.

Но въ эту же минуту чья-то сильная рука откинула его въ сторону. Онъ даже не могъ вдругъ сообразить, какъ это случилось, и понялъ все только, оглянувшись назадъ и видя предъ собою Подозерова.

— Послушайте!—прошипѣлъ Гордановъ, глядя въ горящіе глаза Андрея Ивановича.—Вы знаете, съ кѣмъ шутите?

— Во всякомъ случаѣ, съ мерзавцемъ, — спокойно молвилъ Подозеровъ.

Лариса вскрикнула и, пользуясь суматохой, убѣжала.

— Вы это смѣете сказать?—подступилъ Гордановъ.

— Смѣю ли я?

— Вы знаете?.. вы знаете!..—шепталь Гордановъ.

— Что вы подлець? о, давно знаю,—произнесъ Подозеровъ.

— Это вамъ не пройдетъ такъ. И не кто-нибудь... Я...

— Прахъ, ходящій на двухъ лапкахъ! — произнесъ за нимъ голосъ Водопьянова, и колоссальная фигура «Сумасшедшаго Бедуина» стала между противниками съ распростертыми руками. Подозеровъ повернулся и вышелъ.

Павель Николаевичъ постоялъ съ минуту, закусивъ губу. Фонды его заколебались въ его дальновидномъ воображеніи.

«Скандалъ! во всякомъ разѣ гадость... Дуэль... пошлое и опасное средство... Отказаться, какъ это дѣлаютъ въ Петербургѣ... но здѣсь не Петербургъ, и прослывешь трусомъ... Что же дѣлать? Неужто принимать... дуэль на равныхъ шансахъ для обоихъ?.. нѣтъ; я разочтусь иначе»,—рѣшилъ Гордановъ.

8= 50
210

Оглавление

XXIV ТОМ.

На ножахъ.

Романъ въ 6 частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Бездна призываетъ бездну.

	стр.
VII. Продолженіе о томъ, какъ Гордановъ даетъ шахъ и мать Иосафу Висленеву	5
VIII. Финальная ракета	14
IX. Ночь послѣ бала	26
X. Висленевскія дробы приводятся къ одному знаменателю.	32
XI. Висленевъ являетъ натуру	47
XII. Гордановъ спотыкается на ровномъ мѣстѣ	52
XIII. Гордановъ встаетъ на краю пропасти	66
XIV. Изъ прекраснаго далека	69
XV. Порѣзъ до крови	78

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Кровь.

I. Кипятокъ	82
II. Женскій умъ послѣ многихъ думъ	92
III. Положеніе дѣлъ, объясняющее, почему Подозеровъ за- говорилъ о близкой смерти.	102
IV. Сумасшедшій Бедуинъ	124
V. Разсказъ Водопьянова	134
VI. Не передъ добромъ	155

INSTYTUT

WYDZIAŁ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72

Тел. 26-68-63

F

24.124/22-24